

TAYLOR INSTITUTION
DOMI MINA
NUS TIO
ILLU MEA

РУКОВОДСТВО

КЪ ПОЗНАНІЮ

ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

РУКОВОДСТВО

КЪ ПОЗНАНІЮ

ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ,

СОСТАВЛЕННОЕ

Учителемъ Словесности въ Офицерскихъ и Гардемаринскихъ Классахъ Морскаго Корпуса, въ Офицерскихъ и верхнемъ Юнкерскомъ Артиллерійскаго Училища, и въ высшемъ Классѣ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ,

ВАСИЛІЕМЪ ПЛАКСИНЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ типографіи III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

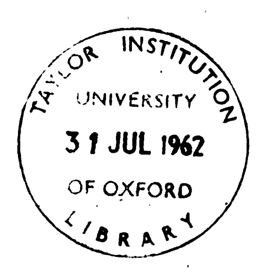
1833.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, 14 Іюня 1833 года.

Цензоръ А. Никитенко.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вотъ опытъ Исторіи Литтературы! Просвѣщенный читатель не найдетъ въ немъ окончательнаго успѣха; но онъ знаетъ, что таковаго успѣха можно ожидать только послѣ многихъ попытокъ, которыя или прокладываютъ путь къ совершенству Науки, или неудачею обличаютъ ложныя стези, — и потому или ведутъ къ истинѣ, или предохраняютъ отъ заблужденій; онъ будетъ цѣнить не только степень успѣха, но и самое стремленіе. — Назначеніе сей книги съ одной стороны облегчаетъ мнѣ отвѣтственность, каковой могутъ отъ меня требовать взыскательные критики, съ другой налагаетъ на меня священную обязанность — внушить юнымъ моимъ слушателямъ любовь и уваженіе къ благороднымъ усиліямъ ума человѣческаго, возжечь въ сердцахъ ихъ бла-

гоговѣйное чувствованіе къ произведеніямъ ума Русскаго; и сія любовь, сіе благоговѣніе должны быть основаны не на предубѣжденіяхъ, а на знаніи; — ибо въ семъ только случаѣ онѣ прочны. Обязанность трудная, и, можетъ быть, превышающая мои силы и способы! Но и награда великая: жить въ памяти новаго, смѣняющаго насъ, поколѣнія, радовать Царя и Отечество, ввѣрившихъ намъ лучшія свои надежды, стяжать благословеніе небесъ, радующихся улучшенію человѣка!..... Какъ сладостна и мечта сія! но сколь бы восхитительна была надежда ежели она возможна! Эта прекрасная мечта есть источникъ сего произведенія. Приступая къ сему дѣлу съ таковою гордою мыслію, я спрашивалъ самаго себя: что я долженъ дѣлать? — Какъ долженъ дѣйствовать? Имѣю ли столько силъ, чтобъ совершить предпринимаемый трудъ? — Я долженъ и хочу познакомить моихъ юныхъ читателей съ ходомъ Русскаго Слова, во первыхъ, какъ естественнаго дѣйствія силъ человѣческихъ, и во вторыхъ, какъ искуства; показать характеры дѣйствователей на семъ поприщѣ, опредѣлить отношенія ихъ словесныхъ произведеній къ нравственному быту народа;

раскрыть рожденіе и ходъ внутренней жизни нашей, выражаемой *Словомъ*, не столько для того чтобъ сдѣлать читателей моихъ учеными, сколько для образованія ихъ.

Для сего мнѣ нужно было: 1) Опредѣлить отношенія *слова къ человѣку*, — показать способъ происхожденія Словеснаго искусства; 2) указать на характеръ и значеніе извѣстнѣйшихъ древнихъ Литературъ; ибо это съ одной стороны знакомитъ съ общимъ ходомъ Словесности, всегда согласной съ внутреннею жизнію народовъ, съ другой объясняетъ неестественность желанія новѣйшихъ имѣть Литературу, подобную древней. 3) Изложить вліяніе древнихъ Литературъ въ Ново-Европейскихъ, какъ по тому, чтобъ видѣть дѣйствіе первыхъ на Русское образованіе, такъ и потому, чтобъ понять прямое или посредственное дѣйствіе послѣднихъ на нашу Словесность; 4) Изъяснить дѣйствіе внѣшнихъ обстоятельствъ и природы на первоначальныя наши впечатлѣнія и на образованіе естественныхъ склонностей, желаній, мнѣній и вѣрованій — это даетъ понятіе о томъ, чѣмъ духъ нашъ обязанъ естественному своему положенію; и 5) развить ходъ идей и

слова въ исторической жизни — это покажетъ, что мы успѣли изъ себя сдѣлать и чего можемъ надѣяться. Взглядъ на новую Литтературу потому столь краткокъ, что я предполагаю изложить оный отдѣльно.

Степень успѣха или неуспѣха рѣшитъ послѣдній вопросъ, относительно моихъ силъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ покажетъ пользу или безполезность моего произведенія. Читателямъ извѣстно, что у насъ но сей части знаній есть только одна книга: *Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы* Н. И Греча. Долгомъ считаю объявить, что матеріальными знаніями Русской Литтературы я обязанъ сей книгѣ столь много, что не только знаніе, но и самое желаніе знать Литтературу родилось во мнѣ уже послѣ прочтенія сей книги.

Живя въ благоустроенномъ обществѣ, и цѣня въ каждомъ писателѣ достоинство человѣка я не долженъ, да и не хочу говорить: *я презираю мнѣніе такихъ-то писателей*, или *такихъ-то Журналовъ*; однако вижу необходимость сказать, что лестное для меня вниманіе воспитателей да и самаго юношества, на службу котораго посвящаю мою жизнь, къ

первому моему труду, *Краткому курсу Словесности*, заставило меня позабавиться надъ напрасными усиліями журналистовъ и не-журналистовъ, убить, уничтожить эту маленькую книжку. Воображаю встрѣчу *бѣдной* сестры ея, а потомъ встрѣчу . . . . . но неожиданность пріятнѣе самой надежды! Да простятъ мнѣ Гг. Журналисты мою откровенность; они, кромѣ одного, не съ той точки смотрѣли на трудъ мой. Желая воспользоваться замѣчаніями людей опытныхъ, разсудительныхъ, благонамѣренныхъ и — что всего важнѣе — *понимающихъ, что значитъ воспитывать юношество въ духѣ того общества въ которомъ мы живемъ* — снова прошу критики! но критики!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

—•••—

»Языкъ безъ Литературы тоже самое, »что народъ безъ Исторіи« — сказалъ одинъ изъ нашихъ Ученыхъ Писателей. Можетъ быть сіе уподобленіе съ перваго взгляда покажется многимъ не столь важнымъ, каково оно въ сущности своей; нѣтъ! это не простое выраженіе обыкновенной мысли; это громкое свидѣтельство вѣковъ, возникающихъ предъ нами въ Исторіи и Литературѣ; мысль великая: отрадная и страшная. Можетъ быть, это покажется несбыточнымъ, неудобопонятнымъ предположеніемъ; но дѣйствительность доказываетъ возможность. Сколько народовъ поглощено вре-

Отношенія языка къ Литературѣ.

менемъ и покрыто забвеніемъ съ ихъ бытомъ, нравами и дѣяніями, съ ихъ пороками и добродѣтелями: — они исключены изъ всемірнаго семейства; они жили внѣ его и не для него, и мы ихъ не знаемъ. — Отчужденіе тяжкое для человѣка, ужасное, но естественное, необходимое! Сколько языковъ забыто человѣчествомъ, сколько изреченій, преданій, мудрыхъ наставленій, а съ ними вмѣстѣ опытовъ, знаній, неудачъ и успѣховъ ума и общежитности исчезло, подобно звукамъ, издаваемымъ животными! Гдѣ жъ сіи мысли и чувствованія, гдѣ знанія и вѣковая опытность? — Они для насъ не существуютъ! Однакожъ все это производили подобные намъ люди, съ тѣми же душевными силами, съ тѣмъ же даромъ слова; и тамъ являлись возвышенные Геніи, благородныя души — образцы человѣчества; являлись умы творческіе; но гдѣ же ихъ творенія? — Они погребены въ забвеніи, какъ невыраженная мысль, какъ сила безъ движенія. Съ другой стороны взглянемъ на тѣ счастливые народы, минувшее бытіе которыхъ составляетъ особый предметъ нашихъ занятій; — съ какимъ тщаніемъ мы изучаемъ ихъ жизнь; съ какою неутомимою заботливостію

изыскиваемъ каждую черту ихъ характера, хотимъ знать ихъ привычки, занятія, самую одежду; съ какимъ жаромъ споримъ о значеніи и даже о произношеніи каждаго слова ихъ! Оживляемъ ихъ въ нашей памяти, бесѣдуемъ съ ними; часто вызываемъ ихъ героевъ на новую чреду бытія, и на зрѣлищахъ заставляемъ повторять ихъ дѣйствія, ихъ житіе.

Гдѣ же кроется причина сей кажущейся несправедливости нашей? Гдѣ причина того, что время въ разрушительномъ своемъ полетѣ къ однимъ столь неумолимо, что стираетъ самые слѣды бытія ихъ; къ другимъ столь снисходительно, что, отнявъ только вещественное бытіе, тщательно блюдетъ лучшую сторону ихъ жизни? Причина всего этого кроется въ природѣ человѣческой.

Всякій человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ, какъ отдѣльная, самостоятельная единица и какъ членъ общества, народа; такъ и народы живутъ для себя и для человѣчества; и въ томъ и въ другомъ случаѣ *частная* жизнь есть средство жизни *общей*. Слѣдовательно вѣки первобытные и всѣ вообще минувшіе съ ихъ мыслителями и дѣйствователями суть нижнія сту-

пени въ лѣствицѣ человѣчества, ведущія къ вѣкамъ послѣдующимъ; мысли и чувствованія, успѣхи просвѣщенія и тягота невѣжества, добродѣтели и пороки первыхъ съ ихъ причинами, слѣдствіями должны служить урокомъ послѣднимъ. Все же сіе можетъ перейдти отъ однихъ къ другимъ только въ Литтературѣ и Исторіи, или лучше сказать: только въ Литтературѣ, принимая оную въ полномъ значеніи и разумѣя подъ симъ словомъ и Исторію. И такъ одни для насъ назидательны всѣмъ: мудростью и заблужденіями, добродѣтелями и пороками, величіемъ и паденіемъ, другіе поучительны только своимъ невѣжествомъ, которое погрузило ихъ въ мракъ забытія. Однако всѣ они имѣли языкъ, всѣ дѣйствовали. Но языкъ безъ Литтературы есть только матеріялъ, которому не дана еще форма; это бродящій хаосъ, стремящійся образовать изъ себя изящный идеальный міръ; онъ удовлетворяетъ только мелочнымъ житейскимъ сношеніямъ, не достигая высочайшаго своего назначенія — быть органомъ *завѣта предковъ къ потомству*, быть, такъ сказать, ковчегомъ, хранящимъ опыты мудрости и заблужденія вѣковъ про-

шедшихъ, да вѣдаютъ то вѣки грядущія. Это дѣло Литературы.

Что жъ такое Литература, въ отношеніи къ языку, если она столь много отличается отъ онаго? — Она есть памятникъ народнаго просвѣщенія и образованія. Вездѣ, во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ являлись люди, въ душахъ коихъ таилось, хотя темное, но сильно зовущее ихъ къ дѣйствованію, безкорыстное чувство изящнаго, скрывались искры Генія любознательнаго, сосредоточивались современныя знанія и чувствованія, подобно какъ собираются разсѣянные лучи въ одну точку — въ фокусѣ; и сіи то люди, выражая умственные взгляды на Творца, природу и человѣка, выражая духъ свой роднымъ современнымъ языкомъ въ формахъ нравящихся вѣку ихъ, творятъ Литературу, которая содержится къ языку, какъ форма, какъ изящное искусство къ матеріялу произведенія. Вотъ по чему всякая Литература имѣетъ свой характеръ, выражаетъ духъ вѣка, духъ народа и душу каждаго писателя отдѣльно.

И такъ всѣ языки могутъ или могли имѣть Литературу; ибо и самая грубая масса подъ

Всякій ли языкъ мо-

жетъ имѣть Литерату-ру? дѣйствіемъ искусной, опытной и послушной идеямъ, руки, которая отдѣлитъ все лишнее ненужное, можетъ быть приведена въ прелестную форму; и самый тяжелый, необразованный языкъ можетъ выражать свѣтлыя идеи, высокія помыслы, и благородныя чувствованія; пусть явятся Омиры, Шекспиры, и Ломоносовы — и грубые нестройные звуки сольются въ прекрасное цѣлое. Такъ визглявая скрипка, хриплый фаготъ, шумный барабанъ, послушные власти Артиста, дробясь въ безконечномъ множествѣ звуковъ, и сливаясь въ гармонію, овладѣваютъ нашимъ сердцемъ, заставляютъ насъ и грустить и радоваться безъ произвольнаго съ нашей стороны предрасположенія.

Но мы должны ли разумѣть подъ словомъ собственно *Литература*, въ тѣсномъ значеніи онаго, всякое начальное лепетаніе народа, или уже совершившійся кругъ полной жизни онаго, выраженной языкомъ, такъ же доконченнымъ въ образованіи? Какъ начинается, идетъ вообще Литература? какъ каждая изъ извѣстныхъ намъ родилась, развивалась, или развивается, низпала, или только нисходитъ?

Опредѣленіе Ежели принять за Литературу всякія

изустнословесныя произведенія, появляющіяся вскорѣ по рожденіи народа; какъ напримѣръ: разсказы о первоначальныхъ приключеніяхъ полуобщественной жизни, которыя ниже всякой Исторіи и которыя между прочимъ суть необходимые сопутники всякаго и частнаго и общественнаго младенчества; то конечно всякій народъ имѣлъ свою Литературу. А ежели мы будемъ разумѣть подъ симъ словомъ свершившійся кругъ Словесности и языка, который, дошедъ до извѣстной степени совершенства, или остался только въ Литературѣ, не имѣя уже живаго употребленія, какъ напримѣръ: древне Греческій и Латинскій языки, или остановился неподвижно, принявъ опредѣленныя формы; то въ семъ случаѣ мы немного найдемъ языковъ Литературныхъ. Симъ предположеніямъ я потому только даю здѣсь мѣсто, что они уже существуютъ въ Исторіяхъ Литературы и въ разсужденіяхъ о ней; но нужны ли они? объясняютъ ли дѣло? нѣтъ! напротивъ они только затрудняютъ оное; ибо требуютъ соглашенія. А мы можемъ достигнуть нашей цѣли гораздо прямѣе, ежели вспомнимъ требованіе наше отъ Литературы и опредѣлимъ мѣсто

Литературы.

ея въ ряду знаній. То и другое само собою опредѣляется разсмотрѣніемъ нашей темы: какъ въ Гражданской Исторіи мы созерцаемъ внѣшнее бытіе народовъ, такъ напротивъ въ Исторіи Литературы мы видимъ жизнь внутреннюю; и притомъ онѣ взаимно объясняютъ одна другую; онѣ имѣютъ свой ходъ, возрастъ. Слѣдовательно каждый періодъ той и другой жизни имѣетъ свое выраженіе и свою Исторію. Конечно, ежели народъ остановится на первой степени бытія своего, въ дикости, въ младенчествѣ, то онъ не заслуживаетъ Исторіи; но ежели онъ идетъ въ своемъ возрастѣ выше и выше, то и низшая степень необходима, какъ основа будущаго величія, какъ первый ростокъ, могущій развиться до огромнаго древа. И такъ ежели бытіе народовъ, имѣющихъ нѣсколько значительную степень образованія и устроенной дѣятельности, называется политическою *жизнію*, и достойно Исторіи; то и соотвѣтствующія сей образованности и дѣятельности словесныя произведенія, составляютъ Литературу, — хотя и бѣдную; — ибо они выражаютъ внутреннюю жизнь народа.

Начало и

Всегда личность предшествовала народно-

сти, которая есть слѣдствіе первой, и раздѣльность была прежде общности, которая проистекаетъ изъ оной, какъ гармонія изъ разногласія, какъ языкъ изъ звуковъ, какъ Литература изъ языка; но доколѣ нѣтъ народности, нѣтъ общности, дотолѣ и нѣтъ Исторіи и нѣтъ Литературы; ибо тогда и жизнь и слово выражаютъ только частныя прихоти, раздѣльныя мысли, единичныя мечты и чувствованія, которыя ни для кого не занимательны, они изливаются изъ души чуждой человѣчества. Являются общія опасности, — сосредоточивается жизнь внѣшняя, выражая согласіе мыслей и чувствованій; всѣ терпятъ одно несчастіе и у всѣхъ одна грусть; уничтоженіе общей заботы и бѣдствія раждаетъ общую радость, торжество. Онѣ воспламеняютъ Геніевъ пѣснопѣвцевъ, въ душахъ которыхъ отражается общій духъ раждающейся народности; и она выражается въ пѣсняхъ, въ разсказахъ, которые служатъ началомъ народной Миѳологіи, Исторіи и Эпопеи; выражается въ пословицахъ и поговоркахъ, въ которыхъ сохраняется первоначальная народная Философія и правовѣденіе; самыя сновидѣнія людей необыкновен- ходъ оной.

ныхъ часто входятъ въ составъ Литературы. Однако доколѣ нѣтъ письменныхъ произведеній, доколѣ не составилось общее мнѣніе, хотя молчаливая Теорія и изустная критика или взыскательность; дотолѣ Словесность не можетъ похвалиться изяществомъ, правильностію; но въ замѣну сихъ достоинствъ она тогда отличается простотою, особенностію: она въ то время есть истинное достояніе народнаго духа, какъ точное безъискуственное выраженіе онаго. И ежели образованіе народа и просвѣщеніе онаго идетъ постепенно, естественнымъ порядкомъ, развиваясь само изъ себя и изъ хода жизни общественной; то Литература, восходя выше и выше, всегда сохранитъ свой собственный характеръ, свою народность. Когда же гражданственность или другія стихіи общежитія и совершенствованія бываютъ приняты, или навязаны и привиты извнѣ; то и Словесность, удаляясь отъ своего первообраза, теряетъ свою особенность, и дѣлается подражательною, а съ тѣмъ вмѣстѣ безхарактерною. Она поступаетъ въ область учености — и бываетъ достояніемъ ученыхъ немногихъ; — таковы всѣ Литературы новоклассическія. Впро-

чемъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я осуждалъ любознаніе въ поэтахъ; — Геній безъ знаній есть сила безъ направленія.

Отношеніе гражданственности къ Литературѣ.

Но не всегда Исторія гражданства согласно идетъ съ Исторіею Литературы; ибо перевороты первой, какъ и вообще событія внѣшней жизни, совершаются быстро, часто силами посторонними привходящими; а измѣненія послѣдней, какъ проявленія жизни внутренней, требуютъ духовной готовности, которая созрѣваетъ медленно, возрастая естественнымъ порядкомъ; здѣсь все случайное, все насильственное остается чуждымъ, или по крайней мѣрѣ останавливается на немногихъ. Не всегда блестящія славныя событія Исторіи имѣютъ благодѣтельное вліяніе въ Литературѣ; счастіе внѣшнее часто не благопріятствуетъ внутреннему развитію духа, часто даетъ кривое направленіе оному, часто сообщаетъ чуждый характеръ и проч.

Однако и то вѣрно, что съ возрастомъ народа ростетъ и просвѣщеніе; а по мѣрѣ развитія сего развивается и словесность, которая ясно свидѣтельствуетъ о степени просвѣщенія нравственной силы, о возрастѣ и упадкѣ народовъ.

ГЛАВА I.

ЕВРЕЙСКАЯ И ИНДІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Начало Еврейской Литературы.

Ни одинъ народъ не помнитъ своего младенчества, своего предобщественнаго бытія; потому что оно неспособно имѣть Литературу; и народы и люди тогда живутъ только для себя, а не для человѣчества. Да и стоитъ ли оно памятованія? — Смотрите на младенца, со стороны его безпечной и безплодной дѣятельности, смотрите на эгоиста, въ отношеніи пренебреженія нуждъ и самаго бытія другихъ: вотъ образы сей жизни! Но Евреи составляютъ исключеніе изъ сей общей истины; и личная жизнь Авраама, равно и потомства его, не была простымъ бытіемъ; она, имѣя высшее значеніе, назидательна въ самой единичности своей; она и тогда стоитъ Исторіи; — которая, какъ святое достояніе, свято хранилось въ пѣсняхъ и преданіяхъ; и нельзя сомнѣваться въ существованіи изустныхъ молитвенныхъ пѣсней, которыя, будучи проникнуты духомъ благочестія и оживлены дѣтскою преданностію объ-

шованной народности и вѣрою въ таинственное высокое назначеніе оной, вѣроятно носили на себѣ свѣтлое изображеніе простаго, милаго дѣйствующаго человѣчества; однако и здѣсь Литература письменная, искуственная явилась вмѣстѣ съ самостоятельною общественностію. Моисей, этотъ Боговдохновенный бытописатель, Философъ, поэтъ и законодатель, выразилъ жизнь своего народа, который, какъ представитель младенчествовавшаго человѣчества, пользовался непосредственнымъ попечительствомъ Бога; и сіе то младенчество выражается во всѣхъ словесныхъ произведеніяхъ Евреевъ, не смотря на то, что они исходили изъ устъ людей вдохновенныхъ. Моисей, исчерпавшій всю глубокую мудрость жрецовъ Египетскихъ и проникнутый неземною мудростію, конечно часто въ частныхъ подробностяхъ уклоняется отъ народности, или лучше сказать превышаетъ свой народъ; но *вообще* господствующія идеи его всегда видны. — *Ѳеократизмъ* составляетъ отличительную черту народа сего, который имѣлъ свое назначеніе въ будущемъ, и въ которомъ зрѣло обновленіе человѣчества; въ семъ то отношеніи народъ ча-

Моисей.

сто отставалъ отъ Моисея, обращаясь къ идолопоклонству и вообще къ чувственному образу жизни, дѣйствій и Богопочитанія; ибо того требовало современное значеніе сего народа и отношеніе его къ Исторіи человѣчества. И потому вторая отличительная черта Моисеевыхъ твореній, требуемая общимъ вѣковымъ духомъ, *пластицизмъ*, который преимущественно выражается въ подробномъ изображеніи чувственныхъ частностей. Сіи же самыя черты отличаютъ и вообще Европейскую Литературу, которая впрочемъ, какъ и самый народъ, кромѣ общаго, имѣетъ особое значеніе и назначеніе не отъ міра сего. Отъ сего то вліянія свыше, и отъ заимствованной учености Моисеемъ, и отъ пребыванія ихъ въ Египтѣ, — гдѣ утративъ много народности, они утратили и первоначальныя народныя пѣсни, — ходъ ихъ Литературы, какъ искусства, кажется неестественнымъ; ибо прежде всего является не поэзія, а Исторія. Впрочемъ въ ней видны и другія отрасли словесныхъ выраженій. Чистая же поэзія въ искусствѣ явилась уже слишкомъ поздо. Блестящій періодъ просвѣщенія, Литературы и изящныхъ искуствъ былъ кратковременъ: отъ

Самуила и до раздѣленія Государства, во время втораго и третьяго царствованій. *Псалмы* вдохновеннаго *Давида* и творенія Эклезіаста суть вѣчные памятники сего величія; книги пророчествъ выше нашего сужденія; пламенная любовь къ отечеству, возжигаемая огнемъ небесной вѣры и предвѣденіемъ будущаго, одушевляетъ оныя. Общій характеръ ихъ Литературы есть вдохновенный, истинно пророческій Лиризмъ - пластическій, который проникаетъ все: и дѣеписанія и законодательство, и любомудріе и Богознаніе. Никогда еще пѣснопѣвцы-лирики не приближились къ Давиду, не могли сравниться съ истинно дѣтской простотой, возвыситься до той пылкости чувствованій, коими отличается сей поэтъ-пророкъ, проникнутый небеснымъ восторгомъ. Но съ плѣненіемъ Вавилонскимъ упалъ народный духъ Израильтянъ; напрасно, послѣ возвращенія ихъ въ Палестину, *Эздра* и *Неемія* составляютъ ученое сословіе и поддерживаютъ просвѣщеніе! — напрасно собираютъ библіотеку, устрояютъ училища! Упалъ народный духъ и — нѣтъ словесности! Тогда составляются секты Софи-

Давидъ.

стовъ, увлекаются дѣтскимъ пустословіемъ, и чувственность преодолѣла все.

Характеръ Индійской Литературы.

Въ то время, когда человѣчество, возрастая, выходило изъ дѣтства *въ землю кипящей млекомъ и медомъ*, въ странѣ близкой къ Европѣ, которая уже выступала на чреду Историческую; въ то время на другомъ краю Азіи, на неизъяснимо богатыхъ берегахъ Инда и Ганга свершалъ кругъ жизни народъ едва ли не древнѣйшій въ мірѣ; народъ, который и донынѣ существуетъ; *но занятый самимъ собою*, всегда былъ исключенъ изъ Исторіи, изъ сего огромнаго семейства народовъ, изъ коихъ онъ ни съ однимъ не имѣетъ и не имѣлъ сходства. Онъ удержалъ *свой языкъ*, свою Философію, религію и поэзію; и нынѣ между другими народами онъ живетъ, какъ дряхлый старецъ между людьми, цвѣтущими юностію, гордящимися мужествомъ и живящими въ настоящемъ; старецъ который живетъ только воспоминаніями прошедшаго и ожиданіемъ будущаго, который не доволенъ ни чѣмъ окружающимъ его.

Веды.

Веды древнѣйшій памятникъ Словесности Индійской; здѣсь сосредоточены всѣ отрасли жизни Индѣйца; здѣсь его Исторія, Ре-

лигія, Философія, поэзія; впрочемъ есть къ нимъ прибавленіе гражданскихъ законовъ *Мену*, которые также почитались священными; да и самая собственно поэзія у нихъ составляла нѣчто святое, и произведенія оной стояли въ ряду священныхъ книгъ. Такъ обыкновенно древніе народы дорожили словесными произведеніями людей геніяльныхъ; потому что они не изображали жизни чуждой; потому что всякая идея, всякая мысль, всякое чувствованіе было тѣсно связано съ народными вѣрованіями, было родное, говорило сердцу. Между всѣми поэтическими произведеніями, которыми Литература ихъ чрезвычайно богата, особенно отличаются двѣ поэмы: *Рамаяна* и *Махабаратъ*. Первая, изображая подвиги Бога *Вишну* или *Рамы* — таково земное его имя — противъ злыхъ духовъ, предводимыхъ *Равуною*, и славную побѣду его надъ ними, принадлежитъ къ области Миѳологіи; а вторая разсказывая о вѣковой враждѣ двухъ племенъ: *Пандосовъ* и *Курусовъ*, принадлежитъ болѣе къ вѣку героическому или полу-историческому.

Ни одна изъ древнихъ Литтературъ не представляетъ такой зрѣлости, какъ Индійская сколь-

ко мы можемъ судить по тѣмъ произведеніямъ, которыя доселѣ открыты, и по тѣмъ мнѣніямъ, которыя намъ доставляютъ о ней Англійскіе оріенталисты, — между коими особенно отличается необыкновеннымъ энтузіазмомъ къ Санскритскому языку и Литературѣ Джонесъ основатель Азіатскаго общества. Но не смотря на преклонную старость самаго народа, не смотря на совершенство и зрѣлость Литературы Индійцевъ, сія послѣдняя выражаетъ ясно дѣтствующее въ нихъ человѣчество. Они не даютъ человѣку ни свободы ни могущества, вездѣ не только допускаютъ, но и требуютъ чудесности; въ поэмахъ люди суть только страждущія существа, а дѣйствуютъ одни боги, принявъ образъ человѣческій, и въ тоже время покоясь въ небесныхъ своихъ чертогахъ. Да и самыя сіи жилища небожителей, хотя превосходятъ всѣ описанія, какія намъ извѣстны изъ всѣхъ Миѳологій; но все это есть ничто иное, какъ естественное слѣдствіе первоначальнаго впечатленія безпредѣльно богатой южной природы Индіи.

Духъ вѣрованій Индійцевъ.

Здѣсь также все ознаменовано чудесностію, которая неразлучна съ младенчествующею фантазіей; здѣсь небесное нисходитъ до земнаго,

и земное теряется въ небесномъ. Единство Божества сливается съ пантеизмомъ, и пантеизмъ исчезаетъ въ *единомъ*. »Огненныя стѣны, теряясь въ безпредѣльныхъ высотахъ, недосягаемыхъ для самаго *ока*, отдѣляли человѣка отъ небожителей, — которые дышали чистѣйшимъ эфиромъ и благоуханіемъ цвѣтовъ; сей вѣчно непомрачаемый ароматъ, — ибо тамъ не было другаго воздуха, — освѣжался безпрестанно росою, которая состояла изъ прозрачно радужныхъ бриліантовъ; тамъ воды свѣтлыя и чистыя, какъ солнечный свѣтъ, отъ начала міра не были ни чѣмъ возмущаемы, не были волнуемы; только бѣлоснѣжный лебедь тихимъ и плавнымъ движеніемъ струилъ кристаллъ лѣниваго потока; только порханіе колибри и дыханіе цвѣтовъ производили волненіе воздуха, которое могли пріятно чувствовать только небожители; вездѣ невидимо раздавались съ стройнымъ согласіемъ мелодическіе звуки; вездѣ готовы были для успокоенія, обновляющіеся по каждому движенію, по каждому тайному желанію, гроты украшенные перлами и цвѣтами; тамъ порхаютъ въ разныхъ хороводахъ вѣчно юныя дѣвы, стройныя какъ пальма, легкія какъ

*

дыханіе вѣтерка, нѣжныя какъ лилія, прелестныя, пламенныя, какъ дѣвственный поцѣлуй. Такова фантазія Индійскихъ поэтовъ!

Хотя всѣ народы востока имѣли вѣроятно свою Словесность; но самое забвеніе оной свидѣтельствуетъ, что она была слишкомъ незначительна для того, чтобъ каждая изъ нихъ могла имѣть мѣсто въ краткомъ обзорѣ.

ГЛАВА II.

ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Общій характеръ оной.

Человѣкъ начинаетъ дѣйствовать, какъ лице, какъ самостоятельное нравственное существо, безъ сомнѣнія въ періодѣ юношескомъ; — досель онъ на все смотритъ глазами родителя или вообще живетъ умомъ и въ духѣ руководителей; въ семъ возрастѣ онъ имѣетъ слишкомъ много самонадѣянности; онъ хочетъ все развить изъ самаго себя; свои познанія, свой идеалъ, составленный по окружающимъ его обсто-

тельствамъ изъ впечатлѣній, полученныхъ въ дѣтствѣ, почитаетъ безошибочными, поставляетъ непреложнымъ закономъ и подчиняетъ оному все, самыя горнія силы. Такъ Греція — на юговостокѣ Европы — представляетъ юность человѣчества. Здѣсь своевольная прихотливая фантазія сводитъ небожителей съ чуднаго неба на естественно величественный Олимпъ; тамъ на востокѣ человѣкъ хотѣлъ вознестись до Божества, подъ непосредственнымъ покровительствомъ котораго онъ находился; здѣсь боги являются въ видахъ человѣка со всѣми его слабостями, не исключая даже мелочныхъ затѣй, сплетней и удальства. Здѣсь человѣкъ сдружась съ окружающею его природою, находилъ въ ней силу предъопредѣленія, судьбу, которой онъ подчинялъ все даже *всемогущнаго Отца боговъ и человѣковъ*. Сей произвольный идеалъ служилъ источникомъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ и божескихъ; онъ былъ главнымъ дѣйствователемъ. Всѣ идеи и даже дѣйствительныя понятія, полученныя Греками отъ народовъ, первобытныхъ для нихъ, усвоены, перелиты въ форму, соотвѣтствующую ихъ природѣ и устроенному по ней идеалу, такъ какъ будто бы

они ничего не имѣли привитаго, потому что въ самомъ дѣлѣ у нихъ ничего не было навязаннаго. Греки, точно также какъ и народы Азійскіе, жили еще въ области поэзіи; но они уже не довольствовались, какъ тѣ, настоящими восторгами, дивясь дѣламъ руководящаго ихъ промысла, который былъ независимо всемогущъ; они жаждали дѣлъ, слѣдовательно имѣли прошедшее и имѣли воспоминанія; здѣсь является эпопея въ совершенствѣ; она есть торжество ихъ искуства; да и вся поэзія здѣсь получаетъ образованіе своихъ формъ до самой драмы; здѣсь, въ періодѣ ихъ полнаго развитія, мы видимъ и прозу, начавшуюся полу-исторіею и Философіею, которыя растворяемы были поэзіею; но она не дошла здѣсь до науки, до полной совершенной системы.

Первые Поэты.

Но и здѣсь въ странѣ пластико-эпической Литература начинается пѣснями: имя перваго пѣвца народности соединено неразрывно съ оной; *Амфіонъ* восторженными пѣснями, трогая сердца дикихъ сыновъ Греціи, и вызывая ихъ изъ мрачныхъ лѣсовъ и неприступныхъ горъ, соединяетъ ихъ узами общежитія. И Греки вѣрили, что его лирѣ внимали горы и лѣса; вотъ пі-

ипическое начало піитической жизни юной Эллады! *Орфей* Ѳракіанинъ, современникъ Езопа, сладкозвучною лирою смягчая звѣрскія страсти своихъ соотечественниковъ, и оживляя духъ одержимыхъ недугами, подалъ поводъ къ народному преданію, что онъ похитилъ изъ ада свою Эвридику, умиливъ тамъ самаго Цербера; такъ творчествуютъ народы дѣтствующіе! *Музей* рѣшительно вымышленное лице; ибо какъ Аѳинянинъ могъ быть ученикомъ Орфея; и пѣснопѣнія его, равно какъ и его мнимаго учителя, совсѣмъ не имѣютъ простоты своего вѣка. Жизнь сихъ поэтовъ и все, что имъ приписываютъ, есть произведеніе эпическаго народа; равно какъ и тѣ творенія, которыя приписываются *Омиру*, принадлежатъ цѣлому народу, ибо самое имя сіе значитъ *совокупленіе, вмѣстѣ связано*. Но мы привыкли почитать сіе вымышленное лице творцемъ *Иліады*.

Иліада и Одиссея.

Героическое предпріятіе всей Греціи противъ Трои, трудности похода, піитическое начало онаго, таинственная власть судьбы и всегдашняя мысль объ участіи въ дѣлахъ человѣческихъ боговъ, которые постоянно поддерживали или гнали людей и цѣлые народы, руко-

водствуясь въ томъ сходствомъ или несходствомъ своего значенія съ характеромъ людей; отдаленность страны, хвастливые разсказы возвратившихся немногихъ побѣдителей, которые придавали всему чудесность: все сіе содѣлало Троянскую войну почти исключительнымъ предметомъ пѣснопѣній, источникомъ вдохновеній; а излишне метафорическій, и вообще тропическій, въ сихъ пѣсняхъ языкъ, свойственный народамъ полуобразованнымъ, въ послѣдствіи, при большемъ развитіи онаго былъ принимаемъ въ собственномъ значеніи. Отъ того самое событіе представлялось болѣе чудеснымъ, болѣе славнымъ, болѣе удовлетворяющимъ тщеславію Грековъ; такъ что самые обыкновенные случаи отъ иперболическихъ выраженій сдѣлались чудесными, такъ что самыя грубыя ссоры и мелочныя перебранки заносчивыхъ вождей освящены непосредственнымъ участіемъ судьбы и боговъ, которые были раздѣлены на партіи, какъ между Троянами и Греками, такъ и между самыми Греческими Вождями. Все сіе усиливало въ Грекахъ страсть воспѣвать войну Троянскую; а съ умноженіемъ сихъ пѣснопѣній, которыя составляли священ-

ныя народныя преданія, освящалось и самое произшествіе. Вспомнимъ еще и то, что это было послѣднее героическое дѣло, и при томъ такое, въ которомъ участвовала вся Греція; послѣ сего Исторія прояснилась; Греки вступили въ жизнь прозаическую; всѣ событія, предшествовавшія сему и послѣдовавшія за онымъ, были частныя, и каждая область думала о нихъ по своимъ отношеніямъ, и разсказы объ оныхъ были занимательны, трогательны не для всѣхъ. Такъ Геніи каждой области любили воспѣвать Троянскую войну, какъ предѣлъ своей безотчетной бурной и безпечной жизни, такъ пѣсни сіи переходили изъ устъ въ уста; и никто не думалъ спрашивать гдѣ и кѣмъ онѣ сложены; всѣ діалекты въ нихъ смѣшаны, ибо онѣ безпрестанно безъ умысла измѣнялись въ выраженіяхъ; бѣдный и несчастный странникъ съ сею пѣснію вездѣ находилъ гостепріимство. Множество таковыхъ пѣсней ходили по всей Греціи, не имѣя ни цѣлости, ни единства; — наконецъ Пизистрату первому пришла мысль изъ сихъ отдѣльныхъ статей (Рапсодій) составить одно цѣлое; и кажется сіе предпріятіе докончилъ сынъ его Иппархъ. — Изъ всего этого соста-

влено двѣ поэмы: *Иліада* и *Одиссея*. Что касается до первой, то названіе оной не соотвѣтствуетъ содержанію; ибо она излагаетъ не всю Троянскую войну, и не Иліонъ главный предметъ ея; а гнѣвъ Ахилла, его распря съ Агамемнономъ, и нѣкоторыя подробности войны, тѣсно связанныя съ симъ гнѣвомъ; по сему можно думать, что не весь сводъ пѣснопѣній дошелъ до насъ. Одиссея имѣетъ содержаніемъ своимъ: чудныя странствія и приключенія Улисса при возвращеніи и по возвращеніи въ Итаку. Но сотворилъ ли сіи поэмы мнимый Омиръ, или собрали ученые исполнители воли Пизистрата и Иппарха; во всякомъ случаѣ здѣсь нужно удивляться не вымысламъ или богатству содержанія и простотѣ выраженія; это дѣло народности, дѣло вѣка; здѣсь удивительна стройность соединенія, соглашенія столь разнообразнаго, разнороднаго и разнохарактернаго содержанія; здѣсь удивительно искуство соблюдать какую то строгую историческую послѣдовательность въ изложеніи чудеснаго дѣйствованія горнихъ силъ и обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ человѣческихъ. Вотъ что достойно подражанія въ сихъ поэмахъ. Назовемъ ли сіи произведенія чи-

ство поэзіею въ отношеніи къ Грекамъ? — Нѣтъ! — Ибо они всему повѣствуемому здѣсь вѣрили, все это считали дѣйствительностію; свято хранили въ памяти какъ истинную жизнь предковъ, не думая, не желая украшать оную; это для нихъ была Исторія, Богознаніе, нравоученіе — все. И такъ это проза? нѣтъ! ибо разсказщики пѣснопѣвцы, плѣняясь дѣлами предковъ, прославляли оныя съ истинными непритворными восторгами, они творили, не замѣчая сами того; они находили въ томъ сладостную забаву. Иліада беретъ перевѣсъ предъ Одиссеею по важности и богатству содержанія. Изъ переводовъ Иліады замѣчательны Кострова (шести пѣсней) и особенно Гнѣдича.

Эпопея.

Никогда поэма не доходила до той возвышенной простоты, до того обилія стройнаго, при всемъ безпредѣльномъ разнообразіи единаго дѣйствія, каковыми отличается Иліада. Тутъ боги и человѣки связаны узами родства, соумышленничества и покровительства. А сія связь неба съ землею, именно таковая патріархальная доступность человѣчества къ Божеству, которое, не смотря на простоту имѣетъ какое то величіе и прелесть, благопріятствуютъ Эпо-

пеи; по сему Грецiя можетъ быть названа страною эпическою до того, что жизнь каждаго поэта содѣлалась народною изустною Поэмою, такъ напримѣръ: и вымышленному Омиру приписываютъ слѣпоту и многiя приключенiя. Хотя здѣсь уже является менѣе простоты, болѣе искусства и болѣе прозаическаго нежели въ Индiйской Литературѣ; однако напрасно намъ будутъ доказывать, что дидактическая и драматическая Поэзiя доведена въ древней Грецiи до совершенства. Сiи роды оной принадлежатъ позднѣйшимъ вѣкамъ; совершенство драмы не можетъ предупредить совершенство Исторiи, изъ которой она возникаетъ, оживляя въ себѣ дѣйствiемъ всѣ роды изящнаго, какъ человѣкъ, возникая изъ мiрозданiя, оживляетъ совмѣщенную въ немъ природу, развивающуюся до мысли и свободной воли. Въ драмѣ главнымъ дѣйствователемъ должна быть воля, подстрекаемая страстями, а не судьба, которая къ Поэмѣ ближе всего. *Гезiодъ* есть представитель въ Грецiи дидактической поэмы; но онъ далеко отстаетъ отъ Римскихъ и новѣйшихъ дидактиковъ. Произведенiя его: *дни* и *работы*, и *Богознанiе* (Теогонiя). Первая поэма, предста-

Гезiодъ и дидактическая поэзiя.

вляя сельскія занятія въ прекрасныхъ картинахъ, заставляетъ любить оныя; вторая излагаетъ родословную боговъ, ихъ значеніе и важность, ихъ дѣла и взаимныя отношенія. Сатира ихъ — бранный пасквиль. Самый Гезіодъ только по цѣли своихъ произведеній можетъ назваться дидактикомъ, въ собственномъ строгомъ смыслѣ сего слова; въ самомъ же дѣлѣ онъ болѣе эпикъ; да и можетъ ли это быть иначе, ежели самая Исторія у нихъ не отличается отъ обширной поэмы; даже законодательство — поэзія! и съ другой стороны здѣсь Лирика совсѣмъ уже не то, что у Евреевъ, выраженіе чистыхъ восторговъ; это повѣсть, исторгавшаяся изъ души съ чувствованіями. Превосходнѣйшіе Лирики: *Тиртей*, предводитель Спартанцевъ, возбуждавшій пѣснопѣніями духъ отваги — (переводъ *Мерзлякова*) — *Сафо*, изступленная любовница и возпѣвательница своей горестной страсти; — возвышенный *Пиндаръ*, пѣвецъ игръ Олимпійскихъ, Пиѳическихъ и Истмійскихъ, котораго Горацій сравниваетъ съ стремительнымъ потокомъ, все низвергающимъ. — *Анакреонъ* пѣвецъ нѣжной страсти нѣги, и роскоши. — *Эсхилъ* въ слѣдъ за Ѳесписомъ создалъ

Трагедія.

Греческую Трагедію изъ нелѣпыхъ безчинныхъ пиршествъ жрецовъ Бахуса; но она все еще была груба, напыщена, надута! Онъ впрочемъ далъ ей характеръ высокаго и ужаснаго. Разговоръ ведутъ у него всегда два лица; *Софоклъ* ввелъ третіе; далъ Трагедіи болѣе правильности, благородства и трогательности; *Эдипъ* и *Аяксъ* суть лучшія его трагедіи. Наконецъ *Эврипидъ* возводитъ Трагедію на степень изящнаго искусства, и хотя доходитъ иногда до излишней правильности; но основавъ оную на взаимной страсти половъ, даетъ ей разнообразіе и большую занимательность, возбуждающую сильное участіе. Впрочемъ у всѣхъ она является болѣе Поэмою, нежели Драмой; ибо вездѣ преобладаетъ главный дѣйствователь Греческой Исторической жизни — судьба — предъ свободою и страстію.

Комедія. Такъ точно въ Комедіи Греческой вездѣ проглядываетъ Сатира и даже бранчивая пасквиль. Въ семъ родѣ послѣ довольно удачныхъ попытокъ *Эпихарма* (Сицилійца) и *Эвполиса* особенно отличаются: *Аристофанъ*, истинно Геніальный комикъ; онъ изображаетъ живыя лица на сценѣ; изъ его произведеній переведена на Русскій языкъ комедія: *облака*; *Кратинъ* и *Ана-*

ксандридъ унижаютъ комедію бранью и непристойностями; *Менандръ* облагороживаетъ ее. Греція имѣла особый родъ поэзіи, намъ едва ли свойственный — *Идиллію*, въ которой особенно отличался *Ѳеокритъ*. Идиллія.

Проза образовалась въ Греціи довольно поздо. *Геродотъ* Галикарнасскій, именуемый обыкновенно отцемъ Исторіи, есть только собиратель басенъ народныхъ, которыя онъ хотѣлъ выдать за дѣйствительныя событія; въ чемъ ему много способствовали убѣдительная прелесть разсказа и простой, но увлекательный слогъ. Тщетно новѣйшіе Историки старались подражать ему въ семъ отношеніи. Самое названіе его творенія именами девяти музъ свидѣтельствуетъ о томъ, что это есть огромная эпопея, въ которой между прочимъ столько же поэзіи, сколько и прозы всѣхъ родовъ; онъ между прочимъ говоритъ не объ одной Греціи, но объ всемъ извѣстномъ имъ мірѣ. Истиннымъ отцемъ Исторіи можно назвать *Ѳукидида*, изобразившаго двадцать три года Пелопонезской войны съ убѣдительною вѣрностію самой истины; его Исторію продолжалъ до Мантинейской битвы *Ксенофонтъ*, вводя въ История.

свое твореніе многіе разсказы и о Персахъ. Потомъ писали въ семъ родѣ *Ктезіасъ* объ Азійскихъ народахъ; *Поливій*, — *Діодоръ* Сицилійскій, *Діонисій* Галикарнасскій, *Плутархъ*. Но всѣ они Историки ли въ нашемъ смыслѣ? и могла ли быть въ то время Исторія? Нѣтъ, они только собиратели свѣдѣній Историческихъ; творенія ихъ — лѣтопись и біографіи. Однако всѣ онѣ имѣютъ свою прелесть неподражаемую, ни чѣмъ незамѣнимую — дѣтскую простоту и непринужденность разсказа.

Самая Философія Грековъ такъ сливается съ поэзіей, что трудно найдти раздѣляющія ихъ границы. Обстоятельства и преимущественно образъ правленія способствовалъ у нихъ развитію ораторства. На семъ поприщѣ особенно прославились: *Лизіасъ*, знаменитъ силою и красотою слога; *Исократъ*, отличался благозвучіемъ, плавностію теченія рѣчи и соразмѣрностію періодовъ; *Димосѳенъ представитель* древнихъ ораторовъ; онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и современныхъ соперниковъ, защищавшихъ Филиппа, необыкновеннымъ жаромъ чувствованій, часто доходившихъ до изступленія; отсюда происхо-

Ораторство.

дила сила и убѣдительность, увлекающія Грековъ, въ душахъ коихъ еще не совсѣмъ угасла любовь къ отечеству; и наконецъ *Эсхинъ*, опаснѣйшій соперникъ Димосѳена въ дѣлѣ Филиппомъ; но рѣчь, за вѣнецъ произнесенная Димосѳеномъ, такъ далеко оставила за собой Эсхина, что сей отказался совершенно отъ ораторства. Въ семъ родѣ Словесности Греція имѣетъ столь много знаменитыхъ мужей, что нѣтъ возможности всѣхъ опредѣлить: каждый правитель, каждый полководецъ былъ вмѣстѣ и ораторъ. Въ дидактическихъ родахъ сочиненій здѣсь замѣчательны собственно по части словесной: *Аристотель*, *Исократъ* и *Исей*, учитель Димосѳена. Въ Греціи явились первые систематики; здѣсь поэзія принимаетъ видъ искуства, всѣ роды ея получаютъ названія. Сіи обстоятельства послужили источникомъ странному заблужденію, и ввели въ соблазнъ даже людей мыслящихъ, давъ имъ поводъ думать, что Греція есть колыбель поэзіи, во всѣхъ ея значеніяхъ.

ГЛАВА III.

РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Начало Римской Литературы.

Римъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ явленіе необыкновенное въ нравственно - гражданскомъ мірѣ; такъ и начало и ходъ Литературы его совершались неестественно; во всемъ видна жизнь подражательная, заимствованная! Въ то время, когда Римляне жили только въ настоящемъ, занимались только собою; когда горизонтъ ихъ желаній и видовъ не обхватывалъ даже всего пространства Италіи; тогда жизнь ихъ была самостоятельна; они пѣли о подвигахъ своихъ, пѣли въ честь боговъ, пѣли на народныхъ увеселеніяхъ; и пѣсни ихъ были просты, какъ самые нравы; онѣ выражали ихъ характеръ, не имѣли и не могли имѣть изящества; какъ напримѣръ: гимны жрецовъ Салійскихъ. Но по мѣрѣ распространенія внѣшняго владычества Римлянъ, они теряли свой характеръ; ибо всѣ народы покоренные ими были и многолюднѣе и образованнѣе ихъ; — наконецъ

вліяніе Греческаго просвѣщенія столь было сильно, что совершенно измѣнило ихъ образъ мыслей и чувствованій. А посему такъ какъ первоначальныя пѣснопѣнія Римлянъ были всѣ почти изустныя, и всѣ исчезли съ первобытною ихъ простотою; то мы немного можемъ узнать о характерѣ и духѣ сего народа, подошедшимъ до насъ піитическимъ ихъ произведеніямъ. И самый ходъ поэзіи письменной, принимаемой въ значеніи искусства, былъ у нихъ совершенно превратный: здѣсь прежде всего является драматическая поэзія, а вмѣстѣ съ тѣмъ сатира; потому что первые поэты были Греки изъ націи уже отжившей: *Ливій Андроникъ* былъ Грекъ, а *Квинтъ Энній*, хотя родомъ Италіанецъ, но Греческій ученикъ, равно какъ и всѣ другіе писатели того времени; сей послѣдній можетъ впрочемъ почесться отцемъ Римской Литературы; они писали также и поэмы; но время поглотило все. Первый счастливый поэтъ, творенія коего дошли до насъ, *Плавтъ*. Подражая Эпихарму, онъ написалъ болѣе ста комедій, изъ коихъ сохранились только двадцать. Въ томъ же родѣ отличный писатель *Теренцій*, Африканецъ вольноотпущенный; онъ

Около 230.

Комики.

200 л. до Р: Х:

*

подражалъ Менандру и облагородилъ Римскую комедію; въ то же время писали трагедіи *Пакувій* живописецъ и *Аттій*. *Катуллъ*, *Тибуллъ* и *Проперцій*, жившіе не задолго до Рождества Христова, суть превосходные лирики, изъ коихъ двое послѣдніе неподражаемы въ Элегіи.

Трагики.

Золотой вѣкъ Римской Литературы, времена Августа, есть послѣднее усиліе древняго міра; это прекрасная, лучезарная заря внутренней жизни, но заря вечерняя, ветхаго міра! И въ самомъ дѣлѣ — какое свѣтлое торжество генія являютъ намъ писатели сего вѣка. *Горацій*, краса Рима, какъ силенъ и возвышенъ въ лирикѣ, какъ роскошно нѣженъ и пріятенъ въ подражаніяхъ Анакреону; какъ прелестно поучителенъ въ дидактическомъ посланіи о стихотворномъ искуствѣ къ Пизонамъ; какъ благородно ѣдокъ и страшенъ для порока въ сатирахъ! (Его переводили на русскій языкъ *Кантемиръ*, Поповскій, Барковъ, Муравьевъ-Апостолъ, Дмитріевъ, Мерзляковъ и Ѳрловъ); *Виргилій*, достойный подражатель и соперникъ Творца Иліады, есть величайшій Римскій поэтъ. Его *Георгики* составляютъ превосходную дидактическую поэму о земледѣліи, которая пре-

Горацій.

Виргилій.

исполнена возвышенными истинами, облегченными въ прелестныя типическія формы; *Эклоги* столь же просты и привлекательны, какъ Өеокритовы идилліи; но вѣнецъ его торжества — *Энеида*, которая, уступая Иліадѣ въ простотѣ изобрѣтеній, въ изображеніи нравовъ и въ единствѣ плана при безконечномъ разнообразіи содержанія, превосходитъ оную чистотою вкуса, отдѣлкою частей и богатствомъ мыслей Философическихъ; словомъ здѣсь преобладаетъ *искуство*! (На Русскій языкъ переводили: *Петровъ*, *Мерзляковъ*, *Раичъ*, *Санковскій* и *Энеиду* превращали: Осиповъ и Котляревскій). *Овидій Назонъ* есть самый разнообразный изъ всѣхъ поэтовъ Рима; онъ также болѣе всѣхъ другихъ понялъ миөологію народную и значеніе своей націи; это онъ выразилъ въ лучшемъ своемъ произведеніи: *превращенія* (μεταμόρφωσες); это есть Исторія міроозданія, по смыслу Римской миөологіи, и родословіе ихъ боговъ. *Федръ* лучшій древній баснописецъ. Но съ сими свѣтилами Римской поэзіи кончилась и Литература древняя. Является *Сенека*, но онъ въ трагедіи — Философъ, дидактикъ; *Луканъ* въ поэмѣ — надутый историкъ. **Овидій.**

Овидія на Русскій переводили *Соколовъ*, *Срезневскій* и превращалъ *Майковъ*.

Прозаики. Самая проза образовалась почти въ сей славный вѣкъ, и почти съ нимъ кончилась: ибо *Юлій Цезарь* былъ первымъ историкомъ, за нимъ слѣдуютъ *Титъ Ливій*, *Корнелій Непотъ*, *Саллюстій* и вскорѣ потомъ *Тацитъ*; писатели же сего рода въ послѣдующихъ вѣкахъ суть только лѣтописцы, кромѣ *Юстина* въ III вѣкѣ, и компилятора *Эвтропія*, въ IV вѣкѣ. Всѣ историки Рима, при всѣхъ особенностяхъ своихъ и частныхъ различіяхъ, имѣютъ одну общую черту, что всѣмъ жертвовали чрезмѣрной любви къ отечеству, которая доходила часто до самохвальства, что особенно обнаруживалось въ рѣчахъ, которые они обыкновенно влагали въ уста своихъ полководцевъ. Отличными дидактиками могутъ почесться *Цицеронъ*, *Теренцій Варронъ*, *Маркъ Сенека* и *Квинтиліанъ*; остальные же увлекались безполезными школьными тонкостями и мелочами; изъ ораторовъ извѣстны: славный *Цицеронъ*, *Плиній* младшій и частію Квинтиліанъ. Судебныя и политическія рѣчи перваго отличаются необыкновенною плодовитостію мыслей, рѣдкимъ

искусствомъ расположенія, отъ котораго часто рѣчь принимала совершенно неожиданный для слушателей оборотъ и производило чрезвычайное дѣйствіе на нихъ. Это соблазняла многихъ новѣйшихъ ораторовъ подражать ему; но сіи забывали, что разность образованія слушателей и разность обстоятельствъ требуетъ разныхъ средствъ убѣжденія. Музы Рима умолкли еще при жизни сего дряхлаго исполина, и витійство онѣмѣло; ибо не было слуха, не было сердца, которые бы могли трогаться сладкозвучіемъ пѣснопѣнія и гласомъ истины.

Такимъ образомъ древній міръ еще существовалъ; и Римъ властвуя онымъ, все еще представительствовалъ внѣшнюю его жизнь; но жизнь внутренняя, но духъ древности угасъ. Такъ дряхлый старецъ, нѣкогда мощный и бодрый духомъ, склоняясь къ западу жизни, существуетъ только полуразрушеннымъ тѣлеснымъ составомъ; но духъ уже не оживляетъ дѣйствій, уже не творитъ плановъ; онъ только смутно и тускло воспоминаетъ минувшее, и желая дѣйствовать по прежнимъ идеямъ, бываетъ слабъ и даже смѣшенъ въ томъ, чѣмъ онъ прежде, изумляя, поражалъ; ибо дѣйствуетъ безъ жару,

безъ вдохновенія. Онъ погружается въ будущее хотя и вѣрное, но темное, неудобопонятное, таинственное; обновляясь чуждыми заимствованными помыслами, желаніями, дѣлается искуственъ до насилія, надутости. Таковъ былъ Римъ.

ГЛАВА IV.

ДУХЪ НОВЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.

Общая господствующая черта Христіанской Литературы — отрадная мысль о вѣчности; такъ что самое трагическое окончаніе есть только предѣлъ земныхъ страданій, послѣ котораго предстоитъ вѣчная радость.

Византійская Литература. Таковъ, говоря вообще, характеръ Византійской Литературы, которая составилась изъ остатковъ отжившихъ Литературъ Еврейской, Греческой и Римской; но оживившись вѣчно мужественнымъ сильнымъ духомъ Христіанства, она проявляетъ иногда впрочемъ и юношескую смѣлость, и мужественную силу. Доселѣ рядъ

геніальныхъ писателей изображали ходъ словесности; но здѣсь общая борьба и смѣшеніе древняго съ новымъ составляютъ Исторію-Литературы; изъ развалинъ вѣрованій, системъ и мнѣній старыхъ возникала новая Литература въ защиту новаго духа; здѣсь всѣ обратились къ изслѣдованіямъ небесной истины, нисшедшей на землю для обновленія падшаго духа человѣчества; — отселѣ возникла борьба удвоившихся въ человѣчествѣ заблужденій съ сею Божественною пришелицей — истиной. Въ Литературѣ, какъ и во всемъ изящномъ, двѣ стихіи: *творчество* и *искуство*, которыя рѣдко являются оба гармонически, въ полномъ развитіи. Здѣсь господствовало первое при совершенномъ недостаткѣ втораго. Здѣсь особенно являются великіе Философы рапсодическіе, ораторы — Богословы. Между первыми славится *Оригенъ*, который съ понятіями и вѣрованіями Христіанскими странно смѣшивалъ переселеніе душъ — слѣдовательно онъ духомъ былъ поэтъ, и въ самомъ себѣ представлялъ современную борьбу; между послѣдними стоятъ подобно исполиннымъ: *Василій Великій* и *Златоустъ*, какъ святые, ученѣйшіе и великіе духомъ мужи.

Изъ Христіанскихъ поэтовъ можно упомянуть *Домоскина*; но онъ, какъ поэтъ не участвовалъ въ борьбѣ вѣковой — онъ пѣлъ! Какъ Богословъ, содѣйствовалъ оной. И язычники имѣли поборниковъ сильныхъ, глубокомысленныхъ и ученыхъ, которые противоборствовали съ успѣхомъ. Нѣтъ, не защитники, не люди превозмогли въ борьбѣ сей; но внутренняя сила предмета вѣчно живая, неземная сила Христіанства! Духъ вѣрованія и самыхъ знаній Еврейскихъ, необходимый для младенчествующаго человѣчества, и данный ему свыше, уничтожался самымъ появленіемъ Христіанства въ возмужаломъ мірѣ; чувственныя идеи, развившіяся свободно въ фантастической Греціи должны были уступить вѣденію высшему; настоящее, временное, внѣшнее не могли уже прельщать преспѣвающее человѣчество.

Кромѣ того, здѣсь прелесть боролась съ величіемъ; — изъ того произошло *прекрасно-высокое*, хотя нестройное, чуждое искуства и не совсѣмъ свободное. Стремленіе къ истребленію древняго было столь сильно, столь неумѣренно, что въ Константинополѣ сожигали эротическія стихотворенія.

Духъ древне-Римскаго образованія, а слѣдовательно и Литературы отличался большею силою, искуственностью, подражаніемъ; но сила духа Римскаго уже изнемогла, исчезла, и потому въ Римѣ не могло быть такой борьбы; и Литература древне-Италіанская или ново-Римская ни въ какомъ отношеніи не можетъ ровняться съ Византійской; характеръ ея — духовная слабость, безжизненность, много искуства, мало творчества, даже духъ Христіанскій здѣсь былъ слабѣе: *Августинъ* силился создать идеалъ человѣчества; но въ идеалѣ семъ выраженъ человѣкъ односторонній — нравственный. Когда же въ семъ брожении въ послѣдствіи принялъ большее участіе Сѣверъ; тогда уже явилось творчество; тогда Литература Италіанская сдѣлалась образцовою. Но прежде сего должно было совершиться разрушенію древняго міра во всѣхъ его стихіахъ; — языкъ Латинскій содѣлался всеобщимъ Литературнымъ и вообще письменнымъ; оный смѣшавшись съ другими, потерялъ силу; а сіи послѣдніе лишились оригинальности и точности. Дикіе сыны сѣвера, съ незапамятныхъ временъ сдружившись съ суровою грозною природой сѣверныхъ странъ,

Начало Италіанской.

Скандинавская.

любили все великое, сильно потрясающее ихъ души твердыя, которыя принимаютъ впечатлѣнія медленно, глубоко. Воспоминая по преданіямъ предковъ своихъ, обитавшихъ нѣкогда въ роскошно щедрыхъ и прелестныхъ странахъ, чудную разность Юга и Сѣвера, они мало находили на землѣ прекраснаго и благодѣтельнаго; и потому обращали мысль въ горняя, гдѣ все безпредѣльно, таинственно. Вотъ отъ чего ихъ вѣрованія возвышены, ихъ Литература исполнена загадочности и сокровенной *таинственности*: — которая видна изъ самыхъ руническихъ письменъ. Руны, кажется, надобно отличать отъ іероглифовъ, именно въ томъ отношеніи, что сіи послѣдніе суть необходимыя ступени въ ходѣ изобрѣтенія письменъ, а тѣ выражаютъ стремленіе къ таинственности. Отъ той же самой суровости нравовъ, и отъ того, что единственными средствами самосохраненія и отъ людей и отъ природы и частнаго и общественнаго были храбрость, твердость, сіи свойства содѣлались господствующими добродѣтелями Сѣверныхъ обитателей — Скандинавовъ. Отсюда и рыцарская жизнь и рыцарская поэзія, которыя въ послѣдствіи мало по

малу дошли до жалкаго угодничества и волокитства. И кажется сіи два свойства рыцарства и Литтературы имѣютъ источникомъ Провансальскую Поэзію Трубадуровъ, которая вмѣстѣ съ языкомъ своимъ развилась очень рано.

По мѣрѣ углубленія народовъ на сѣверъ, ихъ *нравы*, *Баснословіе*, и Словесность становятся суровѣе и самостоятельнѣе. Такъ Скандинавы, дошедъ до самыхъ хладныхъ странъ Европы и видя предъ собой безпредѣльный Океанъ и вѣчные льды, отвсюду получали мрачныя впечатлѣнія; они не могли имѣть ни одной свѣтлой легкой идеи; »будущее имъ казалось столь же страннымъ и тайнымъ, какъ лежащее предъ ними пустое хладное пространство. Вся сія мрачность, таинственность, недовѣрчивость къ будущему отражаются въ Литтературѣ. Взглянемъ на *Эдды* — Священную книгу Скандинавовъ: тамъ зданіе міра является изъ оледенѣлаго остова великана; надъ нимъ, какъ бы въ свидѣтельство торжества растительной силы надъ сей мертвенностію, силы, которая здѣсь проявляется въ величественномъ ясенѣ; сей растительный исполинъ покрываетъ все и бездну ничтожества довременнаго живою

зеленью; тамъ вся жизнь, вся дѣятельность міра есть только борьба добрыхъ Азовъ, предводимыхъ могущественнымъ Одиномъ, съ враждебными силами Лока; погибель же прелестнаго, бодраго Бальдера — сына Одина и Фриги — есть предвѣстіе трагической развязки міро-бытія. Но что будетъ послѣ? Это и для самаго вѣщаго Одина — загадка! Оссіянъ далъ Сѣверу уже земную Поэзію, въ которой впрочемъ господствуетъ тоже безотрадное чувство грусти; ибо предъ ними былъ только безпредѣльный, хладный Океанъ! Вѣденія, мечты, вѣрованія, сказанія и бытъ Германскихъ средне-Европейскихъ народовъ менѣе оригинальны; по крайней мѣрѣ мы обрѣтаемъ оныя таковыми: здѣсь является такая смѣсь сѣвернаго съ южнымъ, которая подавляетъ большую часть ихъ самобытности. Но сіи же самые народы, многое утративъ отъ смѣшенія, сообщили южной Европѣ — Италіи и собственные свои и занятые ими отъ сѣверныхъ народовъ нравы, образъ мыслей и повѣрья, которые, перешедъ чрезъ умѣренную Германію и измѣнивъ народъ, сами претерпѣли большее измѣненіе. Изъ сего

смѣшенія отлился характеръ Италіи и ея Литературы.

Провансальская Поэзія, получившая необыкновенную нѣжность отъ нѣкоторыхъ особенныхъ причинъ, по близкому сходству языковъ, сильно дѣйствовала на Италіанскую Литературу; отъ того въ Италіи явилась страсть къ любовнымъ пѣснямъ, въ которыхъ особенно превосходенъ *Петрарка*. Но здѣсь сія нѣжная Поэзія потеряла духъ рыцарства; она приняла, какъ и всѣ роды Словесности, духъ Аллегоріи отъ Священнаго писанія. По сей то причинѣ Италіанская Поэзія не могла дойти до того мелочнаго угодничества нѣжному полу, каковое составляетъ главную отличительную черту провансальской Поэзіи. Однако по сему не должно заключать, что Италіанская Литература приняла чисто Христіанскій духъ. Нѣтъ! мы видѣли, что вліяніе сѣвера не дозволяло сему совершиться. Болѣе же всего воспрепятствовали сему во первыхъ, языкъ, который отъ многовѣковаго употребленія сросся съ старыми понятіями, и слѣдовательно не могъ скоро быть перенесенъ въ другой міръ знаній и вѣрованій; во вторыхъ и преимущественно мѣстность,

Италіанская.

соединенная съ многими языческими воспоминаніями, которыхъ истребить не возможно скоро, — удержала въ сей Литературѣ много древняго. Отъ того здѣсь чувственность въ обрядахъ Христіанскаго Богопочитанія, отъ того чувственное изображеніе высокихъ помысловъ благочестія и проявленіе духовнаго міра въ пластическихъ формахъ, которыя поставляютъ Словесность Италіи между древнимъ классицизмомъ и возникающимъ Романизмомъ. — Не такъ было въ Византіи; Константинополь возникалъ съ Христіанствомъ. — И такъ здѣсь хотя новый міръ и препобѣдилъ все старое, древнее; но много Римской народности осталось при водвореніи Христіанства. И по сему то *Данте* и, преимущественно, *Боккачіо* смѣшивали древне миѳологическое съ Христіанскимъ. Первый превосходитъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ силою творческаго генія, который торжествуетъ въ его *Divina comedia*, въ коей выражена борьба духа Христіанскаго съ языческимъ и побѣда перваго надъ вторымъ; онъ есть представитель старо-Италіанской Поэзіи, какъ *Тассо* новой чисто Христіанской, по содержанію, по идеямъ; но въ формахъ все еще господствовалъ

тотъ же древній пластицизмъ, который отсюда въ послѣдствіи много содѣйствовалъ утвержденію въ другихъ странахъ Европы новому классицизму. — Здѣсь и *Аріосто* занимаетъ блестящее мѣсто, какъ довершитель образованія; но по формѣ выраженія и онъ сходствуетъ съ древними. *Гварини* и *Маккеавели* сутъ образователи прозы, которую впрочемъ еще *Боккачіо* поставилъ на значительную степень выразительности и силы; но она не имѣла до нихъ надлежащей чистоты и благородства.

Съ одной стороны мечтательная таинственность, дошедшая въ Германіи до мистицизма, духъ рыцарства, доведенный Трубадурами до волокитства, величіе идей и смѣлость помысловъ выражающихъ современную жизнь; съ другой искуственное, рабское, школьное подражаніе древнимъ раздѣляютъ ново-Европейскую Литературу на два рода: первая родилась у Провансаловъ, развилась прежде всего до возможнаго совершенства, въ семъ отношеніи, у Испанцевъ; вторая родилась въ Италіи подъ вліяніемъ *Медицисовъ*; утвердилась болѣе или менѣе во всей Европѣ, но преимущественно во Франціи. Здѣсь страсть къ безхарактерной Поэзіи де-

Разность новыхъ Литературъ.

шла до какого то изступленія, которое оковывало и самые сильные умы; и отсюда она распространилась въ другія стороны Европы; особенно сильно свирѣпствовала у насъ въ Россіи, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи.

Напрасно думаютъ, что Словесность Арабовъ имѣла сильное вліяніе въ такъ называемомъ Романтизмѣ, т. е. первомъ родѣ Литературы, особенно въ Испаніи. Аравійская Поэзія имѣетъ предметомъ всегда такія особенности которыя едва ли можно привить къ какой либо другой націи: — кочеваніе разныхъ племенъ, ихъ взаимную родовую месть, ихъ презрѣніе ко всему, кромѣ своего племени, ихъ простосердечное, но гордое самохвальство, дружбу съ лошадьми! Все же героическое, все, что имѣетъ малѣйшій видъ баснословія, перешло къ нимъ отъ Персовъ. И Испанцы и Португальцы заняли отъ Арабовъ только гордость, которая впрочемъ послужила источникомъ и Литературной ихъ самостоятельности. *Камоэнсъ*, *Сервантесъ* и другіе лучшіе ихъ писатели столько же оригинальны, какъ и неподражаемы.

И такъ всякій вѣкъ, каждая страна и народъ имѣютъ свой духъ, свой характеръ; вотъ

для чего нужно намъ знать всеобщую Исторію; вотъ что заставляетъ насъ изучать Исторію Литературы всѣхъ странъ и народовъ; отсюда мы видимъ разныя направленія, различныя формы развитія духа человѣческаго. Естественно ли думать и желать, чтобы люди и народы выражали свои мысли и чувствованія одинаково, чтобы всѣ Литературы міра не имѣли различія кромѣ языка! — Нѣтъ! Доколѣ мы будемъ зависѣть отъ внѣшней природы, отъ внѣшнихъ обстоятельствъ; доколѣ не возвысимся до тѣхъ свѣтлыхъ истинныхъ идей, которыя бы могли уровнять насъ въ способѣ воззрѣнія на предметы и образѣ мыслей; дотолѣ мы всѣ будемъ отличаться другъ отъ друга. Но возможно ли выполнить сіе требованіе? — Возможно тамъ, за предѣлами міра сего!

ГЛАВА V.

КЛАССИЦИЗМЪ И РОМАНТИЗМЪ.

Древне-классическая Литература.

Обозрѣніе новѣйшихъ Литературъ, ихъ историческаго хода, измѣненій и настоящаго въ нашъ вѣкъ состоянія не входитъ въ нашъ планъ, не соотвѣтствуетъ цѣли; но можемъ ли мы имѣть понятіе объ отношеніяхъ Русской Литературы къ западнымъ, не взглянувъ на общія черты и главныя отличія сихъ послѣднихъ. Мы видѣли, что каждая изъ древнихъ Литературъ имѣла свой характеръ; каждая, выражая бытъ, духъ и вѣрованія своего народа, естественно отличается отъ другихъ; кромѣ того различіе сіе весьма замѣтно и въ степени искусства, которое возрастало съ вѣками и съ возрастомъ человѣчества. Но всѣ онѣ имѣютъ много общихъ свойствъ, которыми, сходствуя между собою, отличаются отъ всѣхъ новѣйшихъ. Такъ напримѣръ чувственное изображеніе самой духовной природы составляетъ общую черту оныхъ; такъ Божество изображается у всѣхъ древнихъ народовъ въ безпрестанной, всегдашней связи съ человѣчествомъ,

въ какихъ то патріархальныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Но такъ какъ у Евреевъ и Индійцевъ, самодревнѣйшихъ народовъ, она была слишкомъ проста, далека отъ искусства, такъ что она существовала въ какомъ то совершенномъ сліяніи Прозы съ Поэзіею, проявляя собою дѣтскую смѣшанность занятій съ играми, въ которыхъ скрывается подъ забавами начало великаго развитія будущей жизни; какъ у Римлянъ она не имѣла самостоятельности; то Греческая Литература, бывъ развита и обработана болѣе, нежели первыя, бывъ совершенно оригинальна, самостоятельна, служитъ представительницею древняго міра, въ отношеніи искусства и изящества. Между тѣмъ, какъ древній міръ кончался въ Греціи и Италіи, и новый возставалъ въ сихъ и въ сосѣдственныхъ имъ странахъ; онъ при началѣ рожденія получилъ свой тѣлесный составъ, свое вещественное бытіе и первыя свои впечатлѣнія и, такъ сказать, большую часть своего темперамента отъ сего дряхлѣющаго старца. По сей то причинѣ и въ то время, когда уже борьба была кончена, все еще воспоминанія минувшей славы Греціи и Рима плѣняли мнимыхъ Грековъ (Византійцевъ) и Римлянъ

(Итальянцевъ), особенно послѣднихъ по тому, что въ нихъ, какъ уже мы видѣли, осталось болѣе древняго.

Новоклассическая.

Отсюда началось подражаніе древнимъ писателямъ, которые названы *классическими*; потому что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ они приняты были въ руководство и за образцы *въ классахъ*; а послѣдователи ихъ въ позднѣйшія времена названы *классиками*; но тѣ, которые выражали и выражаютъ свои мысли и чувствованія въ духѣ народномъ, по направленію вѣка, называются *Романтиками*, вѣроятно потому что прежде всего Исторія нашла такого рода сочиненія на языкахъ, произшедшихъ отъ Римскаго. Новоклассическая Литература, стремясь уподобиться во всемъ своему первообразу (Древне-классической), не находила въ новомъ мірѣ ничего піитическаго, и оставляла оный для прозы; а посему всѣ роды Поэзіи изображали міръ древній, который впрочемъ по существу своему былъ для оной доступнѣе. А ежели иногда поэты и рѣшались выбирать предметы для своихъ произведеній изъ ново-Европейскаго быта и Исторіи; то облекали оные въ форму классическую, и заставляли

дѣйствовать героевъ нашего міра такъ, чтобъ они уподоблялись Ахилламъ, Орестамъ, Пиладамъ и т. п.. Но какъ всякій вѣкъ и народъ имѣетъ свои вѣрованія, нравы, добродѣтели, пороки, достоинства и слабости, то не все Греческое могло быть допущено у насъ въ Литературу по нашимъ нравамъ, вѣроисповѣданіямъ и Гражданскимъ постановленіямъ. Съ другой стороны нашъ бытъ, наши вѣрованія со всѣмъ исключены изъ области изящныхъ искуствъ — Поэзіи. По сему поэты и художники, особливо первые, принуждены были изображать только тѣ предметы и въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя общи всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ; отсюда нашъ классицизмъ отличается какимъ то однообразіемъ; и при томъ все общее есть дѣло ума, а не сердца; по сему произведенія нашихъ классиковъ всегда холодны, сухи: всѣ герои ихъ поэмъ и Трагедій, всегда ознаменованные общими добродѣтелями и пороками, чрезвычайно сходствуютъ между собою; отъ того произведенія сіи, не имѣя никакой занимательности, утомительны. Многія попытки, облечь героевъ новаго міра въ классическія формы, показали, какъ трудно, даже невозможно, избѣжать въ

семъ случаѣ смѣшенія древнихъ вѣрованій съ новыми — отъ чего часто высокое является въ смѣшномъ видѣ. Герои же древняго міра отливаются въ формахъ нашего классицизма не съ тою пластическою округленностію и полнотою, каковыми они изображались въ древности; опущеніе того, что для насъ неприлично, дѣлаетъ ихъ неполными, даетъ имъ плоскую односторонность. Сверхъ того какое они могутъ возбудить въ насъ участіе? — Мы познакомились съ ними въ школѣ; представленія ихъ тѣсно соединены съ привычными школьными воспоминаніями о мелочныхъ дѣлахъ; и потому они не могутъ имѣть никакой власти надъ душею читателя. Такая скудная ограниченность идей побудила писателей прибѣгать къ щегольству формами; а сія принужденная, такъ сказать, уборка мыслей внесла въ новоклассическую Литературу новый недостатокъ противъ древней. Тамъ простыя, легкія, для всякаго доступныя, идеи облекались въ простыя легкія формы, и тѣмъ самымъ представляли стройное согласіе сихъ двухъ стихій изящнаго; здѣсь тѣже идеи, и притомъ еще стѣсненныя условіями вѣка и страны, являются въ огромныхъ, пышныхъ,

величественныхъ формахъ, которыя отъ сей несоотвѣтственности остаются почти пустыми, надутыми.

И такъ все требовало преобразованія! Дѣтская затѣйливость и безпечная мечтательность были приличны только юной беззаботноговорливой Греціи; намъ нужны мысли, нужна важная истина; она плѣнялась удобовообразимою идиллiею; мы требуемъ Романа, вѣрнаго съ изображаемымъ въ немъ міромъ. Тамъ все, самая существенность, Исторія принимала видъ Поэзіи, сливалась миѳологіею; у насъ же и Поэзія и миѳологія стремятся принять видъ истины и стать рядомъ съ Исторіей; тамъ Божество втѣснялось въ человѣчество; у насъ человѣкъ хочетъ сближаться съ Божествомъ безпредѣльнымъ. Такъ идеи нашихъ вѣковъ ширятся въ безконечномъ, такъ геній новаго міра паритъ надъ множествомъ вѣковъ и народовъ, созерцая безпредѣльно разнообразныя картины жизни и развитія человѣчества. Таковое стремленіе современнаго намъ духа долго не было сознаваемо; но наконецъ оно отгадало само себя, и дало совсѣмъ другое направленіе Словесности, которая теперь хотя еще не установилась, но она уже

Романтическая.

выражаетъ вѣкъ. Хотя всѣ Литературы новаго міра сходствуютъ между собою въ выше изложенномъ; хотя сія необъятная обширность и безпредѣльность идей, расширяя формы выраженія, даетъ произведеніямъ Словесности какую таинственность, которая въ большей или меньшей степени также всѣмъ онымъ свойственна; однако каждая изъ нихъ, выражая народный духъ, мнѣнія, вѣрованія, степень образованія и духовныя нравственныя силы народа, имѣетъ свой характеръ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ГЛАВА VI.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ХАРАКТЕРА И ОБРАЗОВАНІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ИДЕЙ.

Отношенія Россіи къ востоку и западу.

Всѣ народы Европейскаго Запада при самомъ броженіи своемъ, при самомъ стремленіи къ общественности, получили въ большей или меньшей степени вліяніе внѣшняго, чуждаго образованія, какъ древне-западнаго: Римскаго, Гальскаго, и Испанскаго, такъ и взаимно другъ отъ друга принятаго; да и самое удаленіе на западъ предполагаетъ уже больше встрѣчъ, больше жизни и развитія, подобно какъ это случается съ путешественникомъ. Отъ того у нихъ общественность, людкость, достигнувъ высшей степени, составляютъ главныя ихъ свойства; напротивъ того у восточныхъ наро-

довъ личность преобладаетъ предъ общежитностію, народность заглушаетъ гласъ всеобщности; потому что они домосѣды, они знаютъ только окружающую ихъ природу; человѣчество видѣли только въ самихъ себѣ и въ немногихъ сосѣдахъ. Это впрочемъ не доказываетъ невозможности образованія ихъ, а только особенность онаго. Историческая судьба поставила насъ между Востокомъ, коснѣющимъ въ дѣйствѣ, которое очаровательно по самымъ своимъ недостаткамъ, сопровождаемымъ простотою, и Западомъ, преуспѣвающимъ въ успѣхахъ разума; мы раздѣляемъ сіи два края міра; но мы уклонились отъ своего значенія, отъ призванія Историческаго; мы живемъ, дѣйствуемъ, чувствуемъ, мыслимъ наперекоръ сего самаго призванія, наперекоръ внѣшней нашей природѣ. Но сіе самое уклоненіе не свидѣтельствуетъ ли нашей высшей самостоятельности? Нѣтъ! ибо оно подражательное; оно происходитъ не изъ внутренняго и произвольнаго стремленія — господствовать обстоятельствами. Здѣсь случай преодолѣлъ Исторію, судьбу и природу; но онъ уже изнемогаетъ отъ напора этихъ неутомимыхъ соперницъ.

Природа внѣшняя у насъ не такъ мрачна и сурова, чтобъ могла сдѣлать насъ таинственно-трагическими мечтателями, подобно Скандинавамъ; не такъ роскошна и предупредительна къ нашимъ желаніямъ, чтобъ образовать изъ насъ безпечно довѣрчивыхъ чадъ судьбы, а тѣмъ болѣе покровительствующей добрымъ началамъ. Не столь прелестна, или по крайней мѣрѣ красоты ея не столь открыты, чтобы пластическое очертаніе формъ оной, прельщая насъ, могло своимъ изяществомъ вступить въ споръ съ древнею Греческою или Индійскою Литературою; но и не такъ безжизненна, чтобъ, ужасая точнымъ своимъ изображеніемъ, заставляла безпрестанно оживлять ее иносказаніемъ. Дѣйствіе природы на наши идеи.

Обширныя равнины занимаемыя Россіею, разноклиматность страны, рѣдкое народонаселеніе отразились въ нашемъ характерѣ спокойствіемъ души, тихими но упрямыми страстями, переимчивостію, способностію къ разнороднымъ занятіямъ, нелюдимостію въ странномъ смѣшеніи съ гостепріимствомъ и какою то безпечностію къ усовершенію себя и средствъ жизни. Высокія горы съ своими крутыми переломами, съ внезапно представляющи-

имея препятствіями въ путяхъ, пріучаютъ человѣка, къ смѣлости въ предпріятіяхъ, къ быстротѣ въ дѣйствіяхъ, дѣлаютъ его нетерпѣливымъ въ исполненіяхъ; единство почвы и климата образуютъ обитателя одинаковымъ въ желаніяхъ, одностороннимъ въ направленіи силъ тѣлесныхъ и душевныхъ; при большей населенности страны, люди, находясь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, пріобрѣтаютъ свѣтскую образованность и утонченность нравовъ. Напротивъ обширныя равнины, заселяемыя народомъ, не противупоставляя ему никакихъ препятствій ни въ обработываніи, ни въ прохожденіи оныхъ; представляя ему всегда открытый, одинакій до утомительности обзоръ, дѣлаютъ его неспособнымъ переносить неожиданныя препоны, обдумывать предварительные планы, разчитывать непредвидѣнные случаи; но въ замѣнъ того онъ твердъ до упрямства, до непреклонности въ обстоятельствахъ очевидныхъ, какъ бы они ни были жестоки, откровененъ до грубости; разнообразіе климатовъ и вообще разность природы внѣшней, доставляя возможность вести разные образы жизни, даетъ разностороннее направленіе силъ и развиваетъ способность

къ разнороднымъ занятіямъ; и наконецъ также самая разноклиматность, таже способность къ разнороднымъ занятіямъ, обезпечивая народъ, дѣлаютъ его беззаботнымъ, отчуждаютъ отъ сосѣднихъ народовъ, а малонаселенность раздѣляетъ и съ соотчичами дальныхъ областей. Но сіе же самое отчужденіе, по гласу природы зовущей его къ общежитію, внушаетъ ему гостепріимство. Въ такихъ то обстоятельствахъ находились наши предки, которые сверхъ того съ незапамятныхъ временъ были окружены разноплеменными, разноязычными, разновѣрными, разнонравными народами до того, что всѣ они ничего не имѣли общаго.

Таковъ первоначальный темпераментъ Русскаго народа, таковы стихіи его характера! И сей то характеръ во времена миѳологическія развивался свободно, согласно свойствамъ сихъ стихій; въ героическомъ возрастѣ оный хотя получилъ много случайнаго, чуждаго, но все сіе срослось съ природнымъ, такъ сказать, утонуло въ немъ; вся Историческая жизнь была сцѣпленіемъ случайностей, которыя, подавивъ въ насъ все родное, уклонили ходъ нашъ отъ первоначальнаго направленія. Первобытные предки

Общія черты нашего баснословія.

наши, какъ мы видѣли, имѣя столь разнообразное смѣшеніе склонностей, были близки къ безтемпераментности; ибо умѣренность и разнообразіе Физической природы было уравновѣшено съ нравственно-разумною. Отсюда произошло то разномысліе Славянъ въ миѳологіи, по которому они въ семъ отношеніи сходствуютъ со всѣми народами Востока, Запада, Юга и Сѣвера и по которому ихъ баснословіе не имѣетъ тѣхъ младенческихъ нелѣпыхъ вѣрованій, коими отличаются всѣ восточныя; оно не столь безцвѣтно и сухо, каковы баснословія Западныя, убитыя вліяніемъ ума; оно было свободно отъ преобладанія чувственности, которая господствовала на Югѣ, и той таинственности, которая свойственна Сѣверу. Здѣсь нѣтъ ни чувственно-земнаго сближенія человѣка съ Божествомъ, чтобъ боги непосредственно мѣшались во все человѣческое и имѣли съ людьми связи плотскія и житейскія; ни совершеннаго отчужденія, чтобъ Божество спокойно и беззаботно смотрѣло съ неба на дѣла человѣка, предоставленнаго земному ходу дѣлъ; — здѣсь мы видимъ, какъ и вездѣ почти, Божество благодѣтельное и Божество злое, которыя или покро-

вишельсшвуюшъ или гоняшъ человѣка посредсшвомъ земныхъ духовъ, домовыхъ, Лѣшихъ и Русалокъ и посредсшвомъ людей вѣщихъ и досужихъ волщебниковъ и волшебницъ, колдуновъ и колдуней; но ни Бѣлъ-Богъ, ни Черно-богъ не преодолѣваешъ; и, кажешся, каждый съ своими сообщниками или благопріяшсшвуешъ или вредишъ человѣку, не вступая во взаимную между собою борьбу. Ошсюда равнодушіе ко всему ошечесшвенному; ибо природа не производишъ въ насъ сильныхъ впечашлѣній, способныхъ долго удерживашь вниманіе и часшо возбуждашь воспоминанія чувсшвенныя; — ошсюда подражашельносшь въ жизни, въ искусшвахъ, въ одеждѣ; ибо, видя вокругъ себя у всѣхъ народовъ рѣзкую внѣшнюю особенносшь, люди, не досшигшіе высокаго образованія, не могли поняшь шого, чшо природа и случай, ошличивъ ихъ сшройнымъ согласіемъ силъ душевныхъ и шѣлесныхъ и посшавивъ въ безконечно разнообразныя обсшояшельсшва, предосшавила имъ свободу, возможносшь и способы создашь себѣ особенносшь высшую, идеальную, духовную. Мы лишены внѣшней особенносши; разсмашривая сшрану, не нашли оной; всмошримся въ физіономію народа, — и

здѣсь не найдемъ оной: всѣ народы имѣюшъ свой особенный обликъ; но Русскіе носяшъ на лицѣ своемъ шочный ошпечашокъ безконечно разнообразной своей природы, выраженіе чрезмѣрнаго прошяженія сшранъ. Обрашимъ ли вниманіе на нравы наши и повѣрья? — Здѣсь съ одной сшороны мы совершенно сроднились съ вѣчными своими сосѣдами, шяжелыми, хладнокровными, мрачными, суевѣрными и съ шѣмъ вмѣсшѣ самонадѣянными Финнами; съ другой, нѣсколько вѣковъ сряду не имѣя на югѣ посшояннаго сосѣдсшва и мѣшаясь безпресшанно съ появлявшимися и исчезавшими народами, предсшавляемъ удивишельную смѣсь повѣрій, обычаевъ и обрядовъ Польскихъ, Визаншійскихъ, Мусульманскихъ и другихъ; но при всей смѣси, при всемъ безконечномъ разнообразіи нравовъ, обычаевъ и повѣрій Славенизмъ во всемъ, вездѣ и всегда осшавался и осшаешся господсшвующимъ; онъ долго усшупалъ навязаннымъ, привишымъ привычкамъ; но шеперь всшупаешъ въ свои права. Мы увидимъ, какъ ходъ нашей народносши уклонялся ошъ своего назначенія въ продолженіи всей нашей исшорической жизни; какъ снова была узнана сія народносшь, загроможденная чуждыми

насильственными введеніями, подавленная вліяніемъ Византіи, Татарскою властію и хотя кратковременнымъ, но убійственнымъ господствованіемъ Поляковъ; увидимъ, какъ она величественно возникаетъ въ Литературѣ, на развалинахъ латино-школьной учености, подражательнаго классицизма и неестественной идиллической чувствительности, разрушенныхъ ею.

И такъ утвердимъ ли мы свое мнѣніе объ общемъ характерѣ нашей Литературы на разсматриваніи историческаго хода внѣшней жизни и измѣненія нравовъ? Будемъ ли судить о ней даже по отдѣльнымъ произведеніямъ Словесности? — Нѣтъ! Сіи произведенія, не смотря на геніальное величіе ихъ Творцевъ, суть только частныя явленія, событія, составляющія матеріальную часть системы, которая должна опредѣлить направленіе Словесности и то значеніе, которое она имѣетъ и должна имѣть въ общемъ кругу Литературъ; а знаніе гражданственности и нравовъ будетъ служить источникомъ объясненій послѣдовательной связи между сими явленіями и уклоненія отъ естественнаго хода. Первоначальныя же свойства народа, естественное его положеніе,

мѣстныя и временныя отношенія къ человѣчеству, составляя, такъ сказать, темпераментъ онаго или тотъ матеріалъ, изъ котораго Исторія образуетъ народный характеръ, послужатъ основою къ утвержденію мнѣнія о характерѣ, значеніи и отношеніи извѣстной Литературы къ человѣчеству. — Слѣдовательно Русская Литература, выражая умѣренную степень жизни и жизненности человѣка, должна показать, какъ онъ чувствуетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ въ мірѣ изящномъ, житейскомъ и нравственномъ, независимо отъ сильныхъ вліяній природы, какъ благопріятствующей, такъ и противящейся развитію духа; она должна познакомить будущее человѣчество съ выраженіемъ духа, свободнаго отъ борьбы съ кипящими бурными страстями, но духа сильнаго, созрѣвшаго въ борьбѣ съ чувствованіями глубокими, тихими, но упорными; она должна представить будущему человѣчеству, какъ сей духъ, неограждённый отъ внѣшнихъ впечатлѣній природою, которая какъ бы предала его самому себѣ, смущаемый смѣшеніемъ посторонних вліяній, создалъ для себя характеръ; подавляемый безпрестанно чуждымъ игомъ то въ нравствен-

номъ, шо въ гражданскомъ, шо въ учебно-умсшвенномъ бышу своемъ, сохранилъ свою народносшь, соблюлъ со всѣми особенносшями, и очисшилъ оную ошъ всѣхъ порчъ восшочныхъ и западныхъ. Она должна проявляшь западную зрѣлосшь безъ дряхлой брюзгливосши, и школьной зашѣйливосши; восшочную просшошу, безъ ребяческой безсильной мелочносши; она должна бышь свободна знойной и хладной крайносшей.

ГЛАВА VII.

ИЗМѢНЕНІЕ ИДЕЙ И ЯЗЫКА ВЪ РОССІИ.

Ошношеніе идеи къ слову.

Языкъ, какъ форма проявленія мыслей, какъ органъ выраженія внушренней жизни, какъ орудіе внѣшнихъ сношеній, идешъ врядъ съ просвѣщеніемъ, съ преуспѣяніемъ духа, съ измѣненіемъ идей; шакъ что всякая эпоха Лишерашуры непремѣнно вносишъ измѣненіе и въ ходъ языка, и богашсшво мыслей и знаній неминуемо расширяешъ кругъ онаго; ибо идея безъ соошвѣшсшвенной формы для человѣчесшва шоже, что мысль безплошныхъ духовъ; она исчезаешъ

въ безпредѣльности духовной; да и форма безъ идеи есть пустое случайное стучаніе дитяти по струнамъ. Впрочемъ, при всей нераздѣльности сихъ двухъ составныхъ частей всякой рѣчи и самой Литературы, можно разсматривать преуспѣяніе той и другой раздѣльно; ибо онѣ нераздѣльны только въ дѣйствованіи, такъ сказать, въ служеніи человѣчеству, а не въ бытіи своемъ: идея раждается сама по себѣ безъ слова; а слово, рождаясь, въ слѣдствіе тревожнаго существованія мысли, которая спѣшитъ разлиться въ мірѣ мыслящемъ, продолжаетъ матеріальное бытіе свое и безъ сей мысли, можетъ выражать новыя сродныя ему идеи, можетъ существовать, какъ памятникъ былой, забытой мысли. Конечно подробное изображеніе успѣховъ ума составляетъ Исторію просвѣщенія; но для точнѣйшаго опредѣленія во всѣхъ измѣненіяхъ Литературы, нужно предварительно знать и естественное развитіе первоначальныхъ впечатлѣній народа и какъ благотворное, такъ и злокачественное вліяніе извнѣ въ образованіи онаго.

Ходъ идей. Славянскія племена, составлявшія преобладающую стихію при первоначальномъ образова-

нія Россіи, имѣвъ означенныя нами выше свойства, нравы и вѣрованія, по естественному столкновенію съ сосѣдственными народами заимствовали отъ нихъ многое въ сихъ отношеніяхъ: Финны сообщили имъ между прочимъ страсть къ гаданіямъ и нѣкоторыя таинственныя и мрачныя вѣрованія; Скандинавскіе пришельцы еще болѣе утвердили все сіе руническими письменами и введеніемъ нѣкоторыхъ узаконеній; разнородныя сношенія съ Византійцами, измѣнивъ вѣру, произвели сначала въ *немногихъ*, просвѣщенныхъ духомъ Христіанства, а потомъ мало по малу и во *всемъ народѣ*, совершенно новое направленіе духа. Сіе направленіе было *въ первыхъ* истинно Христіанское, отщетившееся отъ земнаго міра; а *во второмъ* представляло смѣсь языческой чувственности съ Христіанской таинственной духовностію. — За симъ измѣненіемъ духа въ Россіи начинала уже водворяться Христіанская Философія между духовными особами и Князьями; и конечно патріархальная простота, сближавшая Царей съ подданными, не замедлила бы усвоить сіи знанія и самому народу; но внѣшнее порабощеніе подавило все народное; самое стремле-

ніе къ совершенствованію не только пріостановлено, но даже совсѣмъ заглушено. Все древне-Славянское здѣсь, тѣснимое духовенствомъ, проявлялось только въ пѣсняхъ и игрищахъ, отправляемыхъ въ весенніе дни по темнымъ лѣсамъ; знанія и слабые отблески, нѣкогда ярко занимавшагося, Христіанскаго просвѣщенія, прокрадывались только кой-гдѣ по монастырямъ. И движеніе подавленнаго духа хотя уже было слабо, едва, едва замѣтно; однако оно имѣло все тотъ же характеръ; оно не измѣнилось ни при возникшей самостоятельности народа, ни во время ужаснаго междуцарствія, ни даже во дни ужаснѣйшаго порабощенія Польскаго, которое грозило бо́льшимъ зломъ, нежели продолжительное иго Татарское, и которое по кратковременности успѣло разрушить только еще неутвердившіяся благія предначинанія Бориса, заботившагося о водвореніи просвѣщенія въ Россіи истинно Русскаго. Со времени утвержденія Христіанства въ Россіи умъ подъ вліяніемъ сего Божественнаго путеводителя, спасшаго самобытность народную, на обломкахъ язычества, сохранившаго нѣкоторыя черты древней особенности, и подъ вліяніемъ унылаго народнаго

Генія, медленно подвигался въ своемъ развитіи до присоединенія Украйны къ Россіи; но послѣ ученые Богословы, питомцы Кіевской, а въ послѣдствіи, и Московской Академій, Христіанскую простоту и естественную народную смѣтливость замѣнили затѣйливыми школьными тонкостями, которыя, нося характеръ первоначальнаго своего Езуитскаго происхожденія, прямо противурѣчили народному прямодушію; и потому отдѣлили ученаго отъ простолюдина чертою непроходимою — схоластицизмомъ. Хотя сіе послѣднее направленіе умовъ, по своей благовидности, казалось непоколебимо твердымъ и хотя размноженіе училищъ болѣе и болѣе утверждало оное; однако генiй Ломоносова, склонивъ оное, поставилъ на общiй классико-Европейскiй путь. Здѣсь все было подражательное; древнеклассическія понятія и Литература составляли въ сей вѣкъ образцы, къ которымъ стремились всѣ писатели; — Поэты и даже прозаики уравнивали идеи новаго міра по представленіямъ древней Миѳологіи и героизма. Просвѣщеніе сіе было неестественно, натянуто, холодно; но всякая дѣятельность ума со временемъ превозможетъ всякое насиліе; по сему и

при таковомъ направленіи изрѣдка проявлялись умы самостоятельные, и образъ мыслей постепенно дѣлался свободнѣе, естественнѣе и ближе къ народному характеру, который, по мѣрѣ превозможенія Исторіи, восторжествовалъ надъ всѣмъ внѣшнимъ, и ясно отражается въ нашемъ Романтизмѣ — въ современной Литературѣ.

Ходъ языка. Древне-Славянскій языкъ составляетъ главную стихію языка Русскаго; и оный почитается мертвымъ; ибо мы его знаемъ только по употребленію въ церковно-служебныхъ книгахъ. Но, кажется, это мнѣніе не совсѣмъ основательно, потому, что въ Сербіи и преимущественно въ Черногоріи сей древній языкъ сохранилъ въ живомъ употребленіи свои первобытныя формы и свой характеръ; впрочемъ рѣшить этотъ вопросъ предлежитъ будущей Исторіи языка Славянскаго; а мы удовольствуемся опредѣленіемъ отношеній онаго къ нашему языку; ибо предполагаемъ изложить въ нѣсколькихъ словахъ рожденіе и ходъ сего послѣдняго.

Около временъ политическаго образованія Россіи вѣроятно всѣ Славянскія нарѣчія были еще очень близки между собою; и кажется съ

достовѣрностію можно утверждать, что въ сіе время было три главныхъ отрасли языка сего: *западная*, которою говорили Славянскія племена, окруженныя и частію порабощенныя Германцами, и которая отъ сего обстоятельства болѣе другихъ утратила свою первоначальную особенность; — *юговосточная*, сохранившая дотолѣ всю первобытность свою; потому что симъ нарѣчіемъ говорили племена Славянъ, непорабощенныя и чуждавшіяся всякаго смѣшенія; — и *сѣверовосточная*, изъ которой въ послѣдствіи образовался Русскій языкъ. Славяне сѣверовосточные, съ незапамятныхъ временъ находясь въ сосѣдствѣ съ разноплеменными народами, имѣя съ ними безпрерывныя разнородныя сношенія, безъ сомнѣнія мѣнялись взаимно понятіями; по сему сообщали имъ и взаимно отъ нихъ принимали въ свой языкъ чуждыя слова, которыя хотя по большей части подчинялись формамъ и законамъ языка туземнаго, но нерѣдко вносили съ собою свойства корня своего. Отсюда необходимо произошли различныя уклоненія отъ первоначальныхъ формъ, и языкъ Славянскій, смѣшавшись съ Хозарскимъ, Латышскимъ, а преимущественно съ разными

нарѣчіями Финскаго, получилъ много такого, какъ со стороны матеріи, такъ и со стороны формы, что отличало оный отъ чисто Славянскаго. Вліяніе Финскаго языка, не терпящаго стеченія согласныхъ буквъ, особенно замѣтно и благодѣтельно для нашего, изгнаніемъ полугласныхъ изъ средины словъ и излишняго стеченія согласныхъ; чему, кажется, также способствовало и правильное Греческое пѣніе, въ послѣдствіи вошедшее въ употребленіе. Когда же Скандинавы дали политическое бытіе и самое имя Россіи; тогда языкъ нашъ еще болѣе уклонился отъ своего корня какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи; ибо тогда вошли въ употребленіе слова правительственныя, судебныя и т: п: и притомъ владыки часто самыя Русскія слова приводили въ формы своего прежняго языка по обыкновенной привычкѣ; Славяне вынужденные отгадывать таковыя выраженія мало по малу привыкали къ искаженіямъ, и наконецъ по той же привычкѣ къ употребленію, приняли отступленія за правило. Измѣнявшись такимъ образомъ, нашъ языкъ скоро раздѣлился на двѣ отрасли: на *церковно-книжный* и *народный*. Главною причиною сего раздѣленія

было введеніе Христіанской вѣры. Византійскіе Греки, распространяя Христіанство, старались для большаго утвержденія онаго, чтобъ новые Христіане отправляли Богослуженіе на отечественномъ языкѣ; по сей то причинѣ Кириллъ (Константинъ въ монашествѣ) и Меѳодій, проповѣдуя Божественное ученіе между Славянами, изобрѣли для ихъ языка письмена, или, лучше сказать, дали имъ Греческую азбуку; для выраженія же тѣхъ звуковъ, которыхъ Греки не имѣли, они заимствовали знаки или буквы изъ Азіатскихъ языковъ. Для сей же цѣли переведены на Славянскій съ Греческаго прежде всего необходимѣйшія книги; какъ то: Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь и Октоихъ; а потомъ и другія. — Переводъ сей, кажется, сдѣланъ на Сербское нарѣчіе, ибо оный сходствуетъ съ симъ нарѣчіемъ болѣе нежели съ другими. — Сей церковно-книжный языкъ, по вышеизложеннымъ причинамъ, и въ настоящую эпоху нѣсколько уже отличался отъ народнаго; но въ послѣдствіи различіе сіе увеличивалось болѣе и болѣе; ибо первый, содержась только въ книгахъ не подлежащихъ никакому измѣненію, по священности своей, оставался неизмѣннымъ, неподвиж-

нымъ, и сохранилъ всѣ Славянскія формы, кромѣ словотеченія, которое, по причинѣ буквальности перевода, было совершенно Греческое; и ежели въ сіи книги вкрадывались какія либо перемѣны, то сіе происходило или отъ невѣжества переписчиковъ, или отъ желанія исправить сіи искаженія; прибавимъ къ тому и множество Греческихъ словъ принятыхъ въ сіи книги. — Но совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ находился языкъ народный: оный, кромѣ случайныхъ измѣненій, происходившихъ отъ внѣшняго вліянія, возрасталъ, расширялся и обогащался по мѣрѣ хода понятій; и при томъ сближеніе областей сближало и нарѣчія оныхъ, а желаніе щеголять выраженіями и борьба съ трудностями языка и недостаткомъ словъ и формъ — оборотовъ, заставляли невольно прибѣгать къ новымъ произведеніямъ словъ и устройству выраженій. Вліяніе Татарскаго языка въ ходѣ нашего народнаго замѣчательно потому, что многія Татарскія слова, вошедъ во всеобщее употребленіе, не вытѣснили ни одного слова Русскаго, предоставивъ имъ высшее значеніе и благороднѣйшее употребленіе; большая часть изъ нихъ внесены въ языкъ съ введеніемъ новыхъ

вещей. То и другое нововведеніе словъ обогащало языкъ народный и отдѣляло оный отъ церковнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ не искажало формъ и особенностей перваго; ибо языкъ Русскій былъ болѣе образованъ и болѣе устроенъ. — Татарскія слова вошли въ употребленіе только по дѣламъ житейскимъ и торговымъ сдѣлкамъ. Нѣкоторые Историки нашей Литературы полагаютъ эпохою нашествіе Татаръ; но мы въ послѣдствіи увидимъ, что Литература нисколько не измѣнилась въ сію политическую ужасную эпоху. Равно и послѣ освобожденія отъ сего рабства духъ и характеръ оной остался тотъ же самый; — но языкъ все мало по малу шелъ впередъ, особливо, когда возникла народная самостоятельность, и когда въ слѣдствіе сего умножилось число писателей; мы имѣемъ памятники словесности отъвремень Іоанна Грознаго, междуцарствія и Михаила Ѳеодоровича, написанные языкомь правильнымъ, чистымъ, сильнымъ, опредѣлительнымъ и цвѣтущимъ, языкомъ, показывающимъ удивительное богатство выраженій. Появленіе ученыхъ писателей было причиною самаго чудовищнаго засоренія языка иноязычными словами и выраженіями,

которыя уже не обогащали онаго, подобно словамъ и выраженіямъ Татарскимъ, а вытѣсняли собою обороты Русскіе, родные: писатели, хвастаясь ученостію, пестрили свои произведенія словами Латинскими и Польскими, будучи же большею частію уроженцы Малороссійскіе, они употребляли Украинское нарѣчіе, испорченное языками сосѣдними, а преимущественно Польскимъ; потомъ, когда уже начали писать питомцы Московской Академіи, то всякій изъ нихъ, кромѣ общихъ искаженій языка, засорялъ оный областными словами; наконецъ незнаніе точнаго различія между Славянскимъ и народнымъ нарѣчіями еще болѣе усиливало это странное смѣшеніе; — а ежели ко всему этому вспомнимъ, что водвореніе Петромъ Великимъ наукъ и искусствъ, преобразованіе правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ и учрежденіе учебныхъ заведеній, внесли въ нашъ языкъ всѣ нужныя для сего слова иностранныхъ языковъ; вспомнимъ, что при Дворѣ Анны Италіянскій языкъ составлялъ особенное щегольство, который отъ Двора переходилъ уже и въ другія сословія, для выраженія тонкихъ вѣжливостей; то можемъ понять, почему часто люди разныхъ сословій не понимали

другъ друга въ письменныхъ объясненіяхъ; можемъ понять, отъ чего самые трудолюбивые и ученые писатели сего времени, при довольно значительныхъ талантахъ, нынѣ кажутся намъ смѣшны и мало понятны. Явился *Ломоносовъ*, очистилъ языкъ народный; отдѣлилъ отъ него все иноязычное, чуждое, обветшалое, грубое, низкое, невѣрное, частное и областное. Въ семъ отношеніи послѣдователи сего великаго генія-преобразователя поняли его очень хорошо, и безпрестанно являлись писатели, которые продолжили начатое имъ: Ломоносовъ создалъ языкъ важный, давъ оному торжественность и періодическую правильность, часто доходящую до излишества; *Богдановичъ*, *Фонъ-Визинъ* и Князь *Долгорукій* придали оному легкость, живость, а иногда и свободное теченіе; — *Подшивъловъ* съ своей школою еще болѣе успѣлъ въ семъ дѣлѣ. За нимъ непосредственно возникли двѣ новыя партіи, долго боровшіяся въ разрабатываніи языка: одна руководима и поддерживаема была сильнымъ талантомъ, образовавшимся по Французскимъ писателямъ осмнадцатаго столѣтія, *Н. М. Карамзина*; другая — необыкновеннымъ трудолюбіемъ и основатель-

нымъ умомъ, ушвердившимся въ глубокомъ знаніи Славянскаго языка, А. С. *Шишкова*; первая, отличаяся шонкимъ вкусомъ, легкимъ цвѣшущимъ выраженіемъ, часто впадала въ Германизмы и Галицизмы; послѣдняя, превосходя оную силою и точносшію выраженія, много проигрывала излишнимъ Славянизмомъ; одни вводили Французское, а другіе Латинское словотеченіе, забывъ, что Греческое слово-устройство совершенно сродно нашему языку — оно наше. Между ими выбралъ средину *И. И. Дмитріевъ*. Но языкъ Исторіи Государства Россійскаго примирилъ враждующихъ. Здѣсь мы видимъ оный, хотя и въ одностороннемъ, но вѣрномъ своемъ развитіи. Наконецъ новѣйшіе постигли, что весь нашъ книжный языкъ для немногихъ, и начали писать общепоняшнымъ языкомъ: *И. А. Крыловъ* и *А. С. Пушкинъ* сдѣлали первые опыты въ семъ истинно полезномъ дѣлѣ, которое можетъ усвоить Литературу въ народѣ; а современные намъ романисты ревностно доканчиваютъ сіе великое предпріятіе, разрабатывая областныя нарѣчія. Степень ихъ успѣховъ и ошибокъ надѣюсь опредѣлить въ послѣдствіи.

ГЛАВА VIII.

РАЗДѢЛЕНІЕ ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ НА ПЕРІОДЫ.

Обозрѣвая ходъ ума и направленіе идей въ Россіи, видимъ, что: первоначально понятія естественныя, соотвѣтствующія обстоятельствамъ Физическимъ, Географическимъ и Историческимъ, были господствующими знаніями; дѣла гражданскія не отдѣлялись отъ удовлетворенія наклонностямъ; дѣла вѣры сливались съ увеселеніями. Потомъ водвореніе Христіанской вѣры обратило умы внутрь самихъ себя; это отразилось и въ гражданской жизни народа; никакое внѣшнее стѣсненіе не могло измѣнить сего благочестиваго направленія духа; самыя грозныя потрясенія общественнаго благосостоянія, самые счастливые перевороты: ни безпрестанная борьба владѣтельныхъ домовъ, ни паденія и возстанія новыхъ Княжествъ, ни самое лишеніе самостоятельности народной и возвращеніе оной, ни измѣненіе духа правительственнаго, не уничтожили борьбы Христіанства съ древнимъ язычествомъ, изъ коихъ пер-

*

вымъ одушевлялись сословія болѣе образованныя, а вторымъ простой народъ. Хотя Христіанское благочестіе, сія небесная сила, укрѣпляло простой народъ во время бѣдствій; но никогда не было у него источникомъ творчества — пѣснопѣній и разсказовъ; въ семъ отношеніи все еще господствовалъ въ немъ духъ язычества. А какъ оный отъ времени ослабѣвалъ и, когда явились ученые писатели, давно уже лишился производящей творческой силы; такъ что народъ только повторялъ большею частію старыя языческія пѣсни и разсказы, часто искажая оныя; то въ послѣдующемъ ходѣ Литературы должно принимать только ученую искусственную сторону оной до вторичнаго возрожденія народности. Послѣ сего она принимала два различные характера, какъ въ отношеніи идей, такъ и въ отношеніи формъ: первый Кіево-Академическій, въ которомъ преобладали учено-богословскія идеи и сбивчивая смѣшенность формъ; второй Ломоносовскій, въ которомъ господствовала классическая ученость.

Вотъ почему Исторія Русской Литературы, независимо отъ политическихъ эпохъ и гражданскихъ переворотовъ, должна быть

раздѣлена, по свойству ея развитія, на четыре совершившихся періода. *Первый* періодъ, объемля вѣка языческіе выражаетъ первоначальныя впечатлѣнія, естественныя склонности, древне-языческія вѣрованія, Миѳологическую жизнь и нравы народа богатырскихъ временъ; оканчивается оный водвореніемъ Христіанской вѣры; *второй*, начинаясь распространеніемъ Христіанства, продолжается до присоединенія Украины къ Россіи, и выражаетъ двойственность направленія духа, смягченіе нравовъ отъ Христіанства, смѣшеніе вѣрованій, борьбу оныхъ и торжество Христіанскихъ надъ языческими; *третій*, ограничиваясь появленіемъ ученыхъ писателей изъ Кіевской Академіи и успѣхами Ломоносова, выражаетъ паденіе простаго, естественнаго, безискусственнаго благочестія въ Литературѣ, подъ вліяніемъ искусственныхъ, школьныхъ тонкостей Богословскихъ и совершенное изнеможеніе народности; и *четвертый* — оканчиваясь свободнымъ возрожденіемъ народности, отличается подражательностію и отсутствіемъ всякой особенности. Но эпоха, прекратившая оный, уже совершилась, и начало пятому періоду уже положено.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

ЯЗЫЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Древнѣйшія изустныя пѣснопѣнія и преданія.

Многіе писатели полагаютъ, что старинныя наши пѣсни въ честь боговъ и богатырей, примѣненныя по большей части къ хороводнымъ играмъ, получили свое происхожденіе въ несчастныя времена Татарскаго господствованія. Карамзинъ говоритъ: »воображеніе, унывая подъ »игомъ невѣрныхъ, любило ободряться воспоми- »наніемъ прошедшей славы отечества.« Но ежели воображеніе нашихъ предковъ *любило* ободряться минувшей славой; то не уже ли оно не воспламенялось славными подвигами современныхъ соотечественниковъ? — Народъ дѣйствующій, ознаменовывающій бытіе свое славными дѣлами, всегда любитъ ими гордиться; — а предковъ нашихъ, въ ознаменованіе этого свойства, Греки называли именно хвастунами (Αλαζόντες). — Они имѣли своихъ пѣснотворцевъ, которые, воодушевляясь настоящей славой Князей и богатырей, величали ихъ въ пѣсняхъ; минувшее обыкновенно, возбуждая воспоминанія, раждаетъ разсказъ, повѣсть, эпопею; и преиму-

щественно это можно сказать о народахъ мало образованныхъ, слѣдующихъ внушеніямъ природы. И такъ всѣ хороводныя пѣсни, въ которыхъ упоминаются имена боговъ или богатырей, принадлежатъ временамъ языческимъ, баснословнымъ, богатырскимъ; разсказы объ Олегѣ и Ольгѣ, о Владимировыхъ богатыряхъ и т: п: могли произойти послѣ; но вся Миѳологія, Миѳологическія пѣсни и сего рода разсказы принадлежатъ сему до-историческому, такъ сказать, періоду. Конечно наше баснословіе еще не объяснено археологами, не приведено въ систему поэтами, по крайней мѣрѣ не дошли до насъ творенія, опредѣляющія значеніе каждаго бога, ихъ отношенія къ міру и взаимно между собою; но народъ имѣлъ о каждомъ богѣ и божкѣ особое понятіе, приносилъ имъ опредѣленныя обычаемъ жертвы, представлялъ ихъ происхожденіе и разсказывалъ ихъ родословіе; и вѣроятно были люди, которые умѣли оживлять сіи разсказы цвѣтами Поэзіи. Слѣды сей народной Поэзіи находимъ въ старинныхъ пѣсняхъ, въ темныхъ испорченныхъ народныхъ преданіяхъ, извѣстныхъ внутри Россіи, въ играхъ отправляемыхъ въ честь *Колядьі*, *Овиня*,

Масличны, *Красныхъ Горокъ*, *Русалокъ*, *Купалы* и проч. При поминовеніи покойниковъ много у насъ въ нѣкоторыхъ областяхъ совершается такихъ обыкновеній, которыя происхожденіемъ своимъ одолжены языческимъ временамъ. Нѣкоторыя свадебныя пѣсни ясно говорятъ о своей современности первоначальному употребленію браковъ. Здѣсь особенное вниманіе должно обратить на одно весьма важное явленіе въ нашей Исторіи, которое вѣроятно было причиною того, что до насъ не дошли преданія о родословіи боговъ: въ народѣ сохранилось до позднѣйшихъ временъ множество повѣрій, преданій и пѣсенъ о богахъ второстепенныхъ, о ихъ служебныхъ духахъ; но главные боги со всѣмъ забыты. Это могло произойти: во первыхъ — отъ Жрецовъ, которые, содержа въ тайнѣ свойства сихъ послѣднихъ, народу позволяли обращаться непосредственно только къ первымъ — а тайны Жрецовъ, начертанныя руками, исчезли для насъ; — во вторыхъ — отъ влiянія Скандинавской Миѳологіи; въ третьихъ — отъ запрещенія во время Христіанства чествовать преимущественно боговъ высшихъ; и наконецъ отъ того, что новые Хри-

стіане, не умѣя понять единство Божества, думали онымъ замѣнить только главныхъ боговъ. — Надѣюсь объяснить сіе явленіе во второмъ періодѣ. — Понятіе о *Перунѣ*, какъ верховномъ божествѣ, равно и самое наименованіе его, показываютъ, что грозныя явленія произвели первоначальное понятіе о божествѣ и о могуществѣ онаго; *Бѣлъ-Богъ*, съ *Дажбогомъ* и *Черно-Богъ* съ своими служебными силами выражаютъ понятіе о двойственности враждебныхъ началъ, добраго и злаго, а независимость ихъ даетъ частію понятіе о судьбѣ, хотя и не всемощной; соединеніе въ *Радегастѣ* бога гостепріимства, торговли и войны свидѣтельствуетъ о томъ, что Славяне не гнушались иноземцами, принимали ихъ, любили, угощали, имѣли торговыя или мѣновыя съ ними сношенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, спомоществуемы тѣмъ же божествомъ, готовы были разить оскорбителей гостепріимства ихъ и правъ торговли. Впрочемъ Миѳологія наша ждетъ полнаго систематическаго изложенія.

Послѣ баснословія о богахъ, кажется, изъ сохранившихся преданій есть самое древнее — басня о Гостомысловомъ иносказательномъ снѣ,

относительно происхожденія Рюрика; оный вѣроятно есть произведеніе приверженцевъ пришельца-властителя, который долженъ былъ съ трудомъ удерживать власть, легко пріобрѣтенную; — здѣсь уже проявляется духъ народной Философіи; но піитическая сторона сей сказки болѣе свойственна таинственной Скандинавіи. Наблюдательный умъ, разсматривая, принятые народомъ способы толковать сны, можетъ дѣлать очень вѣрныя умозаключенія о нравахъ народа, о естественномъ остроуміи и обычной Философіи онаго; тоже можно сказать о снахъ, вымышленныхъ и внесенныхъ въ Исторію — Историческихъ; ибо всѣ народные, самые нелѣпые вымыслы, по содержанію и изложенію, въ идеи своей имѣютъ истинную сторону; и съ другой стороны въ нихъ всегда обнаруживается господствующій духъ націи. — И такъ не только сіи Историческія басни прямыя и иносказательныя, не только хороводныя пѣсни; но даже, такъ называемыя, причитанія, которыя обыкновенно при поминовеніи покойниковъ съ громкимъ, — истиннымъ или притворнымъ, — воплемъ протяжно и однотонно произносятся женщинами; и даже самыя изо-

браженія боговъ: все это имѣетъ очевидное сходство, выражаемое полу-иносказательною формою; какъ наприм: народныя пѣсни всегда начинаются или иносказаніемъ: »Что не ржавчин»ка во болотинки травку соѣдала; Ни кручинуш»ка добраго молодца сокрушала.« . . — Или посторонкею мыслію: »Не шуми мати зеленая ду»бровушка; Не мѣшай мнѣ добру молодцу думу »думати.« . . . — И здѣсь уже видно, что мы не принадлежимъ ни Азіи ни Европѣ! — Но ничто такъ не выражаетъ нашего духа, какъ пословицы и поговорки, которыя обыкновенно въ минуту умственнаго затрудненія невольно исторгаются изъ души; и потому, рождаясь въ глубинѣ, глубоко проникаютъ въ душу слушателя, и выражая родную истину, сродняются съ нашими чувствами; въ нихъ выливается вся народная Философія и Законовѣденіе. Многіе думаютъ, что нѣкоторыя пословицы и поговорки со всѣмъ не имѣютъ смысла; но подобнымъ толкователямъ истинно народной мудрости надобно замѣтить, чтобъ они прислушались къ употребленію сихъ выраженій въ рѣчи смышленнаго простолюдина. Конечно нельзя рѣшительно опредѣлить, которыя изъ нихъ какому Пословицы.

принадлежатъ вѣку; однако надобно думать, что большая часть оныхъ выразились въ тѣ времена, когда не было извѣстно Священное писаніе и когда не было письменныхъ гражданскихъ законовъ; потому что всѣ онѣ выражаютъ или нравственныя или гражданскія правила. Въ тѣ беззаконныя времена народъ привыкъ рѣшать оными все. Безъ сомнѣнія многія пословицы и поговорки, по мѣрѣ измѣненія языка, измѣняли форму выраженія; нѣкоторыя однакожъ носятъ слѣды глубокой древности, какъ въ мысли, такъ и въ выраженіи; наприм: *погибоша, яко Обри — Умъ нажить, не городъ сгородить. — Обаллую, какъ Грека.* и т. п.

Письменные памятники Словесности.

Сей періодъ Литературы, какъ уже выше сказано, со стороны идей отличается язычествомъ и естественнымъ направленіемъ ума; а со стороны сообщенія и сохраненія произведеній — изустностію. Впрочемъ Исторія сохранила и письменные памятники Словесности, произведенные въ концѣ сего періода; это — договоры Великихъ Князей съ Византійскими Императорами. Какъ важны сіи договоры для нашей Исторіи, еще доселѣ не разгадано; потомки наши будутъ изумлены нашимъ равноду-

Договоры.

шіемъ къ сему свѣтлому источнику Историческихъ истинъ. — Отсюда между прочимъ узнаемъ и о томъ, что въ Россіи уже принята была буквенная письменность. — Все содержаніе сихъ договоровъ составляетъ неотъемлемую часть Исторіи гражданской; а начала и заключенія оныхъ, какъ выраженіе чувствованій въ клятвенномъ обѣщаніи о сохраненіи и выполненіи договора, подлежатъ нашему разбору. Изъ сихъ договоровъ видѣнъ въ Русскихъ духъ сильный, бодрый, алчущій дѣлъ и горящій славою; видно, что они допускали благородство въ врагахъ своихъ, даже побѣжденныхъ, вѣрили клятвамъ иновѣрцевъ: все сіе есть славное и вѣрное ручательство въ настоящей силѣ и въ будущемъ величіи народа. Въ отношеніи къ Литтературѣ особенно замѣчателенъ договоръ Игоревъ, какъ потому, что здѣсь являются въ числѣ договаривающихся лицъ Русскіе Христіане и особенно Славянскіе Бояре и полководцы, такъ и потому, что въономъ мѣстами разбросано много Поэзіи, да и самыя клятвы выражены полнѣе, разнообразнѣе и ближе къ характеру Русскому. Посланные обѣщаютъ вопреки ненавистнику добра и *враждолюбцу обновить*

ветхій миръ на всѣ лѣта, доколѣ сіяетъ солнце и стоитъ міръ. Да не дерзаютъ Русскіе, крещеные и некрещеные, нарушать союза съ Греками, или первыхъ да осудитъ Богъ Вседержитель на гибель вѣчную и временную, а вторые да не имутъ помощи отъ Бога Перуна; да незащитятся своими щитами; да падутъ отъ собственныхъ мечей, стрѣлъ и другаго оружія; да будутъ рабами въ сей вѣкъ и будущій! — Такъ переложилъ сіе мѣсто договора Карамзинъ. Сіи немногія слова какъ много заключаютъ въ себѣ смысла! они предполагаютъ вѣрованіе въ злое духовное *начало*, вѣчно враждующее противъ добра и человѣчества; они допускаютъ мысль о конечности міра, когда померкнетъ и солнца свѣтъ; они выражаютъ не только терпимость вѣръ, но и уваженіе къ святынѣ чуждой вѣры; показываютъ преобладаніе вѣры Славянской предъ Скандинавскою — ибо Перунъ призывается въ свидѣтели клятвъ, а не Оденъ; именуютъ роды оружій, употребляемыхъ въ то время въ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ воинственную само-увѣренность народа; обличаютъ презрѣніе

къ рабству; и наконецъ предполагаютъ вѣру въ безсмертіе души. И весь договоръ сей, болѣе нежели другіе, обнаруживаетъ глубокія соображенія, знаніе противника и собственныхъ средствъ удержать свое превосходство. Всякое выраженіе полно мысли здравой, сильной, свѣтлой и естественной, оживленной увѣренностію человѣка свободнаго, привыкшаго доказывать свое право мечемъ, и при томъ согрѣтой огнемъ Поэзіи роскошной, подобно Азійской чувственности, и умно-задумчивой, какъ Европейская мечтательность. Договоръ Святослава, какъ выраженіе воли властителя-героя, который силою непреклонной души своей приковалъ чувствованія подданныхъ къ собственнымъ желаніямъ, обнаруживаетъ только его духъ. А какъ сей сильный духъ есть истинный представитель современной ему Россіи, не столько по званію, сколько по внутренней силѣ; то мы должны обратить вниманіе на рѣчи Святослава, въ которыхъ душа его вылилась болѣе, нежели въ томъ договорѣ.

Представимъ себѣ властительнаго мужа, славолюбиваго воина, привыкшаго побѣждать сильныхъ враговъ; побѣждать только собствен- **Рѣчи Святослава.**

нымъ мужествомъ, и увѣренностію воиновъ въ его непобѣдимости! Сей то владыко - богатырь, встрѣтивъ неожиданно сильное сопротивленіе при завоеваніи новаго царства, при исполненіи любимой своей мечты, видитъ — или лучше: поставляетъ себя въ невозможность бѣжать, и окруженный огромными силами врага, воспламеняется жаромъ прежней славы и увѣренностію въ своихъ воиновъ, и призывая ихъ къ новой величайшей славѣ, говоритъ: »уже »намъ некамо ся дѣти; волею и неволею ста»ти противу; да не посрамимъ земли Русскыя, »но ляжемъ костьми ту; мертвыи бо срама »не имутъ. Ащели погибнемъ, срамъ имамъ. Не »имамъ бѣжати, но станемъ крѣпко; язъ же »предъ вами пойду. Аще моя голова ляжетъ, »то промышляйте о собѣ.« Сіи возвышенныя чувствованія, сіи великіе помыслы моглиль вмѣститься въ душѣ обыкновенной? — Могъ ли сей исполинъ духомъ обратиться съ сими словами къ робкимъ бездушнымъ рабамъ? и моглиль они всколебать толпу равнодушныхъ къ славѣ и свободѣ, и заставить съ смѣлою увѣренностію возгласить: »идѣже глава твоя; ту »и свои главы сложимъ!« Нѣтъ! здѣсь всякое

слово свидѣтельствуетъ о душевной силѣ говорящаго и о привычкѣ слушателей внимать гласу, зовущему къ побѣдамъ. Другая рѣчь, произнесенная имъ въ обстоятельствахъ еще болѣе трудныхъ, когда самые вожди его, привыкшіе преодолѣвать всѣ препятствія, презирать самыя ужаснѣйшія опасности, отчаявались, также достойна вниманія. Святославъ видя, что мужественный и испытанный въ браняхъ Цимискій, воздвигъ противъ него всѣ силы Имперіи, видя, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами явными и тайными, что самые неустрашимые его сподвижники потеряли бодрость, и совѣтуютъ во время темной ночи, оставивъ станъ, бѣжать, взываетъ къ вождямъ и воинамъ своимъ: »Погибнетъ слава Русская, естьли устрашимся »смерти! пріятна ль жизнь спасенная бѣгствомъ? »— Не будутъ ли презирать насъ тѣ сосѣди, ко»торыхъ доселѣ ужасало одно имя Русскихъ? За»воеватели многихъ странъ и народовъ, мужество »и непобѣдимость мы наслѣдовали отъ предковъ »нашихъ; и такъ или побѣдимъ, или падемъ, под»визаясь славно за честь!« Рѣчь сія произвела чудо; она спасла и жизнь и честь немногихъ отважныхъ, которые, одушевясь оною, заставили побѣдите-

ля сильнаго и многочисленнаго желать мира. Вотъ блестящіе опыты первоначальнаго нашего ораторства, опыты, на которые мы можемъ указывать съ народною гордостію: ибо они тѣсно сопряжены съ Историческою славой нашихъ предковъ. Это не простые строки, заключающія въ себѣ изображеніе мѣстъ, городовъ и зданій, или разсказъ, означающій годы и числа сраженій; это истинное *ораторство*, — лѣтопись души, въ которой отражаются чувствованія и помыслы давно минувшаго вѣка, давно истлѣвшихъ людей; но въ сей рѣчи ихъ духъ, *ихъ подвиги предъ нами!*

Мнѣнія о подлинности оныхъ.

Многіе писатели, дабы выказать свою смѣтливость, которая не допустила ихъ на ряду съ прочими впасть въ обманъ, стараются доказывать, что рѣчи сіи вымышлены послѣ. Но напрасно они истощаютъ свое остроуміе на сіе, сомнительное по своему успѣху — и совершенно — безполезное дѣло; ибо рѣшительно доказать вымышленность сихъ рѣчей не возможно, тѣмъ болѣе, что онѣ точно выражаютъ характеръ Оратора-Полководца и обстоятельствъ; а могъ ли человѣкъ посторонній, спокойно созерцающій положеніе дѣлъ давно ми-

нувшихъ, проникнуться духомъ оныхъ столь сильно, чтобъ оживить въ воспоминаніяхъ нашихъ героя съ его подвигами? — И притомъ, ежели допустимъ, что рѣчи сіи вымышлены; то естественно родится самъ собою вопросъ: кѣмъ оныя вымышлены? Несторомъ? Онъ, будучи всегда вѣренъ своему званію, не имѣлъ причины придумывать рѣчи Святославу, изображая дѣйствія другихъ Князей просто. Современниками сего Князя, увлеченными его славой? Нѣтъ, сей вѣкъ простоты и безграмотности былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобъ имѣть дерзость навязывать свои мысли и слова человѣку, слава котораго заставляла ихъ благоговѣть предъ нимъ; они могли украшать цвѣтами Поэзіи его подвиги, но не могли, не смѣли за него думать, чувствовать и говорить! Сверхъ того намъ нужно не имя сочинителя, а сила и значеніе словъ, сохранившихъ и донесшихъ до насъ мысли и чувствованія, проявлящія духъ вѣка. Ежели народъ изучилъ такъ хорошо душу героя, ежели охотно повторялъ въ разсказахъ внутренніе движенія души его; то тѣмъ болѣе мы обязаны изучать сіи благородныя движенія народа.

Заключеніе перваго періода.

Періодъ сей не имѣлъ сочинителей по званію, по обязанности, по своекорыстнымъ видамъ, по мелочнымъ расчетамъ и льстивой угодливости. Нѣтъ! только духъ народный, только геній немногихъ любимцевъ природы, отражавшій сводъ общихъ знаній, помысловъ и чувствованій, какъ гладкая зыбь озера отражаетъ всеобъемлющій сводъ неба съ разбросанными по немъ мірами, которые не могутъ ясно изображаться въ мелкихъ капляхъ, выражался въ словѣ для службы будущему человѣчеству. И сіи то естественные порывы духа поучительнѣе для насъ, нежели томы, произведенные усиліями бесталантности. И такъ изучимъ оные, и пожалѣемъ, что исчезли для насъ творенія Баяновъ.

ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ.

ПРЕОБЛАДАНІЕ ХРИСТІАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДЪ ЯЗЫЧЕСКОЮ.

Идея Христіанства въ Россіи.

Знаніе внѣшней жизни Русскаго народа во времена вѣроизмѣненія требуетъ послѣдовательнаго изложенія всѣхъ событій, предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ водворенію Христі-

анской вѣры въ Россіи; Исторія же Литературы, выраженія жизни внутренней, должна показать, какъ сѣмя Христіанскихъ мнѣній брошено было на Русскую землю, какъ оно принялось и укоренялось на почвѣ Русскихъ нравовъ и языческихъ вѣрованій; какъ идея Христіанства медленно внѣдрялась въ умы немногихъ особъ, и какъ наконецъ утвердившись, частію вытѣснила, частію подчинила своимъ законамъ самыя коренныя, первоначальныя идеи народа. Хотя сія идея давно уже пускало свои корни; ибо мы видѣли, что Христіане въ концѣ минувшаго періода уже находились при заключеніи договоровъ съ Государями сильными; но старыя мнѣнія и нравы столь еще, казалось, были тверды, что и не подозрѣвалъ никто скораго измѣненія оныхъ. Вдругъ Божественная идея Христіанства проникла въ душу возвышенную, полную великихъ думъ, которая вмѣщала въ себѣ всѣ пороки и додродѣтели своего вѣка; и въ сей то душѣ она возрастала и зрѣла, съ одной стороны измѣняя и обновляя ее, а съ другой заимствуя отъ сего духа много чуждаго для себя, чувственнаго; и изъ сей то души, вѣрной представительницы современнаго народа, она

могла излиться въ духъ сего послѣдняго столь тихо, столь успѣшно, столь быстро, что Исторія даже не могла примѣтить борьбы старыхъ вѣрованій съ новыми.

Разпространеніе оной.

Первые Христіане въ Россіи, принявшіе сію вѣру по внутреннему убѣжденію, занимались только собою и, по крайнему разумѣнію, исполненіемъ своихъ новыхъ обязанностей; самые обряды Богослуженія были слишкомъ ограничены, потому, что недостатокъ книгъ церковныхъ и людей, знающихъ многосложный церковный уставъ, заставлядъ ихъ довольствоваться вѣроятно чтеніемъ немногихъ молитвъ и пѣніемъ нѣсколькихъ общихъ стиховъ. При таковыхъ обстоятельствахъ мысль о Христіанствѣ была слишкомъ частна, и едва ли кто думалъ о всеобщемъ распространеніи оной; впрочемъ въ сіи вѣка простоты и чувственности, при переимчивомъ, подражательномъ и способномъ къ разнороднымъ впечатлѣніямъ духѣ Русскихъ, рѣзкая противуположность Христіанскихъ обрядовъ Богослуженія съ языческими и величественныя формы первыхъ, сопровождаемыхъ глубокимъ чувствомъ набожнаго благоговѣнія молящихся Христіанъ, не могли не быть

замѣчены очевидцами, не могли не оставить слѣдовъ въ сердцахъ ихъ. Такъ Христіанство начало укореняться въ Россіи; такъ оно проникло и въ пылкую душу Ольги, такъ оно озарило и умъ Владиміра, вѣроятно часто видавшаго, при Дворѣ Бабки своей, величественное Богослуженіе Христіанъ; такъ Владиміръ, пресыщенный благами міра сего, увидѣвшій предѣлъ желанной имъ славы, оживлялъ въ воображеніи своемъ картины дѣтства, воспоминалъ блескъ свѣтлаго Храма, стройное пѣніе и благоговѣйныя молитвы, возсылаемыя въ горняя съ таинственнымъ для него страхомъ; — онъ жаждалъ все сіе узнать, изслѣдовать; и пораженный картиною страшнаго суда, онъ изливаетъ свои чувствованія въ души людей близкихъ ему, всегда понимавшихъ его. А сіи избранные, уже расположенные въ пользу предполагаемаго нововведенія сильною волею своего владыки, чувствованіями котораго они уже привыкли воспламеняться, когда увидѣли Богослуженіе Христіанъ въ великолѣпномъ — для нихъ неимовѣрно огромномъ — Храмѣ Константинопольскомъ, совершаемое Патріархомъ съ такимъ блескомъ, съ такимъ величіемъ и съ та-

кою красотою, при оглушающемъ звонѣ колоколовъ, каковыхъ они никогда и предполагать не могли; что до такой степени были поражены всѣмъ видѣннымъ, что представленіе сего священнодѣйствія содѣлалось существенною потребностію ихъ душъ; по сему простая увѣренность сихъ новыхъ проповѣдниковъ въ Божественности сей вѣры, ихъ непритворный жаръ ревности къ тому ученію, котораго они еще недавно были чужды, безпредѣльная довѣрчивость народа въ безошибочности Князя, который безпрестанно являлъ свидѣтельства великаго ума и доблести, сильно расположили духъ народа къ принятію новаго ученія о вѣрѣ; но народъ разумѣлъ и принималъ оную только со стороны обрядовъ. Къ тому же слухи о внѣшнемъ величіи и благолѣпіи формъ Христіанскаго Богослуженія давно уже прельщали воображеніе Россіянъ; давно они слыхали разсказы своихъ соотечественниковъ, часто посѣщавшихъ Константинополь; и многіе, прельщаясь сими разсказами, могли желать все сіе видѣть у себя.

Остатки язычества.

А какъ сей способъ утвержденія новой вѣры, сближая народъ съ новыми мнѣніями, не

противупоставлялъ оныхъ старымъ; что и облегчалъ и ускорялъ распространеніе Христіанства. Россіяне, принимая оное, не могли привыкнуть къ мысли о единствѣ Божества; по сему они долго хотѣли замѣнять Св. Троицею только своихъ верховныхъ боговъ; и молясь въ храмахъ Христа по Воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, отправляли празднества по извѣстнымъ днямъ и въ честь прежнихъ боговъ, которыхъ они хотѣли почитать второстепенными, подчиняя имъ домашнихъ животныхъ, неодушевленныя вещи и самыя работы свои. Тѣмъ болѣе они старались удержать празднества и жертвоприношенія языческимъ богамъ, что оныя сопряжены были съ различными играми и увеселеніями. Въ послѣдствіи сіи языческія игрища были воспрещаемы; тогда молодые люди, любя веселость, углублялись въ лѣса для отправленія игръ. И такъ у насъ борьба язычества съ Христіанствомъ началась далеко послѣ рѣшительнаго, всеобщаго водворенія Христіанской вѣры; продолжалась за существованіе народности, и состояла совсѣмъ не въ мнѣніяхъ, а въ томъ, что могутъ ли быть допущены языческія празднества, изъ коихъ многія уже

смѣшались съ Христіанскими? Отъ того что народъ нашъ во внутреннихъ областяхъ Государства удержалъ множество языческихъ обыкновеній, такъ что и въ самомъ набожномъ Христіанинѣ, при извѣстныхъ обычаяхъ, не трудно замѣтить еще нѣкоторыя черты язычества (*). Отъ запрещенія же пѣсенъ въ честь боговъ, и нынѣ многіе считаютъ грѣхомъ всякое свѣтское пѣніе.

Духъ Литературы въ семъ періодѣ.

И такъ, въ началѣ сего періода, новыя мнѣнія не только не истребляли старыхъ, но даже и мало измѣняли оныя; такъ что у насъ явились двѣ совершенно разнородныя Литературы: — прибывшіе въ Россію изъ Греціи Священники, Славянскаго происхожденія, учредили здѣсь школы для наставленія новыхъ Христіанъ въ догматахъ вѣры и преимущественно для образованія Священнослужителей; и сіи то люди, наставленные въ правилахъ Христіанскихъ и воодушевляемые благочестіемъ, создали у насъ новый родъ Литературы, въ которой

(*) Вѣроятно происки древнихъ Жрецовъ, а въ послѣдствіи, такъ называемыхъ, Колдуновъ имѣли въ томъ большее участіе; но объясненіе этого принадлежитъ Исторіи другаго рода.

они подражали Христіано-Греческимъ писателямъ; слѣдовательно дали нашей Словесности Византійское направленіе. Сія отрасль Литературы, которую можно назвать *духовною*, въ продолженіе сего періода болѣе и болѣе утверждалась, — теряя мало по малу все чуждое намъ; такъ что наконецъ можно было надѣяться, при возстановленіи самостоятельности народа, на совершенное сближеніе оной съ народнымъ духомъ. Это сближеніе было необходимо; потому что народность, простонравіе и Поэзія жизни, тѣснимыя на ряду съ ложнымъ и вреднымъ, были почти совсѣмъ убиты, и требовали подпоры. Съ Христіанствомъ приняты Русскими, какъ уже извѣстно, и письменность и древне-Славянскій языкъ; всѣ три эти обстоятельства составляютъ эпоху, и даютъ характеръ сему Періоду, особенно въ отношеніи духовной Словесности; ибо она основывалась на Христіанскихъ идеяхъ, выражалась языкомъ Славянскимъ и сохранилась въ письменахъ. Но какъ духъ внутренній и сросшіяся съ нимъ вѣрованія все еще оставались въ народѣ, и какъ являлись геніи, неполучившіе школьнаго образованія, и обладаемые симъ духомъ, пѣли свободно, то

Духовная.

Языческая.

по временамъ раздавался голосъ прежней народности, прежняго пѣснопѣнія; правда, въ сихъ пѣсняхъ все еще не доставало изящнаго искусства; но въ замѣнъ онаго творчество и самобытность здѣсь были несравненно въ высшей степени, нежели въ духовныхъ произведеніяхъ. По мѣрѣ же преобладанія новаго духа, при убійственно тяжкихъ Историческихъ обстоятельствахъ, творчество въ сей Литературѣ погасало; да и самыя произведенія съ теченіемъ времени теряли свою особенность; утрачивали цѣлость, и подвергались измѣненіямъ; ибо онѣ почти всѣ были изустны по духу перваго періода, и съ ходомъ народнаго языка принимали

Смѣшенная. новѣйшія формы выраженія. Были между прочимъ и такія произведенія Словесности, которыя, не смотря на Христіанскій или языческій духъ писателя, по своему предмету или другимъ причинамъ, не могутъ быть причислены ни къ тому ни къ другому разряду; таковы по большей части описательныя, повѣствовательныя и языко-учебныя сочиненія; онѣ и форму имѣютъ всегда смѣшанную, такъ что въ нихъ языкъ употреблялся народный съ большею примѣсью Славянскаго.

Можно принять рѣшительно за извѣстное, что первоначальные проповѣдники Христіанства въ Россіи мало по малу переводили церковно-служебныя книги на Славянскій, принятый въ Богослуженіи языкъ. А какъ между новыми Христіанами могли возникать и конечно возникали многія недоумѣнія, относительно вѣроисповѣданія, могли случаться и часто случались отступленія въ пользу старой вѣры; то Священники и вѣроучители должны были прибѣгать къ объясненіямъ и поученіямъ. И это составляетъ начало духовной Словесности. Но изъ сихъ памятниковъ старины до насъ дошло слишкомъ мало. Кажется, утрата сихъ произведеній весьма естественна: ибо народъ, еще недавно бывшій въ младенческой простотѣ и піитической безпечности, не могъ столь круто перейти къ тому состоянію, въ которомъ человѣкъ любитъ глубокомысленныя размышленія о высокихъ нравственныхъ и религіозныхъ истинахъ; — духъ же Христіанства требуетъ возмужалости; требуетъ проповѣдничества, ораторства; — сіи требованія тѣмъ сильнѣе обнаруживались тогда въ Россіи, что проповѣдники, прибывъ изъ Царства отцвѣтшаго, ру- Начало первой.

ководились духомъ отечественнымъ — стар-ческимъ, и сообщали оный образованнымъ ими проповѣдникамъ Русскимъ. Вотъ почему у насъ сей періодъ начинается *поученіями* и *ораторствомъ*, которыми народъ еще не умѣлъ дорожить, и которыхъ не старался соблюдать; оныя сберегаемы были только учеными.

Поученія и Проповѣди. Въ сихъ родахъ сочиненій особенно заслуживаютъ наше вниманіе въ продолженіи сего періода слѣдующія духовныя произведенія, изъ коихъ одни болѣе замѣчательны своею древностію, нежели внутреннимъ достоинствомъ, а другія напротивъ важностію мыслей, красотами современнаго языка и вліяніемъ или успѣхомъ своимъ:

1. Древнѣйшее изъ всѣхъ, дошедшихъ до насъ нравственно духовное сочиненіе есть *Поученіе* къ *братіи*, *Луки*, Епископа Новгородскаго, современника Ярославу. Оно, кромѣ древности, замѣчательно тѣмъ, что обнаруживаетъ въ сочинителѣ нѣкоторыя черты духа, соотвѣтствующаго возрасту народа; въ немъ встрѣчаются мысли Русско-языческія, которыя ясно свидѣтельствуютъ о Русскомъ происхожденіи

сочинителя и о медленности измѣненія народныхъ нравовъ.

2. Въ противуположность сему встрѣчаемъ творенія *Никифора*, Митрополита Кіевскаго — Посланія къ Владиміру Мономаху: 1-е *О раздѣленіи Восточной и Западной церкви*, 2. *О постѣ и воздержаніи чувствъ*. Сіи произведенія носятъ на себѣ точный отпечатокъ Византійской Словесности, слѣды глубокой учености. Тамъ замѣчаемъ болѣе крайней простоты, а здѣсь школьной тонкости, изысканности, и болѣе ученаго знанія народнаго языка.

3. Посланія, Поученія и Проповѣди *Кирилла*, Епископа Туровскаго, жившаго около половины двѣнадцатаго столѣтія, по многимъ отношеніямъ стоятъ выше всѣхъ памятниковъ нашей древней Словесности. — Ежели знаніе сердца человѣческаго и искуство трогать оное составляютъ существенныя условія для нравоучителя и оратора, то Кириллъ можетъ съ честію носить сіи два титла; ибо онъ обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ дѣйствовать вдругъ на сердце человѣка, на духъ гражданина и на помыслы Христіанина. Самое глубокомысліе его не имѣетъ школьной сухости; только въ спо-

себѣ выраженія замѣтна излишняя пышность, происшедшая отъ подражанія Византійскимъ писателямъ; а въ языкѣ являются признаки западнаго нарѣчія, обличающаго мѣсто рожденія и воспитанія сочинителя.

Хотя рядъ Церковно-учителей и духовныхъ ораторовъ въ продолженіи сего періода довольно многочисленъ, и Исторія говоритъ о нихъ съ великою похвалою; но какъ сочиненія ихъ по большей части хранятся по библіотекамъ въ рукописяхъ, и совсѣмъ не приведены въ извѣстность, то мы и должны по необходимости оставить оныя безъ замѣчаній.

Въ послѣдней половинѣ сего періода благочестіе Христіанское было обращено уже на утвержденіе добродѣтелей гражданскихъ и доблестей Государственныхъ; по сему и ораторство, удерживая тотъ же благочестивый духъ, получило значеніе обширнѣе прежняго — религіозно-государственное; а въ западныхъ областяхъ, порабощенныхъ Поляками, ревность къ вѣроисповѣданію Грекороссійскому, терпѣвшему притѣсненіе отъ Католиковъ, дала ораторству свой характеръ, который обнаруживался защитою вѣры отцевъ своихъ. Отъ того произведенія Словесности сдѣ-

лались въ сіе время разнообразнѣе. Забвеніе церковныхъ обязанностей Священно-служителями заставило *Кирилла*, Митрополита Владимірскаго, созвать Соборъ, на коемъ поставлены 12 *правилъ о церковныхъ дѣлахъ и исправленіи Духовенства*. При открытіи и закрытіи *Собора* Кириллъ произносилъ рѣчи, ознаменованныя необыкновенною силою краснорѣчія. Ораторъ съ особенною живостію, и съ пылкостію юноши изображаетъ бѣдствія Россіи, приписывая оныя Божію гнѣву за развращеніе нравовъ и забвеніе прародительскихъ обычаевъ и Христіанской простоты.

4. Побѣда Димитрія Донскаго и, происшедшая отъ того, великая льгота для Русскаго народа произвели въ началѣ пятнадцатаго столѣтія *похвальное слово* сему герою, написанное *Софроніемъ*, Священникомъ Рязанскимъ. Оно, кромѣ неоспоримой Исторической важности, сохранило много такихъ мыслей, которыя всегда пребудутъ для насъ священны: здѣсь мы видимъ, какъ высоко цѣнили подвигъ Димитрія тѣ люди, кои, по мнѣнію многихъ Историковъ, все еще были рабы Татаръ; здѣсь находимъ знанія и помыслы нашихъ предковъ о дѣлахъ Го-

сударственныхъ; здѣсь мы знакомимся съ ихъ нравами и повѣрьями; напримѣръ, читая плачь великой Княгини въ семъ словѣ, узнаемъ отношенія женъ къ мужьямъ своимъ; узнаемъ духъ народной плачевной поэзіи, слѣды которой и доселѣ еще сохранились въ поминовеніи покойниковъ.

5. Робкая нерѣшимость Великаго Князя Іоанна противъ Хана Ахмата, воодушевила Пастыря церкви, *Вассіана,* Архіепископа Ростовскаго; онъ написалъ сильное, краснорѣчивое, пылающее любовію къ отечеству, *Посланіе* Государю, и потомъ при личной встрѣчѣ произнесъ предъ нимъ краткую, но истинно вдохновенную, *рѣчь;* — Іоаннъ устыдился робости; Татары прогнаны, и освобожденная Россія перестала страшиться, долго ужасающаго ее, слова: *Татары!* — Сколько воспоминаній при одномъ поверхностномъ взглядѣ на сіи произведенія геніевъ древности! Но какія глубокія тайны можетъ открыть изслѣдованіе и разборъ сихъ свидѣтелей нѣмой старины! Они разсказали бы намъ, что часто Историческіе дѣйствователи, пріобрѣтшіе громкую славу, суть только пружины великихъ дѣлъ, приведенныя въ дѣй-

ствіе мыслію, родившеюся въ головѣ человѣка, имя котораго дошло до насъ по тому только, что оно скромно подписано подъ таящеюся въ пыли рукописью; разсказали бы намъ, что часто тѣ, которые несутъ проклятія вѣковъ, достойны благословеній, или по крайнѣй мѣрѣ, вздоха сожалѣнія! — Языкъ сихъ писателей и чище и ближе къ народному, нежели у Кирилла Туровскаго, который часто сбивается на западное нарѣчіе.

6. Смутныя и бѣдственныя для Россіи обстоятельства вывели на позорище Исторіи мужей сильныхъ духомъ, изъ коихъ одинъ произнесъ, по случаю коронованія Василія Ивановича Шуйскаго, *рѣчь*, дышащую истиннымъ красноречіемъ. Кажется, оная произнесена была, извѣстнымъ въ Исторіи нашей, Пастыремъ церкви Гермогеномъ. Рѣчь сія излилась изъ души полной помысловъ и думъ великихъ, обращенныхъ къ благоденствію и славѣ отечества; она свидѣтельствуетъ, что духъ благочестія и геній гражданственности поняли другъ друга, что они уже, слившись почти во едино, дружно дѣйствовали въ человѣчествѣ. Формы выра-

женія въ оной совершенно соотвѣтствуютъ благородству и изяществу мыслей. (*)

7. Отступленіе многихъ Малороссіянъ и Литовцевъ отъ Грекороссійскаго исповѣданія, въ слѣдствіе гоненія, вызвало многихъ ревностныхъ поборниковъ православія; между ими особенно замѣчательны *Лаврентій Зизаній*, Протоіерей Корецкій, сочинитель Катихизиса (оглашенія или бесѣдословія), и Князь *Константинъ Константиновичъ Острожскій*. Оба они жили въ исходѣ шестнадцатаго вѣка и не щадили ничего для распространенія просвѣщенія; послѣдній учредилъ Типографію для размноженія познаній и утвержденія православія; собственное его сочиненіе — *Окружное увѣщаніе ко всѣмъ Волынскимъ и Литовскимъ церквамъ* и проч. во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ уваженіе; болѣе же всего оно важно, какъ смѣлый памятникъ борьбы мнѣній.

8. Но *Петръ Могила*, Кіевскій Митрополитъ, далеко превзошелъ ихъ всѣхъ, какъ въ подвигахъ просвѣщенія, такъ и въ борьбѣ благочестія: онъ преобразовалъ Кіевскую Академію;

(*) Разборъ сей рѣчи, написанный мною, былъ напечатанъ въ Сѣверной Пчелѣ. 1832 года NN 259 — 262.

набралъ въ нее людей, благопріятствующихъ Русской вѣрѣ; подъ его руководствомъ переведены и сочинены многія по разнымъ частямъ книги; самъ онъ сочинилъ *краткій Катихизисъ*; написалъ многія стихотворенія, силлабическимъ размѣромъ; но всѣ его сочиненія писаны Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ. Онъ, заключая ходъ ораторства сего періода, уже предъизображаетъ будущій.

Историческіе писатели.

Направленіе Историческихъ писателей въ семъ періодѣ было совершенно одинаково; и притомъ оно по свойству своему таково, что сей родъ сочиненій въ продолженіи всего періода не представляетъ совсѣмъ никакого хода къ усовершенствованію, никакого измѣненія; и ежели найдется какая либо разность между сочинителями; то она происходила отъ разности умственныхъ силъ и отъ степени безпристрастія или пристрастія писателей; и очень, очень мало отъ измѣненія духа и общихъ идей.

9. Образецъ всѣхъ сего рода сочиненій есть: *Лѣтописецъ Русскій или Временникъ, Нестора.* Ученѣйшій издатель Временника, Шлецеръ, говоритъ о семъ Лѣтописцѣ: »Русскіе, слѣдуя его примѣру, получили вкусъ

»къ чтенію и письму, и не теряли онаго даже »въ послѣдующіе смутные и дѣйствительно »опять въ варварство впавшіе вѣка.« — Вотъ точка, съ которой должно разсматривать сіе, истинно благодѣтельное для Исторіи нашей, Литературное явленіе; ибо въ слѣдъ за нимъ идетъ непрерывный рядъ Лѣтописцевъ — продолжателей. Лѣтопись сія дѣйствительно составляетъ начальный источникъ нашей Исторіи; ибо древнѣе оной мы не знаемъ ни одной. Слѣдовательно безъ Нестора вся древность Россіи была бы забыта; и можетъ быть не скоро бы родилась мысль о сохраненіи сего священнаго для насъ достоянія — памяти о первобытной Россіи; но за нимъ являлись безпрерывно умные подражатели; и Лѣтопись сію продолжали до позднѣйшихъ временъ. Несторъ далъ столь сильное движеніе Историческому духу, что оный въ послѣдствіи сдѣлался почти сильнѣе проповѣдническаго. Сей ученѣйшій своего времени монахъ увлекся впрочемъ современнымъ духомъ, и началъ свое сказаніе отъ потопныхъ временъ. Чтожъ касается до событій близкихъ къ его вѣку, то онъ съ большею разборчивостію собиралъ оныя; руководимый любовію къ отече-

ству, онъ умѣлъ по возможности сохранить безпристрастіе; знавъ хорошо Греческій языкъ, онъ пользовался Византійскими дѣеписателями; имѣвъ товарищемъ монашествующаго старца *Яна*, человѣка, съ умомъ наблюдательнымъ, и по долголѣтію своему бывшаго свидѣтелемъ княженія Ярославова, употреблялъ въ пользу разсказы и совѣты его. Тонъ разсказа у него совершенно Библейскій: тотъ же взглядъ на предзнаменованія; таже простота выраженій, тѣже повторенія, тотъ же языкъ. Всѣ продолжатели его старались сравняться съ нимъ; но немногіе успѣли приблизиться къ нему въ вѣрности содержанія и въ простодушіе изложенія. Несторъ довелъ свое повѣствованіе до 1111 года; —это, вѣроятно, время кончины его.

10. Между продолжителями особенную извѣстность заслужили *Василій* Священникъ, описавшій междоусобіе Князей западной Россіи и ослѣпленіе Василька — въ семъ сказаніи весьма замѣчателенъ разговоръ сочинителя съ симъ несчастнымъ слѣпцемъ; — и *Симеонъ*, Епископъ Суздальскій, который довелъ сію Лѣтопись до 1226 года. Онъ, сверхъ того, написалъ двѣ книги жизнеописаній Святыхъ Отцевъ, извѣстныя

подъ названіемъ *Кіевскаго Патерика*, и *Посланіе къ Поликарпу*, *Кіевскому* монаху, который, трудясь съ нимъ вмѣстѣ, сочинилъ третью книгу *Патерика*.

11. Хотя *Владиміръ Мономахъ* не былъ ни Историкъ ни Лѣтописецъ, но его *поученіе къ дѣтямъ* содержитъ множество превосходнаго матеріала для Исторіи. Карамзинъ говоритъ: »безъ сего завѣщанія, столь умно написаннаго, »мы не знали бы всей прекрасной души Владиміра. . . . .« Правда предсмертное выраженіе думъ человѣка болѣе всего обнаруживаетъ его душу; но мы изъ сего завѣщанія узнаемъ не *одну прекрасную душу* Владиміра; мы узнаемъ прекрасный духъ древняго Русскаго правленія; его простоту патріархальную, образъ жизни Князей, образъ мыслей Русскихъ XII вѣка: вникните напримѣръ въ эти слова: »путешествуя въ своихъ областяхъ, недавайте жителей въ обиду Княжескимъ отрокамъ; а гдѣ остановитесь, напойте, накормите хозяина. Всего же болѣе чтите гостя, и знаменитаго и простаго, и купца и посла; если не можете одарить его, то хотя брашкомъ и питіемъ удовольствуйте; ибо гости распускаютъ въ чу-

жихъ земляхъ и добрую и худую объ насъ славу. — Привѣтствуйте всякаго человѣка, когда идете мимо — любите женъ своихъ, но не давайте имъ надъ собою власти. — Все хорошее должно помнить; чего не знаете, тому учитесь. Отецъ мой, сидя дома, говорилъ пятью языками: за это хвалятъ насъ чужестранцы.« — Это говоритъ умирающій Государь будущимъ владѣтелямъ! Какое простое и поразительно истинное нравоученіе! Какія высокія мысли, какія благородныя чувствованія родятся при сей рѣчи! и какая жатва для нравописателя. И все сіе завѣщаніе преисполнено подобными мыслями.

12. *Кипріанъ*, Митрополитъ Кіевскій, Сербскій уроженецъ, современникъ Димитрія Донскаго, обогатилъ нашу Литературу разнородными переводами и собственными сочиненіями; онъ заслуживаетъ уваженіе и какъ покровитель просвѣщенія и какъ ученый писатель и какъ ораторъ, между прочимъ написавшій, за четыре дня до смерти, *прощальное слово*, которое по его завѣщанію, было произнесено надъ гробомъ его. Главная же его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ положилъ начало

степеннымъ книгамъ, заключающимъ въ себѣ Родословіе Князей, которое безъ сомнѣнія имѣетъ великую важность для Русской Исторіи. Въ Исторіи же Литературы сей Историческій памятникъ достоинъ особеннаго вниманія потому, что въ немъ сохранились многіе народныя вымыслы, мнѣнія о Князьяхъ и даже похвальныя слова имъ. Недостатокъ единства въ образѣ мыслей, въ порядкѣ и въ языкѣ сего сочиненія свидѣтельствуетъ о томъ, что это есть сборникъ преданій письменныхъ и изустныхъ, и притомъ произведенный трудами многихъ лицъ. Но сіи *книги* пополнены, исправлены и продолжены до Іоанна Васильевича Грознаго, подъ надзоромъ знаменитаго оратора, при Дворѣ сего Царя, *Макарія*, Митрополита Московскаго. Онъ на собственномъ иждивеніи составилъ общество ученыхъ, и, кромѣ Степенныхъ книгъ, съ помощію сихъ людей составилъ *Четіи Минеи* или житія Святыхъ, признанныхъ нашею церквію.

13. Князь *Курбскій* другъ и сподвижникъ Іоанна Грознаго въ счастливые годы царствованія его, потомъ изгнанникъ и врагъ сего Царя, изобразилъ рожденіе, воспитаніе и пяти-

десятилѣтнее правленіе сего Государя. Сіе произведеніе, равно какъ и переписка Курбскаго съ Грознымъ, обнаруживаютъ высокій умъ и глубокую ученость сочинителя. Исторія Іоанна Васильевича, сочиненная Княземъ А. М. Курбскимъ, особенно тѣмъ замѣчательна, что деяписатель очень хорошо изображаетъ переломъ характера, жизни и царствованія Іоанна. Слогъ Курбскаго можетъ почесться истинно образцевымъ. Послѣ того *Іовъ*, Патріархъ Россійскій, описалъ жизнь Царя Ѳеодора Іоанновича.

14. *Авраамій Палицынъ*, Келарь Троицкой Лавры, бывъ изъ главнѣйшихъ дѣйствователей во время освобожденія Россіи отъ Поляковъ и внутреннихъ крамолъ и распорядителемъ защиты Троицкаго Сергіева монастыря, весьма вѣрно и отчетисто изобразилъ сію ужасную годину.

15. Хронографъ *Серегья Кубагова* заключаетъ всемірную Исторію; а въ концѣ изображена Исторія Славянскаго языка и Русскаго народа, которая особенно отличается вѣрнымъ изображеніемъ характеровъ царскихъ.

16. *Никонъ*, Патріархъ Россійскій, снискавъ славную извѣстность въ гражданской и церков-

ной Исторіи, успѣлъ прославить себя и въ Литературѣ: онъ былъ покровителемъ просвѣщенія, славнымъ ораторомъ; переводилъ многія Историческія и Географическія сочиненія; и составилъ сводъ всѣхъ извѣстныхъ въ то время Лѣтописей, сличая оныя съ Греческими Хронографами. Сей трудъ доведенъ до 1630 года, и извѣстенъ подъ названіемъ *Никонова Списка.*

17. Къ сему роду Словесности принадлежатъ также нѣкоторыя описанія путешествій, которыя сообщаютъ намъ многія знанія о странахъ свѣта и нравахъ народовъ тѣхъ вѣковъ: первое изъ нихъ — *Паломникъ или хожденіе Даніила Игумна*, принадлежитъ началу XII столѣтія; второе — путешествіе купца *Трифона Коробейкина* съ товарищами въ Ерусалимъ, Египетъ и къ Синайской горѣ въ 1583 году; и третіе — записки *Афонасія Никитина* Тверскаго купца, бывшаго въ Индіи по торговымъ дѣламъ. Напрасно наши писатели укоряютъ ихъ въ недостаткѣ наблюдательности; всякій вѣкъ имѣетъ свою наблюдательность; наши древніе путешественники, въ простотѣ сердецъ одобряя или охуждая видѣнное, симъ

самимъ сказали много о нравахъ своего отечества.

Хотя въ началѣ сего періода древне-пиитическое направленіе было весьма сильно; такъ что оно, сохраняя въ пѣсняхъ и сказкахъ народныя преданія, замѣняло Исторію; но скоро сія послѣдняя, бывъ создана Несторомъ, сдѣлалась, какъ мы видѣли, почти господствующею отраслію Словесности. Вотъ почему народная поэзія здѣсь занимаетъ третіе мѣсто послѣ ораторства и Исторіи. Поэзія.

И такъ остатки языческихъ вѣрованій и мнѣній долго были источникомъ творчества; и пѣсни въ честь боговъ раздавались на народныхъ празднествахъ. А какъ празднества сіи все мало по малу измѣнялись, принимали другой характеръ, и скоро превратились въ простыя игрища, иногда не въ чествованіе, а въ осмѣяніе боговъ; то и самыя пѣсни языческія сначала пріостановились, а потомъ мало по малу принимали и въ сердцѣ и въ устахъ народа другое значеніе, и сдѣлались просто знакомъ веселости. Но паденіе сего рода пѣснопѣнія съ другой стороны умножило пѣсни и сказки богатырскія; ибо народъ, теряя миѳологію, возна-

граждалъ сіе лишеніе Исторической жизнію; и воображеніе прилѣплялось къ дѣйствительности, которая, — подъ вліяніемъ фантазіи, ищущей чудесности болѣе чувственной, земной, пластической, нежели Христіанская, дѣйствующая на разумъ и сердце совокупно, — принимала видъ грозной, величественной нелѣпости. Отсюда явились богатырскіе разсказы о временахъ Владиміра. Въ сказкахъ и пѣсняхъ сего времени высшій умъ и мудрость предоставляется людямъ облеченнымъ властію — Князьямъ; люди же, выходящіе изъ обыкновеннаго круга, мощные рѣшали все силою внѣшнею, которая не выходила изъ законовъ естества, а превышая оные, доходила до чудовищнаго, нелѣпаго; они часто лишаемы были ума даже обыкновеннаго, часто руководились совѣтами людей дряхлыхъ, слабосильныхъ, иногда юродиво-мудрыхъ; здѣсь рокъ не имѣлъ власти, не имѣлъ мѣста; рѣдко, по старому духу, вмѣшивались вѣщіе колдуны; таковы сказка: объ *Ильѣ Муромцѣ и Калечищѣ прохожемъ*, *объ Алешѣ Поповичѣ и Добрынѣ Никитичѣ*, *о дурачкѣ Незнайкѣ*, и т: п: Здѣсь выражается уваженіе къ властямъ и простая имъ преданность; здѣсь мы

видимъ, что геніальные выскочки человѣчества, трудятся, какъ работники, смѣло упираясь только на силы Физическія, не смѣя сознавать въ себѣ силъ умственныхъ, потому что онѣ принадлежатъ опытной дряхлости и кроткому духу, который въ Христіанскомъ смиреніи кажется *нищимъ* (духомъ). Но вмѣсто того человѣкъ здѣсь не слѣпое орудіе судьбы и даже неба — онъ дѣйствуетъ свободно самъ по себѣ; здѣсь небесное только позволяетъ земному, и блюдетъ оное; въ этомъ мы видимъ *Европейское — Западное;* а въ чувственномъ, въ чудовищной силѣ внѣшней — *Азіатское — Восточное;* въ самонадѣянной же простотѣ дѣйствій и жизни — нашу особенность. Вотъ признаки, по коимъ мы должны отличать внесенныя послѣ, чуждыя намъ сказки, каковы напримѣръ: о *Ерусланѣ Лазаревичѣ*, о *Жаръ птицѣ* и *сѣромъ Волкѣ*, о *золотой горѣ*, о *Бовѣ Королевичѣ* и т. п., въ которыхъ проглядываетъ или Азіатская судьба, или Европейское рыцарство, или Византійское соединеніе того и другаго. Безъ сомнѣнія эти свидѣтели старины много утратили, много измѣнились, а большая часть оныхъ совсѣмъ потерялась, или

приняла видъ новѣйшихъ произведеній. Въ последующія времена народъ обратилъ свое творчество на предметы ближайшіе къ нему; потому произошли сказки другаго рода: о дурочкахъ, Колдунахъ, Колдуньяхъ, о Кіевскихъ вѣдьмахъ; и въ этихъ видны слѣды того же народнаго духа; но въ позднѣйшія вѣка явились еще болѣе мелочныя сказочки, которыя дышатъ злою Сатирою, обращенною противъ духовнаго и господскаго сословій. Здѣсь часто замѣтна бываетъ грубая простота съ горькою желчною насмѣшливостію. И ежели вздумаемъ сличать всѣ три рода этихъ сказокъ и даже пѣсни богатырскія; то найдемъ во всѣхъ тѣже самыя начала съ частными уклоненіями, происшедшими отъ вліянія частностей областныхъ, характеровъ сочинителей и т. п.; послѣдніе впрочемъ рѣдко проглядываютъ изъ подъ общаго. О языкѣ сихъ произведеній можно сказать, что онѣ утратили свое первоначальное выраженіе отъ изустнаго перехода чрезъ вѣка отдаленные; даже поговорки и пословицы, которыми Русскіе обыкновенно любятъ приправлять свои разсказы, вѣроятно многія были прибавляемы послѣ, по мѣрѣ сообразности съ обстоятельствами, и

замѣнили собою тѣ изъ первоначальныхъ, которыя почитались неумѣстными по обстоятельствамъ, или казались непонятными. Отъ того часто одна и таже сказка въ разныхъ странахъ Россіи, удержавъ тѣже самыя идеи и начала, разсказывается различно.

Являлись однако въ тѣ времена и такія произведенія Поэзіи, которыя предполагаютъ въ своихъ творцахъ или ученое образованіе или истинный творческій геній, который безъ ученія правилъ сознаетъ въ себѣ законы изящнаго, или безъ сознанія выполняетъ оные; сіи-то произведенія можно назвать *народными эпическими поэмами.* До насъ дошло изъ таковыхъ только двѣ Историческія поэмы: *Слово о полку Игоря* и *Повѣсть о нашествіи Мамая.*

18. Когда отечество наше, раздираемое внутренними бранями, терпѣло и отъ внѣшнихъ враговъ безсильныхъ, но вѣчно бодрствующихъ для грабительства и расхищенія пограничныхъ областей Россіи; тогда являлись и вѣрные поборники славы Русской. Таковъ былъ юный Игорь, удѣльный Князь Новгорода Сѣверскаго, въ началѣ XII столѣтія. — Онъ, пылая **Слово о полку Игоря.**

славолюбіемъ, хошѣлъ оживишь вѣкъ богашырскій; собралъ подъ свои хоругви юныхъ удальцевъ-Князей съ ихъ дружинами, для испребленія безпокойныхъ Половцевъ. Игорь проникъ во внушренносшь земель непріяшельскихъ; и, увлеченный удачами и храбросшію, попадаешся въ плѣнъ. Вошъ содержаніе поэмы неизвѣсшнаго пѣвца, воодушевленнаго подвигами и несчасшіемъ защишника ошечесшва. По нѣкошорымъ Польскимъ словамъ, попадающимся въ сей поэмѣ, кришики, кажешся вѣрно заключающъ, чшо поэшъ былъ уроженецъ западной Россіи; впрочемъ эшо обсшояшельсшво для насъ не очень важно; мы должны заучашь въ сей поэмѣ силу и выразишельносшь нашего древняго языка; а еще болѣе заучишь подобныя мѣсша: »*Они* (воины) *подъ звукомъ трубъ повиты, на щитахъ возлелѣяны, концемъ копья вскормлены.*« — Какое ужасное изображеніе бѣдсшвій Россіи! »*Веселіе поникло, тоска обуяла умы; когда сырая земля костьми была постьяна и кровію полита; когда по всей Руси возрасла бѣда; тогда завяла трава отъ горя, посохли дерева отъ печали. — Вмѣсто сноповъ слали головы, молоти-*

ли цѣпами булатными, на токъ жизнь клали, и вѣяли души изъ тѣлъ. Тогда цѣлыя дружины сыновъ ея пріодѣты были крылами птицъ, и звѣри дубравные полизали кровь ихъ. Худо быть тѣлу безъ главы; пагубно быть народу безъ мудраго Князя.« Что могло заставить поэта изображать столь отчаянно-горестныя картины? — На это можетъ отвѣчать Исторія. Отъ чего поэтъ употребляетъ столь роскошныя Азіатскія формы выраженія? — Нѣтъ, это не подражаніе библейскому слогу! Это языкъ огорченнаго, растроганнаго поэта-генія; онъ высказалъ то, чего никакая подробная лѣтопись не скажетъ. И сколько поэзія похитила бы тайнъ у забвенія, ежели бы она на всѣ Историческія событія обращала свой ясный проницательный взоръ! Сколько слѣдовательно время похитило у насъ мыслей глубокихъ, поглотивъ произведенія древнихъ поэтовъ! И самый пѣвецъ Игоря говоритъ о какомъ то *Боянѣ, соловьѣ стараго времени*, который *сизымъ орломъ* несется надъ облаками, — *сѣрымъ волкомъ* по полю рыщетъ. Гдѣ творенія того, о комъ геніальный соперникъ такъ

говоришъ? они исчезли; а можешъ быть смиренно таятся рядомъ съ другими, заброшенными и забытыми, въ монастырскихъ архивахъ. Кажется, и изъ самой сей поэмы много утрачено; ибо въ ней недостаетъ цѣлости. Самыя лучшія мѣста въ ней по своей живописности и глубокости чувствованій: изображеніе войскъ Русскихъ, шествіе оныхъ и плачь Княгини Ярославны. Въ сихъ картинахъ предстоитъ предъ нами сама простота нашей старины во всей наготѣ. Въ сей поэмѣ встрѣчаются имена языческихъ боговъ, и даже обращенія къ нимъ съ мольбами. Языкъ оной есть народный; отъ церковно-славянскаго отличается и словами и формою. Въ ней нѣтъ правильныхъ стиховъ; однако все словотеченіе оной подобно тоническому стопосложенію.

Повѣсть о нашествіи Мамая.

19. Побѣда Димитрія Іоанновича надъ Мамаемъ, грозившимъ совершенно уничтожить самобытность Россіи, возбудила геній Софронія, Священника Рязанскаго; и онъ написалъ *Исторію или повѣсть о нашествіи безбожнаго Царя Мамая съ безчисленными Агаряны.* Судя по отрывкамъ, напечатаннымъ изъ сего произведенія, и извѣстнымъ въ рукописи можно полагать, что поэма сія составляетъ

весьма важное явленіе въ Литтературѣ нашей; она выражаетъ геніальныя черты своего творца; изображаетъ съ піитической стороны славную эпоху Россіи; свидѣтельствуетъ о чувствованіяхъ благодарныхъ Россіянъ къ освободителю. Здѣсь одно, по видимому маловажное, обстоятельство очень важно въ семъ послѣднемъ отношеніи: сочинитель былъ житель Рязани, всегда враждовавшей съ Московскими Князьями; слѣдовательно не мелкіе расчеты и своекорыстные виды, ни даже позволительное въ семъ случаѣ пристрастіе внушили пѣть поэту; нѣтъ, это былъ голосъ истиннаго вдохновенія, внушеннаго любовію къ отечеству и истиннымъ чувствомъ благодарности, которыя руководили его и въ составленіи, похвальнаго слова Донскому герою. Языкъ сего сочинителя, какъ въ сей поэмѣ, такъ и въ похвальномъ словѣ Димитрію, несравненно чище и яснѣе нежели у пѣвца Игорева; способъ выраженія, при необыкновенной простотѣ, живый, цвѣтущій и роскошный. Здѣсь идеи и формы Русскія. — Многіе современные намъ писатели спрашиваютъ критиковъ: въ чемъ же состоитъ Русская народность? — Прислушайтесь къ симъ древнимъ

поэтамъ, всмотритесь въ ихъ форму выраженія и вы найдете самый удовлетворительный отвѣтъ.

20. Къ сему періоду относятъ найденныя Карамзинымъ двѣ сказки: *Слово о нѣкоемъ купцѣ и сказаніе о Дракулѣ.* Хотя нельзя сказать, чтобъ они совсѣмъ не заслуживали вниманія; ибо и формы языка нашихъ предковъ много выскажутъ о ихъ духѣ; но смотря на сіи памятники Словесности съ точки, на которую мы себя поставили, найдемъ, судя по выпискамъ Карамзина, что въ нихъ мало чисто Русскаго, — ибо нѣтъ тѣхъ началъ, основныхъ идей, которыя отличаютъ все Русское отъ чужеземнаго.

Языкоученіе.

Наконецъ остается обозрѣть ученую Литературу сего періода. Скудость оной видна съ перваго взгляда; ибо сочиненія сего рода пишутся по большей части для извѣстнаго назначенія — для школъ; и такъ количество и степень совершенства сихъ послѣднихъ даетъ направленіе сего рода Литературѣ, которая въ свою очередь дѣйствуетъ обратно на успѣхъ

оныхъ (*). Но училища, учрежденныя Владиміромъ, были только первоначальныя и слишкомъ односторонніяо: чтеніе, главныя правила вѣры Христіанской и вѣроятно Греческій языкъ были предметами ученія; все это не требовало составленія новыхъ руководствъ. И притомъ эти учрежденія, кажется, во времена несчастій и паденія Кіева уничтожены; да и самый Кіевъ слишкомъ скоро былъ отторгнутъ отъ Россіи. Ярославъ учредилъ въ Новгородѣ училище весьма значительное, и вѣроятно оно приносило предполагаемые плоды; но съ истребленіемъ плевелъ въ сей славной республикѣ, кажется, истреблена и пшеница; а Историки, описывая подробно обезображенные трупы и разбитые латы, остававшіеся на полѣ сраженія, молчатъ о сихъ важныхъ обстоятельствахъ. Великія же предположенія Бориса не были приведены въ исполненіе. Посему во весь этотъ періодъ явились только двѣ учебныя книги, *Грамматики*, изъ коихъ одну — *Еллино-славянскую* — составили Львовскіе Студенты, въ

(*) Обозрѣніе Школъ и ученой Литтературы должно бы предшествовать всему; но въ семъ періодѣ онѣ слишкомъ маловажны; и потому занимаютъ послѣднее мѣсто.

исходѣ шестнадцатаго столѣтія, а другую — *Славянскую* — въ началѣ семнадцатаго, Смотрицкій, монахъ Стародуховскаго монастыря. Оба сіи опыты заслуживаютъ вниманіе нашихъ Грамматиковъ; Терминологія оныхъ почти вся удержана и доселѣ. Грамматика *Смотрицкаго* особенно замѣчательна въ отношеніи къ просодіи; при ней напечатаны разсужденія Максима Грека о пользѣ Грамматики, Риторики и Философіи. Въ одно время съ Студентами, Зизаній, извѣстный Богословъ, написалъ *Славянскую Азбуку*, съ краткимъ *Славяно-Русскимъ Словаремъ и правилами стопосложенія*; а — съ Смотрицкимъ—Берында составилъ обширный Лексиконъ *Славяно-Россійскій* съ объясненіемъ происхожденія именъ отъ Еврейскаго, Латинскаго и другихъ языковъ. Всѣ сіи опыты для насъ очень важны, какъ начало успѣховъ языко-ученія; всѣ они по обстоятельствамъ пріуготовляли уже переворотъ въ ходѣ языка и Литературы.

Законы. *Примѣчаніе*. Исторія Законодательства составляетъ особую отрасль знанія; и потому я не считаю нужнымъ здѣсь излагать духъ законовъ; тѣмъ болѣе, что и гражданская Исто-

рія изъясняетъ оные: гдѣ есть общество, устройство, тамъ есть и законы; слѣдовательно и Россія всегда имѣла ихъ. Но до Ярослава законы не были приведены въ порядокъ; онъ первый привелъ ихъ въ извѣстность, подъ именемъ *Русской правды*. Названіе сіе должно обратить на себя вниманіе Историковъ законодательства. Законы сіи, заключая въ себѣ много Скандинавскаго, не совсѣмъ были сообразны духу народа; и при томъ въ послѣдующей за тѣмъ Исторической жизни древней Россіи много было насильственнаго; по сему они мало по малу съ обстоятельствами измѣнялись. Они съ самаго начала были написаны языкомъ народнымъ; а съ измѣненіемъ сущности, измѣнялся и языкъ; отъ того вкрались въ Русскую правду Татарскія и другія чуждыя слова; чему много способствовали и переписчики и самые судьи, выражаясь для большей легкости языкомъ новѣйшимъ. Наконецъ законы сіи пополнены и во многомъ измѣнены *Стоглавомъ* и *Судебникомъ* Іоанна Васильевича Грознаго. Первый, какъ собраніе духовныхъ законовъ, написанъ языкомъ близкимъ къ Славянскому; а послѣдній, содержа гражданскіе законы, написанъ болѣе народнымъ языкомъ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

УЧЕНО-БОГОСЛОВСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ЛИТЕРАТУРЫ.

Общій взглядъ на сей періодъ.

Утомленная Самозванцами и безначаліемъ, Россія снова возстановила твердый образъ правленія; снова стала крѣпко во вратахъ востока и запада, грозно обозрѣвая отторгнутыя отъ нее области. Люди и народы едва успѣваютъ обезпечить себя, удалить опасности, и уже думаютъ о благосостояніи, благоденствіи; такъ и Россія, утвердивъ основаніе безопасности — правительство, — обратила вниманіе на главный источникъ благоденствія — просвѣщеніе: Государи и Патріархи ободряли и поощряли людей ученыхъ; — и мужи любознательные, просвѣщенные ученіемъ, начинали стекаться въ обновленную Россію, ища въ ней спокойствія и обезпеченія въ трудахъ ученыхъ. Одинъ изъ таковыхъ иноземцевъ, *Арсеній* Іеромонахъ основалъ при Патріаршемъ домѣ школу Греко-Латино-Славянскую еще въ концѣ минувшаго періода; по образцу оной въ послѣдствіи были устроены и другія школы при домахъ Архіерей-

скихъ и монастыряхъ. Всѣ сіи благодѣтельныя обстоятельства, водворившія у насъ просвѣщеніе, приготовили переворотъ Литературы. Хотя ученые, переселявшіеся въ Россію, были по большей части Славяне, и даже изъ странъ отторгнутыхъ отъ Россіи; но бывъ долго въ чуждой зависимости, получивъ Латинское образованіе, направленное Католицизмомъ, жители оныхъ областей приняли много чуждыхъ нравовъ, потеряли нравственную самобытность и утратили чистоту и особенность языка своего; ибо всѣ училища Бѣлорусскія и Малороссійскія находились подъ вліяніемъ Езуитовъ. Жажда къ просвѣщенію въ Россіи мало по малу увеличивалась; слѣдовательно располагала умы къ принятію знаній; а сія потребность духа заставляла призывать ученыхъ, — которые, видя въ Литвѣ и Малороссіи притѣсненія отъ Езуитовъ и Уніатовъ, и ласковый пріютъ въ Россіи, стремились сюда болѣе и болѣе. Наконецъ, въ половинѣ семнадцатаго вѣка, возвращеніе Малороссіи произвело рѣшительную причину, которая довершила переворотъ Литературы нашей; ибо съ тѣмъ вмѣстѣ Кіевская Академія и другія монастырскія училища перешли

во владѣнія Россіи. Отсюда многіе ученые мужи были вызваны въ Москву, которые безпрестанно утверждали власть наукъ надъ умами; и просвѣщеніе, бывъ доселѣ исключительно удѣломъ духовныхъ, начало распространяться и между свѣтскими людьми. Въ Москвѣ устроивались новыя школы — Академіи — по образцу Кіевской, учрежденной въ 1588 году и потомъ преобразованной Петромъ Могилой; еще подъ Польскимъ владычествомъ; многіе Архіереи при домахъ своихъ также заводили училища, въ коихъ начальствовали и учили люди образовавшіеся въ Кіевской, Львовской Академіяхъ и училищахъ Польскихъ. Число школъ безпрестанно увеличивалось: въ царствованіе Петра учредались народныя училища, духовныя Семинаріи и разнородныя военныя школы (Инженерная, Артиллерійская и Морская). Во всѣхъ сихъ заведеніяхъ преподавали ученіе по большей части воспитанники вышепомянутыхъ духовныхъ Академій, гдѣ Латинскій языкъ былъ главнымъ средствомъ, а Богословіе цѣлію учености. Такимъ образомъ повсюду распространялся духъ Латино-Богословскаго образованія. Писатели хотѣли щеголять сими знаніями; духъ проповѣд-

ничества все еще былъ господствующимъ въ Литтературѣ нашей, но онъ принялъ совершенно другое направленіе: явились новыя идеи и облекались въ новыя формы. Въ минувшемъ періодѣ церковно-учители и проповѣдники писали въ видѣ посланій объ утвержденіи Христіанства въ Россіи, и потомъ въ тѣхъ же посланіяхъ о внѣшнихъ расколахъ, о противоборствіи западной церкви; руководствовались въ сихъ посланіяхъ, подобно Апостоламъ, простымъ духомъ благочестія, выражались чистымъ Славянскимъ языкомъ, употребляя самые обыкновенные, разговорные обороты и приводя примѣры библейскіе; — теперь проповѣдничество обращено на внутреннія расколы, на просвѣщеніе ума и часто на водвореніе и утвержденіе гражданскихъ добродѣтелей; проповѣди писали для того, чтобъ произносить оныя въ храмахъ, предъ народомъ; слѣдовательно онѣ составляли точное ораторство — высшее развитіе слова; проповѣдники руководствовались школьными системами, подбирали мысли *по топическимъ мѣстамъ* и устроивали оныя по образцамъ Латинскимъ, выражаясь языкомъ смѣшаннымъ Славяно-Русско-Литовскимъ, приведеннымъ въ

Латинскія формы, представляя часто примѣры и свидѣтельства изъ писателей ученыхъ, классическихъ, часто языческихъ поэтовъ и ораторовъ. И такъ сей родъ сочиненій въ настоящемъ періодѣ много выигралъ противъ прошедшаго, относительно идей, правильности общей формы и самаго значенія, но много потерялъ въ частныхъ формахъ, въ слогѣ, языкѣ и частныхъ примѣненіяхъ къ цѣлямъ, а слѣдовательно и въ дѣйствіи на слушателей. Тогда ораторъ, какъ старшій другъ, изливалъ предъ слушателемъ свою душу со всею откровенностію, говорилъ языкомъ освященнымъ, понятнымъ; теперь — какъ важный учитель, разсуждалъ по правиламъ выученнымъ, для слушателя недоступнымъ, выражался языкомъ для него чуждымъ, не всегда понятнымъ. Были однакоже и такіе ораторы, которые, хотя вообще платили дань вѣку, и въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ растягивали свои рѣчи учеными доказательствами, но въ случаяхъ чрезвычайныхъ воспламенялись истиннымъ жаромъ краснорѣчія, и переливали свои чувствованія въ сердца слушателей.

Ораторы. 1. Между таковыми первое мѣсто, по вре-

мени, занимаетъ *Лазарь Барановичъ*, Архіепископъ Черниговскій и Новгородскій; онъ проповѣдничествовалъ еще до прибытія въ Москву; особенно же прославилъ себя убѣжденіемъ Запорожцевъ къ покорности Царю Алексѣю Михайловичу; жаль, что рѣчь, произнесенная на сей случай, — этотъ памятникъ политическаго краснорѣчія — не дошла до насъ. Онъ много писалъ на Польскомъ языкѣ въ защиту православія; а для утвержденія въономъ, притѣсняемыхъ подъ Польскимъ владычествомъ, Малороссіянъ говорилъ по церквамъ Проповѣди, краснорѣчивыя и наставительныя. Нѣкоторыя поучительныя слова онъ посвятилъ Царю Алексѣю Михайловичу. Стихотворенія его, въ честь и въ память сего Царя, сходствуютъ болѣе съ ораторствомъ, нежели съ Поэзіею; языкъ оныхъ весьма близокъ къ Бѣлорусскому нарѣчію, каковымъ написаны всѣ, дошедшія до насъ, его проповѣди.

2. Изъ современныхъ ему сочиненій другихъ писателей ораторовъ особенное вниманіе заслуживаетъ *Голосъ* въ защиту Патріарха *Никона*, поданный *Игнатіемъ* Борисоглѣбскимъ, Архимандритомъ. Сей Голосъ, какъ памятникъ судебнаго краснорѣчія, проявляетъ въ

сочинитель смѣлый духъ оратора, сильную волю, способную владѣть помыслами слушателей, знаніе своего великаго призванія. Но не всегда слушатели желають убѣжденія и дѣйствують по убѣжденію. Достойно замѣчанія, какъ сочинитель при твердой настойчивости соблюдаетъ форму подчиненности и смиренія предъ Соборомъ первосвятителей и Царемъ. *Привѣтственныя рѣчи* сего сочинителя, напечатанныя въ древней Россійской Вивліоѳики, также имѣютъ достоинства своего вѣка. Во всѣхъ его сочиненіяхъ одинъ недостатокъ — частое повтореніе мыслей.

3. Досель священнослужители въ Великороссіи по церквамъ не говорили своихъ Проповѣдей, а читали обыкновенно Поученія Святыхъ Отцевъ, ихъ житія, или, съ Патріаршаго и соборнаго одобренія, прежде-написанныя Проповѣди и Поученія духовными особами; но *Симеонъ Полоцкій*, прибывшій съ другими духовными особами изъ Бѣлоруссіи, послѣ возвращенія Кіева, Чернигова и Смоленска, первый началъ говорить Проповѣди свои наизусть, по благословенію Патріарха и утвержденію Царя. Сіе нововведеніе уже само по себѣ не могло быть не замѣчано современниками — не должно

быть забыто и потомством. — Оно имѣетъ непрерывный рядъ послѣдователей, стяжавшихъ въ семъ дѣлѣ славу; но еще важно и потому, что, сильно дѣйствуя на умы слушателей, и притомъ по необыкновенности не всегда въ свою пользу, заставляло его часто бесѣдовать и о семъ самомъ предметѣ: въ слѣдствіе сего онъ между прочимъ написалъ Поученіе о *благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ Божіемъ*. . . . Его два собранія Поученій подъ названіями: *Обѣдъ духовный* и *Вечеря духовная*, самымъ наименованіемъ показываютъ чувственность вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ ученую изысканность онаго. — Всѣ творенія Полоцкаго ясно свидѣтельствуютъ, что онъ имѣлъ сильный піитическій геній, порабощенный ученымъ насиліемъ и искуственнымъ назиданіемъ; и потому онѣ или сухи и холодны, или увлекательны творческими идеями и піитическими картинами, дѣйствующими на воображеніе, а не силою краснорѣчія, трогающаго сердце: усилія Полоцкаго писать чистымъ Русскимъ языкомъ вездѣ замѣтны; но оныя не увѣнчаны успѣхомъ, отъ долговременной привычки къ нарѣчію родины.

4. Внутренніе расколы вѣры, происшедшіе отъ грубой привязанности къ внѣшности, часто даже безобразной, и по поводу исправленія Библейскаго языка Патріархомъ *Никономъ* и другихъ улучшеній, сдѣланныхъ имъ, произвели многихъ защитниковъ истины; изъ нихъ славнѣе всѣхъ Св. *Димитрій* Ростовскій. Сей истинный Пастырь церкви силою своего краснорѣчія, растворяемаго тихими, но увлекательными бесѣдами, былъ точно хранителемъ правовѣрія: *Розыскъ*, написанный Св. *Димитріемъ* для обличенія всѣхъ нелѣпостей Брынскаго раскола, отличается необыкновеннымъ безпристрастіемъ и естественностію логическихъ выводовъ, облеченныхъ въ прекрасную форму; *Поучительныя слова* его соединяютъ въ себѣ высокія истины и простоту изложенія, по коей они для всякаго доступны и понятны. Начало Библейской Исторіи (*Лѣтопись келейная*) и *Четіи Минеи* не подлежатъ нашему суду. Языкъ его чисто Славянскій.

5. Тѣже самыя причины побудили *Стефана Яворскаго*, знаменитаго оратора и ученаго своего времени, Митрополита Рязанскаго, написать *Камень Вѣры* и проч. Сіе твореніе

Стефана исполнено новыхъ мыслей, ученыхъ соображеній, истиннаго убѣжденія. *Надгробное Слово* Боярину Шеину дало ему извѣстность, обратило на него вниманіе великаго Петра, и возвело его въ высокій санъ Митрополита и потомъ правителя Россійской церкви. Его Проповѣди замѣчательны силою чувствованій и высокими мыслями; но какъ онъ часто прибѣгалъ къ ученымъ пособіямъ, къ ссылкамъ на древнихъ классическихъ писателей, и говорилъ испорченнымъ языкомъ Славянскимъ, то для народа не всегда былъ убѣдителенъ, ибо не всегда былъ понятенъ.

6. Всѣ писатели обыкновенно отдаютъ первенство предъ прочими ораторами сего періода *Ѳеофану Прокоповичу*. Кажется сіе справедливое предпочтеніе происходитъ: во первыхъ отъ того, что сей Святитель, имѣя болѣе другихъ гибкости характера и современной свѣтской образованности, умѣлъ и въ дѣлахъ жизни и въ Поученіяхъ приспособляться къ обстоятельствамъ свѣта, сохраняя притомъ достоинство сана своего; во вторыхъ, онъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ и преобразованіяхъ великаго Петра, споспѣшествуя ему словомъ

церкви; въ третьихъ, его ученыя, Литературныя и другія занятія столь многочисленны, столь разнообразны, что удивляли всѣхъ современниковъ и удивляютъ насъ досель; въ четвертыхъ, рѣчи и Проповѣди его всегда наполняемы бывали мыслями взятыми съ обстоятельствъ самыхъ близкихъ, слѣдовательно близки были къ сердцу; наконецъ его *надгробное Слово* Петру также послужило основаніемъ таковаго предпочтенія предъ всѣми проповѣдниками. *Феофанъ*, бывъ повѣреннымъ Петра во всѣхъ его предначинаніяхъ и имѣвъ просвѣщенный умъ, понималъ его великія дѣла и намѣренія болѣе, нежели другіе сотрудники; ясно видѣлъ всѣ затрудненія, которыя должно было преодолѣвать, и провидѣлъ плоды дѣлъ сихъ; по сему талантъ сего Святителя, проникнутый геніемъ Царя, всегда воспламенялся жаромъ ревности къ просвѣщенію, когда онъ гналъ грубое невѣжество, упорное суевѣріе и слѣпоствующіе предразсудки. Когда же съ Петромъ вмѣстѣ умерли многіе его великіе помыслы; то ораторомъ овладѣла мысль грустная, тяжелая, подавляющая его душу: онъ, смотря на боготворимаго имъ Петра, по манію котораго не-

проходимыя тундры превращались въ грады, для котораго самый міръ былъ не совершенъ, и который уже обдумалъ и предначерталъ улучшеніе онаго, видитъ, что сей Творецъ царства разрушенъ въ прахъ; видитъ и не вѣритъ, страшится вѣрить сему чуду, — и съ грустнымъ чувствомъ вопрошаетъ: *До чесо мы дожили, о сынове Россійстіи? Что видимъ? — Что дѣлаемъ?* .... Это простое и самое естественное начало *Слова*, излившагося изъ души потрясенной необыкновеннымъ событіемъ, уже ручается за трогательность продолженія онаго. И въ самомъ дѣлѣ сіе слово, произнесенное *Ѳеофаномъ Прокоповичемъ* надъ гробомъ Петра Великаго, выражаетъ господствующую мысль писателя — ученаго оратора. Вся жизнь, всѣ необъятные труды его были устремлены къ тому, чтобъ содѣйствовать Царю преобразователю въ просвѣщеніи Русскаго народа; для сего онъ писалъ по части Богословія, Философіи, Исторіи, Правовѣдѣнія, Политики, Дидактики, Поэзіи, сочинялъ и говорилъ Проповѣди, похвальныя и надгробныя слова; — и теперь надъ гробомъ Великаго, хваля его дѣла, грустилъ, что онъ оста-

вилъ Россію, не успѣвъ выполнить всѣхъ намѣреній, направленныхъ къ просвѣщенію оной; грустилъ, что оставленные сотрудники Петра не могутъ быть столько полезны для Россіи, какъ бы то могло быть подъ руководствомъ мощнаго генія; и въ сей грусти излилъ всю свою душу со всѣми ея благородными помыслами и желаніями, со всѣми обширными знаніями, со всею прозорливостію; даже, не смотря на преобладаніе чувствованія скорби, внѣшнія свойства сего Слова были тѣже самыя, которыя замѣтны во всѣхъ его Словахъ и Рѣчахъ: таже правильность въ общемъ разположеніи, тоже удачное направленіе каждой части, каждаго выраженія къ общей цѣли; — такъ привыкъ онъ всегда согласовать свои дѣйствія и слова съ намѣреніемъ! Вотъ истинный ораторъ! — Вотъ на чемъ основаны успѣхи *Ѳеофана Прокоповича* предъ современниками! Прибавимъ къ тому счастливую наружность и искусное произношеніе, оживляемое чувствомъ. Онъ былъ во всемъ: въ Богословіи, въ Исторіи, въ Политикѣ, ораторъ — поборникъ просвѣщенія, врагъ невѣжества, и представитель своего ораторскаго вѣ-

ка, получившаго таковый характеръ отъ чрезмѣрной дѣятельности государственной; онъ затмилъ всѣхъ своихъ соперниковъ, между коими, кромѣ Яворскаго, особенно замѣчателенъ *Гавріилъ Бужинскій*, который впрочемъ былъ односторонніе и скуднѣе Прокоповича въ мысляхъ, но языкъ имѣлъ чище, ибо старался писать церковнославянскимъ нарѣчіемъ. *Ѳеофана* можно упрекать въ пренебреженіи къ языку; онъ не заботился не только о красотахъ и легкости, но даже о чистотѣ и опредѣлительности онаго; выраженіе его зависило отъ случая.

Хотя направленіе сего періода было совершенно ученое, то есть: вся Литература была, какъ слѣдствіе учености, искуственная; писатели, полагаясь на ученость, часто безъ таланта пускались на Литературное поприще; и хотя во многихъ родахъ знаній являлись писатели, которые положили довольно прочныя основанія своимъ наукамъ; однако языкоученіе ничего не преобрѣло въ сіе время; да и мало заботились о сей отрасли знаній. Въ самую эпоху, начавшую сей періодъ, ученое общество, не задолго предъ тѣмъ составленное Бояриномъ Ртищевымъ, трудилось надъ переводомъ на Языкоученіе.

Славянскій языкъ многихъ Византійскихъ духовныхъ и ученыхъ писателей. Нѣкто *Епифаній Славяницкій*, Іеромонахъ, членъ сего общества и учитель Патріаршей школы, кромѣ участія въ общемъ трудѣ, составилъ *полный Лексиконъ Греко-Славяно-Латинскій*, и *Филологическій* Лексиконъ, для объясненія темныхъ выраженій Священнаго писанія. Потомъ въ началѣ осмнадцатаго столѣтія составленъ Лексиконъ *Славяно-Греко-Латинскій*, и *сокращенна Славянская Грамматика* Смотрицкаго *Поликарповымъ*; послѣ того написана также *Славянская Грамматика* Иподіакономъ *Максимовымъ*; наконецъ *Тредьяковскій* написалъ: *Разговоръ между иностраннымъ человѣкомъ и Россійскимъ объ ортоеръфіи старинной и новой и о всемъ что принадлежитъ къ сей матеріи*, *Способъ Россійскаго стихосложенія*, и сочинилъ *Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ Россійскомъ стихосложеніи*. Слѣдовательно Русскіе все еще не имѣли Грамматики; и до Тредьяковскаго никто даже не обратилъ вниманія на самый языкъ Русскій: всякій писалъ какъ могъ и какъ хотѣлъ, или лучше

какъ случилось, не думая ни о правильности, ни о чистотѣ и опредѣлительности языка, и мѣшая Латинскіе, Польскіе и Славянскіе обороты съ Русскими разныхъ нарѣчій. Тредьяковскій же хотя и предлагалъ много очень дѣльныхъ правилъ относительно правописанія и особенно о стихосложеніи; но какъ сіи правила были изложены отдѣльно безъ системы, не въ наукѣ; и какъ самъ онъ не имѣлъ не только творческаго генія, но и увлекательнаго таланта; то и голосъ его не былъ услышанъ; ибо образцы его стихо творства не имѣли да и не могли имѣть ни подражателей, ни послѣдователей. А остальныя части Грамматики и симъ трудолюбивымъ писателемъ были упущены изъ виду; произволомъ, небрежностію и незнаніемъ писателей безпрестанно искажались въ употребленіи языка.

Исторія.

Лѣтопись начала въ сіе время принимать видъ Исторіи. — Конечно сія послѣдняя не можетъ быть слѣдствіемъ одной только учености, не можетъ явиться тамъ, гдѣ нѣтъ образованія и просвѣщенія; она предполагаетъ критическій сводъ знаній; но въ тѣ вѣка она вездѣ еще не отличалась отъ свода Лѣтописей; а посему напрасно мы будемъ взыскательны къ

Историкамъ того вѣка; они правы уже, ежели умышленно не вводили насъ въ заблужденіе. Географическія познанія о Россіи ограничивались только картою, составленною при Борисѣ; а теперь явилась самая Географія въ видѣ связнаго описанія.

7. *Иннокентій Гизель*, Кіевопечерскій Архимандритъ, бывъ во всю жизнь свою насадителемъ просвѣщенія, и въ качествѣ ректора Кіевскихъ училищъ, чувствуя недостатокъ въ руководствахъ, составилъ краткую Исторію Россіи до Царя *Θеодора Алексѣевича*, подъ названіемъ *Синопсисъ*. . . . Въ сей книгѣ конечно нѣтъ нималѣйшаго критическаго разсмотрѣнія происшествій; она начата Мосохомъ внукомъ *Ноя*, и событіямъ необычайнымъ неестественнымъ всегда давала предпочтеніе предъ естественными; — однако она долго употреблялась во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ; — она написана языкомъ Славянскимъ съ нѣкоторою примѣсью другихъ нарѣчій; способъ изложенія въ ней библейскій.

8. *Ядро Россійской Исторіи отъ древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго* написано *Княземъ Хильковымъ*, который, бывъ посланникомъ Петра при Шведскомъ Дво-

рѣ, внезапно заключенъ въ темницу. Сидя въ заключеніи, онъ сочинилъ эту Исторію. Самыя обстоятельства показываютъ, что произведеніе сіе не можетъ имѣть много достоинствъ; ибо сочинитель былъ лишенъ возможности пользоваться источниками, доставляющими матеріалъ Исторіи; и притомъ разсказъ его слишкомъ пристрастенъ. Исторія Литературы должна однако помнить оное, какъ потому, что оно долго служило руководствомъ въ школахъ, такъ и потому, что свидѣтельствуетъ о распространеніи любви къ знаніямъ и въ высшемъ званіи людей. Языкъ ядра Россійской Исторіи имѣетъ всѣ недостатки своего вѣка.

9. Но далѣе всѣхъ подвинулъ Исторію въ семъ періодѣ *Татищевъ*. Сей трудолюбивый, ученый мужъ, проходя съ честію разные роды службъ, былъ приглашенъ Графомъ Брюсомъ къ составленію *полной Россійской Географіи*. Занимаясь съ Брюсомъ столь многотруднымъ дѣломъ, Татищевъ видѣлъ, что въ ономъ часто бываютъ необходимы пособія Исторіи; — отсюда родилась у него мысль свершить важное дѣло; по сему онъ ѣздилъ по монастырямъ, собиралъ Лѣтописи, прислушивался къ народнымъ

преданіямъ, и, въ продолженіи тридцати лѣтъ, составилъ *Исторію Россійскую отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ.* Къ чести сочинителя надобно замѣтить, что извѣстный ученостію Россійскій Исторіографъ, Миллеръ, издавая оную по самому неисправному, испорченному списку, признавалъ въ ней много достоинствъ; самый Шлецеръ, отвергая повѣствованіе о Скиѳахъ и Сарматахъ и не признавая Іоакимовой Лѣтописи, удостоилъ оную похвалы. Конечно по нашему образу мыслей это не Исторія, а сводъ Лѣтописей; но для вѣрности сужденія о произведеніяхъ Словесности въ Исторіи оной должно принимать въ уваженіе обстоятельства сочинителя: въ наше время всѣ спѣшатъ на помощь Историкамъ, открывая имъ Архивы и книгохранилища; а тогда Исторія почиталась Государственною тайной; Историкъ долженъ былъ преодолѣть общіе предразсудки, невѣжество, злоумышленное своекорыстіе, которое не упускало случая обманывать подложными матеріалами. И посему въ уваженіе столь трудной борьбы, въ уваженіе того, что Татищевъ первый старался освѣтить критикою матеріалы нашей Исторіи, въ уваженіе того, что современные

ему Историки других Государствъ, имѣвшихъ уже притязаніе на образованность и ученость, не далеко ушли отъ него въ очищеніи Исторической истины, и выигрываютъ передъ нимъ только красотою формъ Исторіи, хотя они шли уже по проложеннымъ путямъ, а нашъ Историкъ первый прокладывалъ дорогу; — въ уваженіе всего этого должно почтить память сего трудолюбиваго и просвѣщеннаго мужа. Карамзинъ упрекаетъ его въ умышленномъ обманѣ Іоакимовою Лѣтописью; но Татищевъ писалъ не для прибыли, даже не для того, чтобъ удивлять современниковъ; ибо онъ зналъ, что сія Исторія долго будетъ скрываема, какъ тайна; — слѣдовательно трудясь для себя, въ угодность внутреннему побужденію, могъ ли онъ выдумывать лѣтописи, обманывать самаго себя? Любовь его къ отечественной Исторіи есть лучшее опроверженіе таковаго обвиненія. — Онъ, кромѣ *Географіи* и *Исторіи*, составилъ *Атласъ* Сибири; *Лексиконъ Россійскій Историческій, Политическій* и *Гражданскій* довелъ до буквы *Л*; объяснялъ *Русскую правду* и *Судебникъ*; собралъ множество матеріала для сихъ предметовъ; но къ сожалѣнію почти все это

истреблено пожаромъ и даже подлинная рукопись Исторiи. Онъ для отечественной Исторiи не щадилъ ни трудовъ ни имущества и заслуживаетъ наше уваженiе.

10. Какъ отечественная, такъ и общая Исторiя много обязана трудамъ: *Грибоедова*, *Матвѣева*, мужа извѣстнаго Государственными доблестями, *Есипова*, *Золоторева*, *Гаврiила Бужинскаго*, *Никодима Селлiя* и *Тредьяковскаго*, который, кромѣ *Турецкой* и *Татарской* Исторiй, два раза перевелъ тридцать томовъ Роллеля. Всѣ они трудились съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ въ семъ родѣ знанiй. Сверхъ того въ сiе время много способствовали къ распространенiю Географическихъ познанiй: Сибирскiй воевода *Байковъ*, Казакъ *Петлинъ*, Лифляндскiй Пасторъ *Гликъ*, *Григоровичъ*; болѣе же всѣхъ замѣчателенъ Профессоръ Академiи Наукъ *Крашенинниковъ*, оставившiй намъ *описанiе Камчатки*, которое весьма важно и въ Этнографическомъ отношенiи.

Поэзiя. Была ли подавлена тяжестiю обстоятельствъ народная Поэзiя? истребила ли горестная существенность пiитическую силу въ

народѣ? или холодная ученость, занятая собою, не замѣчала сей простой дщери природы? Но только въ продолженіе сего періода извѣстенъ лишь одинъ народный поэтъ, Малороссійскій Козакъ, *Климовскій*, который произвелъ нѣсколько пѣсенъ и поэму: *о правдѣ и великодушіи благодѣтелей;* да и тотъ пѣлъ не по однимъ внушеніямъ природы; ибо Силлабическое стопосложеніе показываетъ подражательность сей Поэмы другимъ искуственнымъ произведеніямъ. Въ замѣнъ сей важной утраты явилось у насъ *піитическое искуство*, которое конечно не имѣло еще изящества, и свидѣтельствуетъ только объ усиліи, стремленіи къ изящному. Въ ходѣ сего рода Литературы болѣе, нежели въ чемъ либо другомъ, замѣтно наше подражательное, насильственное образованіе; ибо у насъ Поэзія, какъ искуство, является не въ пѣсняхъ и гимнахъ или одахъ, исторгнутыхъ изъ души пѣвцевъ современными событіями; а въ какомъ то особомъ родѣ похвальныхъ поэмъ, и въ драмахъ.

11. Первые опыты искуственной Поэзіи явилъ у насъ *Симеонъ Полоцкій*; онъ написалъ цѣлую книгу, въ похвалу Царю Алексѣю

Михайловичу, подъ названіемъ: *Орелъ Россійскій, въ солнцѣ представленный.* Библейскія драмы, написанныя Полоцкимъ, играны бывали у *Царевны Софіи*, которая участвуя въ сихъ благородныхъ, изящныхъ забавахъ, сама сочиняла Трагедіи. О произведеніяхъ ея издатель Пантеона Россійскихъ Авторовъ между прочимъ говоритъ: »мы читали въ рукописи одну изъ ея Драмъ, и думаемъ, что царевна могла бы сравниться съ лучшими писательницами всѣхъ временъ, если бы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ.« — Но отъ кого въ то время она могла получить сію принадлежность позднѣйшего времени? — О Драмахъ Полоцкаго мы не можемъ судить, потому что онѣ доселѣ не напечатаны; прочія же его піитическія произведенія свидѣтельствуютъ о его сильномъ талантѣ, отъ котораго можнобъ было ожидать много, ежели бъ ему суждено было родиться въ болѣе счастливое время. Преложенная имъ въ силлабическіе стихи, *Псалтирь* также говоритъ въ пользу его таланта и трудолюбія.

Царевна *Софія*, любя Литературу, была также и предметомъ вдохновенія поэтовъ. *Сильвестръ Медвѣдевъ*, ученикъ Полоцкаго,

потомъ Настоятель Заиконоспаскаго монастыря, поднесъ ей *эпистолу*, исполненную пінтическихъ красотъ. Онъ также извѣстенъ по стихотвореніямъ въ честь Царя *Θеодора Алексѣевича*, и въ память его: 1) *Брачное привѣтствіе* . . . 2) *Плачь и утѣшеніе Россіи по кончинѣ Царя Θ: А.*

Мы видѣли, что первый *драматическій* писатель въ Россіи былъ *Іеромонахъ*; слѣдовательно принадлежалъ такому сословію, которое у насъ совершенно отчуждено свѣтскихъ удовольствій, доставляемыхъ драматическими играми - зрѣлищами. Конечно съ перваго взгляда это для многихъ можетъ показаться страннымъ; но еще болѣе будетъ удивлять ихъ то, что въ семъ періодѣ лучшимъ писателемъ сего рода сочиненій былъ *Св. Димитрій Ростовскій*, истинный образецъ добродѣтелей гражданскихъ и Христіанскаго благочестія, и благоразумно - ревностный защитникъ правовѣрія; что театръ нашъ первоначально родился въ домахъ Архіерейскихъ. Какъ же согласить такое противурѣчіе? И отъ чего это произошло? — Всѣ важнѣйшія духовныя мѣста были въ то время заняты питомцами Кіевской Ака-

деміи; сей же первоначальный разсадникъ просвѣщенія въ Россіи долго находился подъ вліяніемъ Польскихъ Католиковъ и Уніатовъ, которые, по примѣру Римскаго духовенства, любили и доселѣ любятъ самому Богослуженію придавать видъ драматическихъ представленій, украшая оное декораціями — картинами. Таковыя чувственныя представленія праздниствъ родили мысль о другихъ представленіяхъ болѣе живыхъ, болѣе ощутительныхъ, которыя изображаютъ дѣйствіе съ предшествовавшими случаями — повторяютъ въ живой существенности событіе, существовавшее только въ воспоминаніи. Сначала представляли такимъ образомъ библейскія произшествія, позволяя представляющимъ лицамъ только повторять слова дѣйствительныхъ лицъ, сохраненныя Св: писаніемъ; потомъ осмѣлились пополнять и округлять разговоръ, наклоняя оный къ одной цѣли — къ развитію нравственной стороны дѣйствія. Такъ *чувственное* представленіе священныхъ *истинъ* удовлетворяло *благочестивымъ нравамъ*; такъ разумъ по естественному стремленію согласовалъ, пополнялъ и округлялъ ходъ представленій; зритель желалъ легкихъ, ясныхъ изображеній; сво-

бодныя помыслы его парили выспрь; — но все сіе подчинялось святости содержанія, законамъ откровенія, проявлявшаго волю небесную, условіямъ формъ, выражающимъ положительное нравоученіе; — прибавимъ къ тому пренебреженіе или незнаніе внѣшнихъ красотъ; — и драма остается только изображеніемъ библейской существенности въ вымышленныхъ формахъ, во многихъ отношеніяхъ также опредѣленныхъ условіями *высшими*, непреложными, священными. Въ такомъ видѣ драма перешла къ намъ съ ученымъ духовенствомъ, прибывшимъ около половины семнадцатаго столѣтія изъ Малороссіи и Бѣлоруссіи. И посему Св: *Димитрій Ростовскій* не только не считалъ предосудительнымъ дѣломъ въ молодости сочинять трагедіи и комедіи; но даже въ послѣдніе годы жизни любилъ смотрѣть представленіе оныхъ при своемъ домѣ. — Драмы Св. *Димитрія*, равно какъ и другихъ его современниковъ, всѣ библейскаго содержанія, какъ напримѣръ: *Воскресеніе Христово*, *Эсфирь* и *Агаоферна* и проч. — Сія послѣдняя представляема была и на придворномъ театрѣ, въ великій постъ, при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, а *Кающійся грѣ-*

шным былъ представляемъ и въ другія времена. Въ семъ періодѣ все еще не было у насъ Русскаго Театра; а Италіанская и Нѣмецкая труппы, прибывшія въ Россію — первая 1730, а вторая въ 1738 годахъ, — отступивъ отъ первоначальной библейской простоты, которая тѣсно соединена съ священными воспоминаніями, и не доведя своихъ представленій до изящества, превратили оныя въ общественныя или придворныя *забавы*. Эти обстоятельства отдѣлили театръ отъ духовенства. Святый *Димитрій* также сочинялъ духовныя *пѣсни*, которыя дышатъ сильнымъ чувствованіемъ благочестія и выразительностію Славянскаго языка.

12. Въ концѣ сего періода одна трагедія была *составлена* по всѣмъ правиламъ классиковъ, которая однако не только не трогаетъ, не ужасаетъ и не возноситъ духа, но смѣшитъ всѣмъ: и правильнымъ классическимъ ходомъ, и мелочною высокостію характеровъ, и неправильностію языка, и странною нечистотою выраженій. Это *Деидамія Тредьяковскаго!* Таковъ онъ во всѣхъ своихъ піитическихъ произведеніяхъ! Но должно уважить его трудолю-

біе; онъ поэтъ по неволѣ; онъ хотѣлъ дать правила нашей Словесности, которыя во многомъ достойны уваженія, и которыя потомъ введены позднѣйшими писателями; для сего нужны образцы, примѣры; онъ, принявъ свою ученость за талантъ, желаніе за вдохновеніе, написалъ и образцы. Но безъ таланта не достигъ цѣли.

13. Между прочимъ изрѣдка являлись таланты — поэты, которые, трогаясь обстоятельствами современными то частными, то общими народными, пѣли оныя. Такимъ образомъ Казакъ *Кирилъ Даниловъ* сочинилъ на многіе случаи свои стихотворенія и собралъ нѣсколько таковыхъ же пѣснопѣній другихъ неизвѣстныхъ сочинителей. Въ ряду подобныхъ поэтовъ можетъ занять лучшее мѣсто Діаконъ Московскаго Успенскаго Собора, Петръ *Буслаевъ*. Онъ, бывъ свидѣтелемъ благотворительности и другихъ добродѣтелей и достоинствъ Баронессы Строгоновой и тронутый ея смертію, написалъ поэму: *Умозрительство духовное* . . . . Сіе произведеніе показываетъ торжество истиннаго таланта надъ грубостію вѣка.

Сатира и Кантемиръ.

Петръ далъ новую форму своему народу; не многимъ успѣлъ вдохнуть исполинскія идеи преобразованія; но не могъ дать обществу и каждому члену онаго своего образа мыслей, не могъ заставить ихъ думать и чувствовать по Европейски, не могъ вмѣстѣ съ бородами отнять вѣковыхъ народныхъ предразсудковъ и съ новымъ платьемъ ввести новую Философію. Да и самъ онъ не походилъ ли на величайшаго могущественнаго исполина, который, проходя многія страны свѣта, собиралъ всѣ сокровища оныхъ для обогащенія своихъ наслѣдниковъ, — и по необъятности своихъ силъ не чувствовалъ, что собранное имъ бремя не можетъ быть подъято никѣмъ другимъ? Такъ! геній Петра былъ способенъ всю громаду знаній Европейскихъ свести въ одну мысль. Все лишнее, странное, мелочное утопало въ этой великой исполинской мысли. Когда же она раздробилась на цѣлый народъ, когда всякій хваталъ то, что пришлось; тогда вышелъ чудный хаосъ мнѣній, привычекъ, заблужденій и предразсудковъ; тогда самыя знанія превращались въ предразсудки, Философія принимала видъ суевѣрія, — истина становилась рядомъ съ заблужденіемъ, грубая

назойливость выдавала себя за ловкость, надутая спѣсь хотѣла казаться важностію — таковымъ на первый разъ явился, новосозданный Петромъ, міръ; это иначе и быть не могло; ибо все внѣшнее принимается скоро; все умственное, нравственное требуетъ медленнаго усвоенія — перерожденія. Въ сію то, неустроившуюся и, такъ сказать, еще бродящую, общественность судьба поставила юнаго Кантемира, одареннаго умомъ острымъ, наблюдательнымъ, возвышеннымъ, и получившаго Европейское образованіе. Смотря на безнравственность, гнѣздившуюся подъ Эгидою просвѣщенія, онъ возмущался негодованіемъ; нравственное безсиліе, не сознававшее своей слабости, приводило духъ его въ веселое расположеніе; и — онъ произвелъ *Сатиру*, которая необходимо требуетъ стеченія двухъ показанныхъ условій — неустройства (или разстройства) нравовъ и просвѣщеннаго остроумія. А сіе случайное, но весьма удачное для Сатиры, стеченіе было причиною того, что она у насъ, при самомъ рожденіи своемъ, столь совершенна, что со стороны идей и общихъ формъ, или способовъ изображать нравы, всегда можетъ почесться образцовою.

Изображаетъ ли онъ нравы просто въ описаніи? — кажется, видишь картину самой отчетливой живописи; разсуждаетъ ли о нравахъ? — онъ выливаетъ свою, мечтательно - Философствующую, добрую душу, принимающую участіе въ судьбѣ человѣчества. Приводитъ ли онъ свои мысли въ драматическую форму, заставляя мыслить, говорить и дѣйствовать лица? — переселяетъ читателя въ свой вѣкъ. Говорятъ, онъ подрожалъ Ювеналу и Горацію. Да, онъ читалъ, изучалъ сихъ великихъ карателей безнравственности и слабодушія; и, руководясь ихъ духомъ, смотрѣлъ на возникающую предъ нимъ общественную жизнь; изображалъ оную свойственными ей красками, такъ какъ они изображали нравы Рима: вотъ въ чемъ состоитъ его подражаніе. Но сходствуютъ ли его картины съ изображеніями древнихъ Сатириковъ? — Столь же много сходствуютъ, какъ и нравы Россіянъ съ нравами Римлянъ. Сатиры Кантемира такъ хорошо знакомятъ насъ съ его вѣкомъ, что никакое описаніе внѣшней жизни не можетъ намъ дать столь вѣрнаго понятія о нравственномъ состояніи онаго. Онъ создалъ доселѣ не бывалый у насъ родъ Поэзіи, давъ ему

видъ изящнаго искусшва и не лишая онаго народносши; напрошивъ онъ извлекъ свою Поэзію изъ духа народнаго, передалъ намъ сей самый духъ въ созданной имъ формѣ. Каншемиръ, кромѣ шого, много въ другихъ родахъ писалъ и переводилъ изъ древнихъ и новыхъ знаменишыхъ писашелей. Онъ забошился объ очищеніи языка, сшарался сошворишь новую Лишерашуру, какъ бы предчувсшвуя скоросшь славной эпохи; но недосшашокъ ли шворческаго геніа, крашковременносшь ли жизни, шяжесшь ли Государсшвенной службы, или всѣ сіи причины, при разсшройсшвѣ здоровья, не позволили ему совершишь сего дѣла? И онъ, доказавъ любовь и приверженносшь къ языку и Лишерашурѣ новаго своего ошечесшва неусыпными шрудами въ воздѣлываніи шого и другаго, осшавилъ убѣдишельный примѣръ, чшо немногіе счасшливцы геніи способны къ преобразованіямъ. Судьба и природа, какъ бы скупясь или зашрудняясь производишь сихъ геніевъ, всегда пробуюшъ; и предъ появленіемъ великихъ преобразовашелей впускаюшъ въ міръ людей менѣе сильныхъ, кошорые должны сшремишься къ шой же цѣли и пріугошовляшь умы къ приняшію новыхъ идей.

Кантемиръ стремился къ преобразованію; это ясно доказываютъ всѣ его Литературные труды, между коими важное мѣсто занимаетъ письмо о Русскомъ стихосложеніи, изданное подъ вымышленнымъ именемъ: *Харитонъ Макентинъ*. Менѣе всего ему послушенъ былъ языкъ, который сохранилъ туже нечистоту и тяжесть, какъ и у всѣхъ его современниковъ. — Такъ совершился сей періодъ! никто не могъ предвидѣть, откуда явится человѣкъ, который пресѣчетъ нить онаго; никто не подозрѣвалъ, что свѣтлый лучъ озаритъ нашу Литературу отъ хладнаго сѣвера.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КЛАССИЧЕССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Общій характеръ сего періода.

Размноженіе училищъ увеличивало число писателей и умножило читателей; а читать было нечего; потому что большая часть произведеній минувшаго періода была не для свѣтскихъ людей, ищущихъ въ чтеніи *пріятнаго*

препровожденія времени, легкаго занятія, и пищи *для* мечтательности; ораторскія сочиненія, во первыхъ, всегда болѣе или менѣе приличны извѣстнымъ, даннымъ, обстоятельствамъ и занимательны только въ сихъ обстоятельствахъ; во вторыхъ, они безпрестанно возвышаютъ душу, и тѣмъ самымъ утомляютъ ее; и притомъ врожденные человѣку духъ критики и чувство изящнаго, пробужденные наукою, хотя еще не сознавали законовъ красоты, но уже замѣчали недостатокъ оной, оскорбляясь грубостію формъ и школьною тяжестію. Читатели уважали сочинителей за ихъ знанія, за доставленное на время удовольствіе, за оказанную услугу утвержденіемъ первыхъ ступеней просвѣщенія; но скучали при вторичномъ чтеніи ихъ, подобно школьникамъ при повтореніи уроковъ; сочиненія же болѣе легкія и близкія къ начинающему учиться, обществу не были печатаемы. Всѣ чувствовали затрудненіе, но никто не могъ оное устранить; чего то искали но не могли найдти; всѣ видѣли тяжесть, грубость, засоренность, смѣшенность, неопредѣлительность и испорченность языка; а никто не могъ, не смотря на всѣ усилія, ни исправить,

ни даже избѣжать сихъ уклоненій. И такъ взыскательность читателей, по мѣрѣ очищенія вкуса и распространенія знаній, быстро увеличивалась; а Литература пребывала почти неизмѣнна; слѣдовательно она уже не могла удовлетворять требованіямъ новымъ. По сему видно, что читающее общество было готово къ принятію преобразованія; да и самая историческая судьба, какъ мы уже видѣли, пыталась произвести преобразователя: — все вызывало геніл, способнаго сотворить для новаго, приходящаго уже въ устройство, *Петрова міра* новую Литературу! Онъ явился въ *Ломоносовѣ*; — и нетщетно прошелъ поприще жизни! онъ создалъ Литературу нашу. Какъ? неужели Литература Ломоносова выражаетъ нашъ характеръ, нашу народность? она выражаетъ духъ вѣка, частную дѣятельность ума, желавшаго отдѣлиться отъ современной жизни, воскресить древній міръ съ его бытомъ, выражаетъ необходимое торжество школьной мудрости, — науки, которая первоначально должна была утвердиться между немногими, дабы переродившись по понятіямъ изображающимъ новый міръ, новую существенность, дѣятельность,

жизнь, со временемъ разлилась на всѣхъ, сдѣлалась всеобщимъ практическимъ знаніемъ. Таковъ ходъ просвѣщенія и Литтературы былъ вездѣ, во всей новой Европѣ; ибо опыты и знанія древняго міра должны были перейти въ новый, какъ оныя переходятъ съ жизнію отъ одного поколѣнія къ другому, какъ отъ предшествовавшаго возраста къ послѣдующему. Но перерожденіе міра, или переходъ онаго отъ юности съ паденіемъ Рима, былъ сопутствуемъ ужаснымъ, лихорадочно болѣзненнымъ потрясеніемъ и самозабвеніемъ; — отъ того и древнія знанія забыты, утрачены для новыхъ народовъ; они сохранились только въ Литтературѣ, въ книгахъ; и потому должны были переходить необыкновенными путями, книжнымъ способомъ; должны быть изучены и перерождены. Кромѣ того, мы отстали и отъ новаго міра; и потому при желаніи сравняться съ онымъ и при поспѣшности въ семъ дѣлѣ, должны были пока подражать. По сей причинѣ и Литтература наша, кромѣ общей классической подражательности, должна была имѣть особенную подражательность западно-Европейскую.

Пламенная душа Петра желала быстраго

перерожденія Россіи; онъ хотѣлъ, чтобъ *Русь подъ его* исполинскою мощною *рукою* приняла новый видъ. Для сего онъ вызывалъ ученыхъ, кромѣ Кіевскихъ питомцевъ, изъ западной Европы; а сіи, и по духу классическаго ученія и по незнанію Русскаго языка, не могли дѣйствовать на образованіе народа; и сообщали свои знанія только избраннымъ. А какъ ученіе совершалось на языкахъ чуждыхъ; — то и самые Русскіе новоученые не могли разпространять просвѣщеніе въ народѣ, не могли съ нимъ сближаться; ибо новопріобрѣтенныя понятія, срослись въ умѣ ихъ съ иноязычными словами, были недоступны, и, по странности звуковъ, казались дики для простолюдина. Всего болѣе можно бъ было ожидать насажденія въ народѣ ученыхъ знаній и усвоенія оныхъ въ общежитіи отъ духовныхъ, какъ потому, что сіи лица, будучи всегда близки къ простонародію, знали его языкъ, его духъ, наклонности, весь бытъ, такъ и потому, что пользовались душевною властію и довѣренностію; но и сіе, важное и близкое къ народу и властямъ, сословіе не могло имъ служить своими знаніями; поелику въ духовныхъ училищахъ всѣ науки читались на Ла-

шинскомъ языкѣ. По симъ причинамъ просвѣщеніе въ Россіи содѣлалось достояніемъ частнымъ, немногихъ людей, и даже не могло переходить отъ отцевъ къ дѣтямъ посредствомъ повседневнаго обращенія; оно совершенно испортило языкъ; и отдалило простой народъ отъ другихъ сословій такъ много, что народъ совсѣмъ не зналъ того, что дѣлалось въ ученыхъ кастахъ, — что тамъ производилъ умъ и выражало слово; а сіи не думали замѣчать дѣйствій и жизни простаго народа. Вотъ почему Исторія нашей Литтературы совсѣмъ молчитъ о народной Словесности сего періода, и говоритъ только о словесномъ искусствѣ, въ которомъ отливались идеи выученные и дѣйствія умовъ, обогащенныхъ школьными знаніями. Но какъ въ это время Германцы и Французы, у которыхъ Петръ *указалъ* намъ учиться, слѣдовали древнимъ образцамъ, по коимъ они хотѣли и чувствовать и мыслить; и какъ произведенія ихъ имѣли высшее Литтературное искусство; то и наши писатели, подражая имъ, желали, чтобъ геній древняго міра вселялся въ нихъ, нисходилъ на нихъ во время восторговъ пінтическихъ; хотѣли жить внѣ своего міра и быта.

Вотъ почему Литература наша въ семъ періодѣ была *подражательно - классическая*; отъ разности же образцевыхъ Литературъ и отъ измѣненія оныхъ во времени, она принимала различные виды. — Не могло ли это быть иначе? — Могло при другихъ обстоятельствахъ, при медленномъ образованіи; но при семъ ходѣ дѣлъ, столь сильномъ, столь быстромъ, при поспѣшномъ образованіи, естественно нужно было идти по пробитой тропѣ, естественно одни должно были уйдти, другіе отстать. Впрочемъ ежелибы въ духовныхъ училищахъ орудіемъ ученія былъ отечественный языкъ; то сіе обстоятельство значительно бы уменьшило зло, и ученые не отдѣлились бы такъ далеко отъ народа и Литература отъ народности. Но можно ли предположить, чтобъ народъ безмолвствовалъ, чтобъ Поэзія народная совсѣмъ уснула? — Конечно духъ творчества, подавленный тяжкою жизнію и обезсиленный отторженіемъ отъ народа и присоединеніемъ къ ученой кастѣ людей сильныхъ умомъ и любознательныхъ, немогъ быть столь дѣятельнымъ, какъ нѣкогда во времена славной юности народной; воскресшая слава, побѣды, и могущество

народное пробудили воинскій духъ и *воинское пѣснопѣніе*; а возведеніе женскаго пола на степень гражданства облагородило и смягчило сношенія половъ человѣчества; отсюда произошли *нѣжныя пѣсни* простонародныя, къ которымъ могутъ быть отнесены и нѣкоторыя изъ *свадебныхъ пѣсенъ*, всегда любимыхъ народомъ. Между прочимъ застольныя, кажется, никогда не умолкали; ибо частная веселость всегда оживляла пирующихъ друзей.

Пѣсни воинскія.

Первыя, т. е. *воинскія* пѣсни, безъ сомнѣнія начали появляться во времена Петра, слѣдовательно еще въ прошедшемъ періодѣ, потомъ размножились въ вѣкѣ Екатерины II, богатомъ побѣдами. Нѣкоторыя изъ нихъ самымъ содержаніемъ показываютъ время происхожденія своего, и почти всѣ онѣ имѣютъ напѣвъ смѣлый, громкій, шумный — одно колѣно протяжное, а другое отрывистое; слѣдовательно изображаютъ не только словами, но и самымъ голосомъ воинственность. Онѣ славятъ обыкновенно войны Шведскія, Турецкія и частію Польскія; но всѣ одинаковы по духу. По смѣлости выраженія и по удальству содержанія, весьма много сходствуютъ съ ними другаго ро-

да пѣсни разбойническія; но онѣ въ напѣвѣ своемъ, кромѣ порывистой смѣлости, имѣютъ какую-то заунывность грустнаго предчувствія, какъ напримѣръ:

Не шуми мати зеленая дубровушка;
Не мѣшай мнѣ добру молодцу думу думати. . . . .

Народныя. Всѣ страстныя или нѣжныя пѣсни, даже свадебныя, совершенно сохранили прежній свой характеръ, какъ въ сложеніи или выраженіи чувствованій и описаніяхъ, такъ и въ напѣвахъ; вездѣ прежняя томность и заунывность, вездѣ повторенія, вездѣ начала полуаллегорическія и часто отрицательныя, какъ напримѣръ: »По горамъ, и я по горамъ ходила; — всѣ цвѣты и я всѣ цвѣты видѣла; — нѣтъ цвѣта, ужъ и нѣтъ цвѣта алаго . . . . или: Что не сизъ голубь по воздуху лѣтаетъ . . . . . Или: Что не ласточка вкругъ тепла гнѣзда увивается . . . . . Или: Отставала Лѣбедушка, отставала Лѣбедь бѣлая . . . . . Какъ и палъ туманъ на сине море, — а кручина въ ретиво сердце . . . . . И т. п. Всѣ сіи пѣсни изображаютъ народный духъ, разумѣется со стороны нѣжности чувствъ, потому что онѣ выражаютъ только нѣжныя чувствованія; онѣ обнаруживаютъ удивитель-

ную страстность; глубокость чувствований и простота выраженія составляютъ главныя отличительныя черты оныхъ; но страсть изображаемая въ нихъ никогда не доходитъ до изступленія, а бывъ всегда тиха, предвѣщаетъ какую-то постоянную рѣшимость. Застольныя же и плясовыя пѣсни суть самыя лучшія доказательства, что предки наши любили повеселиться до забвенія, до удальства; здѣсь мы найдемъ выраженіе какой-то разгульной жизни; онѣ часто не имѣютъ смысла, часто теряютъ всякое приличіе. Но всѣ роды пѣсенъ сохранили тоническое стопосложеніе.

И такъ, отставъ отъ Европы, мы осуждены всему учиться; отъ того общество, созданное Петромъ, было подражательное; а посему и Ломоносовъ далъ ему подобную Литературу. Родившись въ отдаленномъ, хладномъ и забытомъ краю Россіи, въ приморскомъ селеніи Денисовѣ, Холмогорскаго Уѣзда, Ломоносовъ, казалось, былъ осужденъ на забвеніе; но геній его открылъ путь къ безсмертію. Занимавшись въ дѣтствѣ съ отцемъ своимъ рыболовствомъ, онъ часто, созерцая горящія сѣверныя лѣтнія ночи, забывалъ свою работу, чувствовалъ какое Ломоносовъ.

то внутреннее безпокойство, какой-то тайный голосъ, зовущій его невѣдомо куда; онъ хотѣлъ все понять, разгадать, искалъ знаній; но для него и самые источники оныхъ были закрыты; не видно было и возможности найдти оные; ибо его тревожная задумчивость не только другимъ казалась странна и смѣшна, но онъ самъ не понималъ оную. Первый шагъ къ удовлетворенію жажды знанія состоялъ въ томъ, что онъ въ зимнія вечера, свободныя для рыболова, выучился читать у сельскаго дьячка; — читая безпрестанно всѣ, попадавшіяся ему, книги, онъ выучилъ оныя наизустъ и почувствовалъ бо́льшую жажду знанія; находившіяся между сими книгами: переложенный Полоцкимъ въ стихи, *Псалтырь* возбудилъ въ немъ жаръ пѣснопѣнія; *Славянская Грамматика* — вѣроятно *Смотрицкаго*, — *и Ариѳметика въ стихахъ*, *Магницкаго*, которыхъ не понималъ хорошо и не могъ объяснить ему самъ наставникъ его, — родили въ немъ мысль, что есть люди, которые все это понимаютъ, которые написали сіи книги. Предполагая найдти таковыхъ людей въ Москвѣ, онъ бѣжалъ туда; тамъ отыскалъ Заиконоспасскую Академію, и

былъ принятъ въ оную; здѣсь скоро ему не чему было учиться, и потому онъ былъ отправленъ въ Кіевскую Академію. Изучивъ всѣ преподаваемыя тамъ знанія, науки и языки, былъ переведенъ въ Санктпетербургскую Академію Наукъ, гдѣ особенно занимался, и съ необыкновеннымъ успѣхомъ, Математикою, Физикою, Химіею и Естественною Исторіею. Безпримѣрная его любовь къ наукамъ побудила начальство послать его въ Германію; — тамъ въ Марбургѣ онъ выслушалъ курсъ Философіи и Математики у знаменитаго въ свой вѣкъ Вольфа; а въ Фрейбургѣ занимался Металургіею. По возвращеніи же въ Петербургъ, былъ опредѣленъ въ Академію Наукъ сначала Адъюнктомъ, а потомъ Профессоромъ Химіи. Сія наука составляла главный предметъ его занятій; но онъ много писалъ и о другихъ Естественныхъ наукахъ. Считая неумѣстнымъ здѣсь опредѣлять ученыя достоинства всѣхъ сочиненій Ломоносова въ сихъ родахъ и обличать неблагодарность и равнодушіе нашихъ соотечественниковъ къ заслугамъ сего великаго человѣка, котораго открытія забыты, и потомъ приняты отъ иностранцевъ, вмѣняю себѣ въ обязанность ска-

вать, что онъ положилъ начало самое твердое, самое прочное для нашей учености; онъ совершенно сравнялся съ Европою; въ его великой душѣ отразился полный сводъ Европейскаго просвѣщенія, котораго всѣ отрасли онъ умѣлъ облечь въ форму чистаго Русскаго языка; онъ представлялъ собою современный идеалъ; — такъ должно было на него смотрѣть; *но свои его не познали.* Одни не замѣтивъ знаній *Ломоносова,* продолжали учиться всему у иностранцевъ, даже по Русски писать; другіе положивъ, что онъ кончилъ совершенствованіе человѣчества, остановились на томъ, что онъ сдѣлалъ, и не думали продолжать начатаго имъ, говоря: *Ломоносовъ умнѣе насъ былъ; намъ ли перемѣнять то, что онъ сдѣлалъ?* Эта неумѣстная довѣренность, превратившаяся въ слѣпую вѣру, показываетъ, что сіи люди не поняли и не могли понять его; отъ того онъ имѣетъ длинный рядъ подражателей и весьма мало послѣдователей.

Языкъ образованный имъ.

Ломоносовъ, проведши дѣтство и даже начало юности въ деревнѣ, гдѣ онъ зналъ только простый Русскій народный языкъ, безъ всякой примѣси чужестранныхъ словъ и оборотовъ;

научившись читать, выучилъ, какъ уже извѣстно, наизусть почти всѣ церковныя книги, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Славянскій языкъ; имѣя отъ природы умъ точный, смѣлый и догадливый, онъ могъ уже опредѣлить употребленіе того и другаго. Познакомившись въ бытность свою въ Москвѣ и Петербургѣ съ писателями Кіевской школы, онъ могъ замѣтить пестроту ихъ языка; изучивъ языки древніе и новѣйшіе съ ихъ Литтературами, онъ узналъ и отличилъ все, внесенное ими въ нашъ языкъ. Такимъ образомъ *Ломоносовъ*, когда предпринялъ преобразованіе, употребляемаго тогда Русскими писателями, языка, прежде всего, руководствуясь сими воспоминаніями, раздѣлилъ оный на тѣ начала или стихіи, изъ которыхъ онъ былъ составленъ; узналъ свойство и употребленіе каждой изъ оныхъ; потомъ уже началъ писать чистымъ Русскимъ языкомъ, съ небольшею примѣсью Славянскаго, естьли требовало того свойство дѣла, оставивъ все чужеязычное, обветшалое, грубое, низкое, областное. И вдругъ Русскіе изумлены были явленіемъ языка чистаго, звучнаго, сильнаго, выразительнаго, — опредѣлительнаго при удивительномъ разнообразіи ма-

шеріала и формъ. Когда какой-шо *Ломоносовъ*, невѣдомый публикѣ, жаждущей и не находящей чшенія, какъ будшо шаинсшвенное какое существо, присылаешъ изъ чужихъ краевъ *Оду*, написанную шакимъ обновленнымъ языкомъ, по случаю взяшія Хошина; шо всѣ, обрадованные сшоль неожиданною, пріяшною новосшію, чишали, понимали каждый сшихъ, всякое слово, а не понимали, какъ можно писашь сшоль чисшо, ясно, вразумишельно, сильно, сшройно и легко. Сія нечаянносшь и ошдаленносшь сочинишеля дали ему еще болѣе прелесши. Занимаясь по обязанносши есшесшвенными науками; какъ мы уже видѣли, *Ломоносовъ* находилъ время созерцашь ходъ небесныхъ шѣлъ, писалъ по часши Асшрономіи и о примѣненіи оной къ мореплаванію; всѣмъ симъ наукамъ оказалъ величайшую услугу, кромѣ развишія идей, опредѣленіемъ языка для каждой ошрасли знаній. Досуги ошъ ученыхъ заняшій удѣлялъ онъ свободнымъ знаніямъ, изящнымъ наукамъ и искусшвамъ.

Лирическая Поэзія.

Поэзія сосшавляла для *Ломоносова* не заняшіе, а забаву, ошдохновеніе. Переродившееся по манію Петра ученое или чишающее общесшво, подобно всему дѣйсшвующему, любило воспор-

ги, желало восхищаться радостями своихъ Царей, народъ плѣнялся воскресшею и возрастающею славою; поэтъ, любя и славу царей и славу народа, любя науки, покровительствуемыя первыми, сознавая свое умственное могущество, восхищался вмѣстѣ съ народомъ, пѣлъ славу Творца, даровавшаго ему силы высшія предъ прочими человѣками, пѣлъ царей, вознесшихъ его на высокую степень, пѣлъ народъ, имѣвшій съ нимъ одинъ языкъ, одну вѣру, одну любовь къ царямъ, однѣ чувствованія. Вотъ почему оды *Ломоносова*, къ которымъ мы столь равнодушны, восхищали современниковъ его такъ, что они мало замѣтили его другія заслуги. Хотя *Ломоносовъ* одаренъ истиннымъ піитическимъ геніемъ; но какъ онъ, за недостаткомъ, по его мнѣнію, достойныхъ выраженія идей, или лучше за недостаткомъ свободнаго развитія, долго удерживалъ свои чувствованія и творческіе порывы духа; и по привычкѣ къ ученой послѣдовательности понятій, хотѣлъ все подчинять законамъ Логики и предварительно обдуманнымъ расположеніямъ; то во всѣхъ одахъ его замѣтна излишняя правильность и искуственная связность въ переходахъ отъ одного

предмета къ другому; такъ что онѣ по ходу своему имѣютъ въ себѣ много ораторскаго; отъ сего мы не находимъ въ нихъ того Лирическаго безпорядка и той легкой свободы, которые внезапно восхищаютъ насъ въ другихъ поэтахъ, особенно въ *Державинѣ*. Въ замѣнъ того, пѣснопѣнія его всегда равно величественны, равно важны. О немъ можно повторить слова Горація сказанныя имъ о Пиндарѣ, — что онъ подобенъ многоводной рѣкѣ, которая въ теченіи своемъ безпрестанно увеличивается и возрастаетъ отъ прилива дождей и потоковъ, и въ ровномъ величественномъ своемъ теченіи *увлекаетъ все* встрѣчающееся ей. Онъ всегда начинаетъ пѣть тихо и спокойно, созерцая свой предметъ, или мечтая о немъ; потомъ, размышляя, постепенно возвышается и усиливаетъ пѣснь; такъ что конецъ оды всегда заключаетъ сильнѣйшую мысль, которая всегда есть слѣдствіе истиннаго вдохновенія, восторга, проистекающаго изъ созерцанія природы и Творца, любимыхъ его предметовъ. Такъ напримѣръ: *въ вечернемъ размышленіи о Божіемъ величествѣ*, поэтъ представляетъ въ началѣ картину ночи:

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна, звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Послѣ изобразивъ душевное состояніе свое и мнѣніе мудрецовъ о громадѣ міровъ, видимыхъ въ безпредѣльной синевѣ ночной, погружается какъ бы въ безотчетное забытіе, и какъ бы въ ясновидѣніе осыпаетъ вопросами тѣхъ, которые провидятъ законы природы и опредѣляютъ ходъ планетъ, вопросами, изображающими безпредѣльно величественную картину разнообразныхъ явленій природы; и наконецъ, въ молчаніи представивъ всю массу знаній, несоставляющихъ полнаго отвѣта, съ какимъ то торжественнымъ нетерпѣніемъ восклицаетъ:

Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажитежъ, сколь великъ Творецъ!

Несмотря на естественный и правильно развивающійся ходъ мыслей, постепенно возрастающихъ, неожиданное окончаніе сильно поражаетъ читателя и оставляетъ его въ какомъ-то недоумѣніи. Вся тайна состоитъ въ томъ, что ученый поэтъ, привыкшій властво-

вать надъ полетомъ генія, умѣетъ остановиться на томъ представленіи, выше котораго не надѣется вознестись, и послѣ котораго жаръ его уже долженъ будетъ погасать. Впрочемъ не вездѣ *Ломоносовъ* бываетъ такъ расчетливъ въ говорливости; мы увидимъ, что въ *похвальныхъ одахъ* онъ со всѣмъ не таковъ. — Что же касается до духовныхъ пѣснопѣній, — подражаній Псалмамъ и пророчеству; то онъ недосягаемо высокъ и безпримѣрно силенъ — говоря вообще, — онъ здѣсь свободнѣе, быстрѣе; гораздо чаще бываетъ восторженнымъ поэтомъ, нежели разсудительнымъ стихотворцемъ; здѣсь, кромѣ нѣкоторыхъ слѣдовъ обдуманности, только одна черта обличаетъ въ немъ классическое образованіе: это чувственное изображеніе духовнаго міра — пластицизмъ. Смотрите, какъ онъ описываетъ *величіе* Творца *въ утреннемъ размышленіи*, или гнѣвъ и могущество его *въ подражаніи Іову*; въ семъ послѣднемъ онъ говоритъ:

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ;

Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град
блистая,
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ:
Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ:
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ;
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою! . . . . и проч.

Въ слѣдующихъ одиннадцати строфахъ поэтъ словами разгнѣваннаго Бога изображаетъ все міроздаціе, которое идетъ въ Историческомъ порядкѣ, и оканчивается человѣкомъ. Хотя въ пареніи поэта Историческое воспоминаніе можетъ имѣть мѣсто; но столь правильное расположеніе, таковая *родовая* послѣдовательность понятій, какъ здѣсь, въ лирикѣ совсѣмъ не естественна и даже не возможна; лира требуетъ другой послѣдовательности: чувственной, образной, мѣстной, временной. Божество изображено совершенно по образу человѣка. Не такъ ли Иліада изображаетъ Зевеса, который, въ гнѣвѣ потрясая кудрявой головою, всколебалъ

основанія Олимпа? Не такъ сей громовержецъ, раздраженный докукою боговъ, хвалится предъ ними силою своею, и грозитъ забросить ихъ? Не такъ ли сердится человѣкъ? Не такъ ли онъ разгнѣванный все вверхъ дномъ ставитъ въ своемъ маломъ твореніи? Прилично ли, по нашему образу мыслей и вѣрѣ, все сіе изображеніе Богу, существу духовному, совершеннѣйшему и всемогущему — *Богу благости, правды и любви?* Оно сильно, выразительно, величественно, но не Божественно! Нѣтъ! только Олимпійскимъ богамъ прилично сказать съ насмѣшкою: *яви премудрость ты свою!* Однако Ода сія считается лучшею? Да! потому, что она лучшая была въ свое время, когда требовали ощущаемаго, когда нельзя было сказать:

И мощный, мыслію сопутствуемъ одною,
Въ чудесномъ торжествѣ творенія Творецъ! ..... (*)

Она произведена не для нашей критики, а для современныхъ читателей; удовлетворивъ требованіямъ ихъ, налагаетъ на историка обязанность находить оную условно совершенною.

Похвальныя оды Ломоносова во многихъ отношеніяхъ можно назвать жертвою времени.

(*) Жуковскаго, Библія.

Ежели вообще въ сіе время по недостатку чтенія, по духу классическаго ученія, требовали длинныхъ, говорливыхъ одъ; то преимущественно это можно отнести къ одамъ похвальнымъ, — которыя онъ писалъ болѣе по требованіямъ Двора, гдѣ прежде чтенія опредѣляли достоинство оныхъ по количеству, по объему; и многословіе считалось щегольствомъ; сверхъ того, поэтъ, увлекаясь чувствомъ личной благодарности къ Царицѣ, часто вдавался въ ораторскую говорливость. По сей причинѣ похвальныя оды его несравненно обширнѣе духовныхъ; обширность же оныхъ и желаніе избѣгать повтореній, при обычномъ избраніи одного и того же предмета пѣснопѣній, были причинами изысканности мыслей и формъ выраженія, чему много способствовала ученая суетность и вѣковое тщеславіе. Слѣдовательно сей родъ твореній *Ломоносова* совершенно принадлежитъ времени. Ни одно произведеніе въ нашей Литературѣ не отражаетъ въ себѣ столь ясно классическаго направленія, какъ сіи оды; ибо ни одинъ стихъ, ни одно выраженіе, кромѣ собственныхъ именъ, не напоминаетъ намъ, что это писалъ Русскій поэтъ, вдохно-

венный Русскою славою; эти произведенія принадлежатъ школѣ, а не націи; и только по языку составляютъ достояніе народа. Такъ силенъ духъ вѣка! Анакреонтическія оды его слишкомъ важны; онѣ точно оправдываютъ собственное его выраженіе: хочу я пѣть любовь, но все пою про славу. . . .

Петріада. *Ломоносовъ*, равно какъ и все то общество, въ которомъ ему суждено быть самымъ дѣйствительнѣйшимъ членомъ — еще разъ повторяю, — были созданіемъ Петра; по сему онъ хотѣлъ воспѣть сего самаго Петра для того общества, коего помыслы и чувствованія носилъ въ душѣ. Увлекшись и чувствомъ благодарности и величіемъ героя, въ которомъ самая дѣйствительность была поэзія, поэтъ забылъ принять въ соображеніе одно весьма важное обстоятельство: Петръ не принадлежалъ къ кругу людей, дѣйствующихъ по школьнымъ правиламъ; онъ, при обновленіи Россіи, смотрѣлъ на Западъ, подражалъ Европѣ, но Европѣ новой, живой; и практическою жизнію своею принадлежалъ не только новому міру, но даже Россіи; онъ сбросилъ прародительскіе предразсудки, старую лѣнь и празднолюбіе, но жилъ для

дѣлъ, для подвиговъ, для славы въ потомствѣ, въ будущихъ вѣкахъ обновленнаго царства. Слѣдовательно, и воспѣвать его надобно было не какъ Ахилла или Ромула, покрытыхъ баснословіемъ, и живущихъ въ темныхъ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ народа, а какъ лице, стоящее въ яркомъ свѣтѣ Исторіи, о которомъ не только нельзя разсказывать басни, сводя его съ богами, но даже должно говорить въ духѣ Исторіи. Поэтъ можетъ, по свойству внѣшней жизни и дѣйствій лица, отгадывать внутреннее расположеніе души, рожденіе помысловъ, тайныя предуготовленія, совѣщанія, форму дѣйствій, выраженіе намѣреній, предположеній и т. п., но не можетъ, говоря о немъ, вымышлять то, что противурѣчитъ Исторіи; слѣдовательно Петръ можетъ быть предметомъ Біографіи, Романа, Исторіи, Поэмы Романтической, Драмы, а не эпической Поэмы, которая питается чудною мечтательностію, туманными воспоминаніями дѣтской простоты, а въ старости воспоминаніемъ юношескаго удальства народа и лицъ, и которая также требуетъ единства характера самыхъ невѣроятностей, единства самыхъ чудесъ, и сообразности вымысловъ съ

дѣйствительностію. *Ломоносовъ*, слишкомъ покорный школьнымъ правиламъ своего вѣка, не давалъ свободы творческому генію, не позволилъ себѣ развить характеръ Петра, не выказалъ тайныхъ пружинъ его дѣйствій, не подчинилъ оныя ни Исторической ни небесной судьбѣ; а разсказалъ только дѣйствительное въ живописныхъ изображеніяхъ, приправляя оное, согласно требованіямъ современнаго классицизма, древнемиѳологическими эпизодами. Отъ того поэма его — Петріада — не имѣетъ ни эпической важности, ни романической занимательности. Каждая картина отдѣльно взятая превосходна; но всѣ онѣ противурѣчатъ одна другой. Трудность выраженія, безпрестанно замѣтная въ сей поэмѣ, ясно показываетъ, что сочинитель чувствовалъ свое затруднительное положеніе, но не видалъ средствъ избавиться онаго. Кажется сіе обстоятельство было между другими причинами, воспрепятствовавшими кончить это произведеніе, которое, не смотря на всѣ недостатки и излишества, носитъ черты генія Ломоносова; и ежелибъ онобыло кончено, то сохранилобъ много помысловъ великаго писателя о великомъ Царѣ.

Примѣчаніе: Онъ показалъ прекрасный

образецъ дидактической Поэзіи въ Посланіи къ Шувалову о пользѣ стекла и неудачные опыты Драмы въ двухъ трагедіяхъ.

Ученыя сочиненія.

Какъ Петръ обнималъ и приводилъ въ движеніе всѣ роды дѣятельности народной, такъ и Ломоносовъ обнималъ и приводилъ въ движеніе всѣ роды знаній; и собственнымъ опытомъ показалъ Петрову народу образцы сихъ занятій. Онъ чувствовалъ недостатокъ отечественной Исторіи; видѣлъ на самомъ себѣ, какъ трудно безъ руководства достигнуть знанія отечественнаго языка; показалъ лучшее употребленіе онаго, и хотѣлъ упрочить оное правилами; испыталъ самъ и ежедневно на другихъ замѣчалъ, какъ сбивчиво и безошибочно пишутъ тѣ, которые не утвердились правилами истинной Риторики. Для сего онъ написалъ: *Краткій Россійскій Лѣтописецъ съ родословіемъ*, *Древнюю Россійскую Исторію*, которую онъ успѣлъ довести только до *Ярослава* 1-го; и въ нихъ заплачена дань вѣку; и они, на ряду со всѣми его произведеніями, принесли великую полвзу въ училищахъ; сочинилъ *Россійскую Грамматику*, которой заслуга столь велика и важна для нашей Словесности, что было бы небла-

*

годарно теперь, когда, выучившись по ней языку, замѣнили ее лучшими, говорить о ея недостаткахъ, которые впрочемъ совсѣмъ не относятся къ сущности науки; какъ напримѣръ: *количество склоненій* и т. п. — Это подражаніе Латинской Грамматики. — Ломоносовъ указалъ намъ языкъ нашъ! Онъ предполагалъ составить *Руководство къ краснорѣчію*, изъ котораго успѣлъ только кончить общую Риторику. Изъ соображенія общаго заглавія съ предисловіемъ къ сей книгѣ, видно, что сочинитель понималъ сію науку далеко лучше многихъ современныхъ намъ писателей въ семъ родѣ, и даже лучше тѣхъ, которые думаютъ рѣшать участь другихъ писателей. — Хотя и всѣ творенія сего геніальнаго сочинителя подверглись странной участи, были непонятны послѣдователями; но особенно это можно сказать о Риторикѣ: въ изданной имъ части онъ показалъ — конечно съ излишествомъ, въ то время необходимымъ — правила и способы, какъ вообще устроивать рѣчь, основываясь на сущности оной, безъ примѣненія къ цѣлямъ, объяснивъ въ предисловіи, что *Исторія*, *учебныя книги и рѣчи* имѣютъ особыя правила;

но послѣдователи, подражая ему слѣпо, ограничивали Теорію прозаической Словесности только общею Риторикою, прибавляя къ оной нѣсколько словъ о письмахъ и рѣчахъ. *Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства* долго служило основаніемъ Піитикъ, бывшихъ въ употребленіи въ учебныхъ заведеніяхъ. *Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ* заставляетъ думать, что сочинитель предполагалъ изложить твердыя и постоянныя правила, долженствовавшія руководствовать въ употребленіи Славянскаго языка, который отъ священности книгъ и мѣста употребленія онаго получилъ какое-то священное величіе; но преждевременная, завистливая смерть не позволила ему быть полезнымъ человѣчеству столько, сколько онъ хотѣлъ!

Ломоносовъ, разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ, между прочимъ говоритъ, что »державы Грековъ и Римлянъ *разрушились*, и *языки ихъ изъ общенароднаго употребленія вышли; однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ слышенъ громкій голосъ писателей, проповѣдующихъ дѣла, своихъ геніевъ*« . . . . Похвальныя слова.

» *Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину?* Такъ онъ почиталъ слово орудіемъ безсмертія героевъ и краснорѣчіе органомъ вѣковъ, — и хотѣлъ славить Царей своихъ. Пдиніевъ Панигирикъ познакомилъ его и съ душею сочинителя и съ величіемъ Траяна. Слово, исторгнутое изъ души перваго дѣлами втораго, сливало въ себѣ два генія, и освѣщенное истиною ввело ихъ въ храмъ вѣчности. Дыша славою Петра, трудясь для созданнаго имъ міра и, такъ сказать, дотваривая оный со стороны внутренней жизни, онъ хотѣлъ съ Петромъ жить въ вѣчности. Вотъ что родило *похвальное Слово* Петру. Но настоящее ближе минувшаго, и слава Петра прежде всего представилась ему въ дѣлахъ Елисаветы, продолжавшей начатое Ея Великимъ отцемъ и покровительствовавшей наукамъ. По сему прежде онъ написалъ *Слово* въ честь сей Императрицѣ. Оба сіи похвальныя слова суть такіе памятники нашей Словесности, коими справедливо можемъ гордиться, не смотря на то, что они произведены еще въ вѣкѣ Піитическомъ, а по существу своему составляютъ высщее развитіе слова. Впрочемъ достоинство

оныхъ не одинаково, именно: Слово произнесенное въ похвалу Елисаветѣ, представляетъ болѣе богатства мыслей, болѣе правильности и естественности въ ходѣ, болѣе силы краснорѣчія и даже чистоты и ровности слога. Отъ чегоже произошло это неравенство? и отъ чего превосходство на сторонѣ сего творенія, тогда какъ свойство предмета — самостоятельность величія Петрова — склоняетъ оное въ пользу другаго? Дѣйствія геніевъ имѣютъ степень величія соразмѣрный степени независимости ихъ отъ посторонняго вліянія; Ломоносовъ въ Словѣ Петру подражалъ Плинію, слѣдовательно добровольно оковалъ свой геній, и стѣснилъ его полетъ; ибо подражаніе уже само по себѣ стѣснительно; а несходство героевъ, несходство нравовъ и добродѣтелей Римскихъ съ Русскими и несходство обстоятельствъ, увеличивая затрудненія, принудило его бороться съ препятствіями, вмѣсто того, чтобъ свободно изображать славную жизнь Царя великаго. Въ Елисаветиномъ же Словѣ онъ далъ свободу своему генію, который выказалъ здѣсь чудесную силу творчества. Притомъ въ семъ послѣднемъ онъ выхваляетъ Елисавету изображеніемъ дѣлъ

ея безсмертнаго отца и изображенiемъ радости Россiянъ о возшествiи на престолъ прославленный Петромъ; слѣдовательно предметъ обоихъ панигириковъ былъ почти одинъ. А какъ Елизаветинъ написанъ былъ прежде Петрова; то и сiе обстоятельство могло затруднять сочинителя очень много въ послѣднемъ словѣ. Наконецъ личная благодарность оратора къ благодѣтельствовавшей Царицѣ могла сильно воспламенять его и быть также причиною сего превосходства. Излишнее богатство мыслей и слѣпая довѣренность къ древнимъ ораторамъ, особенно Цицерону, часто даютъ его формамъ выраженiя какую-то обременительную полноту и даже надутость, совершенно несвойственныя нашему языку: вотъ въ похвельныхъ словахъ *Ломоносова* главный порокъ, которымъ его можно упрекать.

Ежели кто хочетъ видѣть *Ломоносова* во всемъ его величiи, во всемъ торжествѣ творца, со всѣми совершенствами и недостатками; то пусть онъ разсмотритъ со всѣхъ сторонъ сiи два похвальныя слова, которыя составляютъ нѣчто одно цѣлое, которыя изображаютъ славу Петра въ вѣкѣ Елизаветы,

въ вѣкѣ *Ломоносова*, которыя вознесли Ломоносова на такую высоту, на коей онъ доселѣ еще не разгаданъ послѣдователями, какъ Петръ долго былъ не разгаданъ. Въ сихъ словахъ виднѣется вся душа оратора со всѣми ея наклонностями, со всѣми добродѣтелями и слабостями его, со всѣми знаніями; словомъ: это отчетъ *Ломоносова* съ его вѣкомъ предъ потомствомъ. Отчетъ вѣрный, — ибо нельзя притвориться сильнымъ, равно какъ и мудрымъ, — изумительный; ибо отсюда мы усматриваемъ, что для человѣка съ великимъ умомъ и твердою волею нѣтъ ничего невозможнаго: *Ломоносовъ* родился въ то время, когда въ Россіи не было человѣка, который бы могъ описать простой случай чистымъ Русскимъ, для всякаго *Русскаго* понятнымъ, языкомъ; и теперь тотъ же *Ломоносовъ* въ кругу людей просвѣщенныхъ изображаетъ дѣла *Петра Великаго*, въ Словѣ, истинно достойномъ своего предмета, съ краснорѣчіемъ достойнымъ удивленія всѣхъ вѣковъ! Здѣсь въ сочинителѣ видимъ пламеннаго, богатаго чувствованіями лирика, повѣствователя-поэта и Историка, глубокомысленнаго Философа, который силою

слова владычествуетъ надъ душами слушателей. Здѣсь также отражаются и всѣ его ошибки: этотъ Латинизмъ въ словотеченіи и Германизмъ въ обиліи придаточныхъ и объяснительныхъ мыслей; и мѣстами этотъ общій вѣковый или современный недостатокъ чистаго вкуса и порокъ многословія! — Такъ дѣйствовалъ Ломоносовъ! Вотъ что онъ произвелъ! Онъ далъ обширную тему, которую болѣе полувѣка развивали, безпрерывно появлявшіееся за нимъ, сильные таланты!

Сумароковъ. Почти въ одно время съ нимъ (семью годами позже) явился на томъ же поприщѣ то невольный послѣдователь, то умышленный противникъ, то соперникъ его — *Сумароковъ*, самый ревностный любитель Словесности и самый разнообразный писатель. Кажется, талантъ его пробудился отъ шума произведеннаго въ читающемъ свѣтѣ успѣхами Ломоносова, и кажется, главною пружиною его неусыпнаго трудолюбія была мысль — *побѣдить* преобразователя Словесности; она тревожила его сильнѣе любви къ изящному. Это господствовавшая въ немъ идея! и едва ли Сумараковъ не былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ надъ Ломоносо-

вымъ, потому что онъ цѣнилъ себя очень высоко, иногда даже слишкомъ откровенно, такъ напримѣръ: онъ, жалуясь на Московскую публику, что оная *съѣзжается* въ Театръ на его трагедіи *грызть орѣхи, разсказывать новости и наказывать кучеровъ*, — а *Евгеніи*, кажется Бомарше, переводъ *Пушникова*, рукоплещетъ, говоритъ: *Но неужели Москва боляе повѣритъ подъячему нежели Г. Вольтеру и мнѣ?* .... Далѣе онъ еще несравненно смѣлѣе говоритъ о себѣ: *А ежели ни Г. Вольтеру, ни мнѣ кто въ этомъ повѣрить не хочетъ; такъ похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пить съ солью, а кофе съ чеснокомъ.* ..... Это невольно вылилось изъ его оскорбленной души въ минуту забвенія! Впрочёмъ ни большей начитанности, ни страстной любви къ Словесности, ни истиннаго таланта въ Сумароковѣ отвергать нельзя; онъ не имѣлъ только вкуса; и весьма далеко отсталъ отъ Ломоносова, какъ въ естественныхъ, такъ и пріобрѣтенныхъ средствахъ и силахъ ума. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ Мерзлякова и о трагедіяхъ Сумарокова, въ которыхъ онъ на-

ходитъ *легкость и краткость изложенія*, *быстроту дѣйствія*, *интересъ*, *завязку*, *характеры — все истинно трагическое*; въ которыхъ *Геній Сумарокова является въ самомъ блистательномъ видѣ*; — . . . даже не видно и того, чтобъ Сумароковъ *перенесъ изящность* своихъ образцевъ *на нашъ Театръ*. Что же касается до Одъ сего поэта; то Мерзляковъ судилъ о нихъ нѣсколько справедливѣе, говоря, что слогъ оныхъ *менѣе важенъ, менѣе величественъ, менѣе цвѣтущъ, нежели у Ломоносова; но за то, если смѣю сказать, имѣетъ болѣе движеній, чувства, разнообразія. Почти всѣ Оды* его короче *Одъ Ломоносова, и потому планы ихъ простѣе и легче. Въ нихъ менѣе обнаруживается искуство поэта; нѣтъ съ трудомъ приведенныхъ эпизодовъ или отступленій; рѣже встрѣчаются принужденные восторги; онъ всегда стремителенъ и пылокъ. Ломоносовъ — Орелъ, ширяющій въ облакахъ медленно, стройно и важно. Суморокoвъ подобенъ птицѣ, всегда почти летающей надъ поверхностію земною, и въ оборотахъ разно-*

образнѣйшихъ, быстрѣйшихъ достигающей своей цѣли. Что же послѣ сего мы должны сказать о Сумароковѣ? поставимъ ли его, не по времени, а по достоинству рядомъ, съ Ломоносовымъ, великимъ преобразователемъ Словесности? Правда, онъ въ лирическихъ восторгахъ всегда свободенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ близокъ къ своему предмету; а Ломоносовъ при самой стѣснительной искусственности, часто удаляется отъ предмета; но сей послѣдній и отступленіями своими увлекаетъ болѣе, нежели тотъ ближайшими къ предмету мыслями. Возмемъ въ доказательство сей мысли одно изъ неумѣстныхъ отступленій Ломоносова; въ которомъ онъ отъ восторговъ переходитъ къ воспоминанію бѣдствій:

Намъ въономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей,
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

Читатель, пораженный смѣлостію представленій, силою мыслей, и величественностію формъ, забываетъ излишество сей выходки. — Но вотъ каковы лучшія лирическія мѣста Сумарокова:

Въ радостной своей судьбѣ
Ликувствуй Россія нынѣ;
Щастіе твое цвѣтетъ!
Щедрая Елисаветъ!
Какъ тиха твоя держава
Такъ громка безсмертна слава

Или:

Я зрю въ Россіи Геликонъ:
Разорвалися въ ней державши разумъ узы,
И обитаютъ Музы,
Не зря словесному ученію препонъ.
Потоки Ипокрены
Съ твоей, Нева, мѣшаются волной,
Текутъ полночною страной!
И орошаютъ днесь твои Петрополь стѣны!
Не тѣмъ ужъ мѣстомъ ты Петрополь нынѣ зримъ;
Гдѣ прежде жили Фины;
На сихъ брегахъ поставленъ древній Римъ
И древнія Аѳины.
Тутъ
Словесныя науки днесь цвѣтутъ.
О Петрѣ! О Елисавета!
Пребудутъ ваши въ вѣкъ на свѣтѣ имена.

Въ коротки времена,
Вы то исполнили ко удивленью свѣта. . . . .

Чего недостаетъ въ сихъ стихахъ? Онѣ проистекли изъ глубины чувства радости, выражаютъ легкія, свободныя мечты, написаны языкомъ довольно правильнымъ, точнымъ и чистымъ, что впрочемъ у него рѣдко случается; касаются предмета близкаго сердцу Русскому. Однако ни сколько не трогаютъ сего сердца, не возносятъ духа. Отъ чегожъ такое противурѣчіе? Во первыхъ, это происходитъ отъ недостатка общаго — отъ этихъ классическихъ сравненій и метафоръ; во вторыхъ, — отъ несоблюденія стихотворнаго *количества* (ῥυθμὸς) такъ что одна мысль у него разтянута, другая сжата; въ третьихъ — отъ совершеннаго незнанія піитическаго языка, который требуетъ рѣчи *неперіодической* и *отрывистой*, и который скорѣе допуститъ *правильный періодъ*, нежели эту *слитность* рѣчи, выражаемую дѣепричастіями и относительными частицами, часто употребляемую Сумароковымъ. Все сіе нестерпимо въ лирической Поэзіи, чуждой всякихъ разсказовъ, и все сіе Сумароковъ любилъ, осуждая въ Ломоносовѣ противное то-

му; его, такъ называемыя, *вздорныя Оды*, написаны были именно для осмѣянія сего возвышеннаго лирика. *Пѣсни*, *Элегіи*, *Идилліи*, *Эклоги* и *Сатиры Сумарокова* грубы, тяжелы по языку, и часто противны законамъ приличія; *басни* его или *притчи* конечно не могутъ быть сравниваемы съ позднѣйшими въ семъ родѣ писателями; однако онѣ въ свое время имѣли великій успѣхъ; а нѣкоторыя изъ нихъ и доселѣ сохранили свое достоинство и доселѣ не совсѣмъ устарѣли, какъ напримѣръ: *Волкъ* и *Ягненокъ*. Какъ прекрасна въ сей Баснѣ придирка Волка, выражающая грубость и невѣжество притѣснителя, который хочетъ доказать свое право на самое разбойничество:

А, а! не отвертишся ты вертушка!
Блѣяла на меня твоя пастушка.
Комолыя рога
У этова врага.

Во время *Сумарокова* эта черта была истинно превосходна! Но мы видѣли, что онъ, по мнѣнію лучшихъ нашихъ Критиковъ, заслужилъ безсмертіе Драматическими произведеніями. Ежели Исторія судитъ дѣйствователей, не отдѣляя ихъ отъ обстоятельствъ; то Су-

марокова мы должны судить въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ. Намъ извѣстно, что Ломоносовъ явился на поприщѣ Литературы прежде Сумарокова, что онъ очистилъ нашъ языкъ отъ всякой примѣси, и что показалъ образцы онаго во всѣхъ родахъ прозы и Поэзіи, кромѣ легкихъ сочиненій; слѣдовательно, въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя требуютъ важнаго языка, нужно было идти по слѣдамъ уже проложеннымъ; а тамъ, гдѣ Ломоносовъ не показалъ пути, нужно было прокладывать оный по данному симъ преобразователемъ способу. Такъ ли дѣйствовалъ Сумароковъ? Нѣтъ! Онъ хотѣлъ быть во всемъ самостоятельнымъ: хотѣлъ создать свою собственную Лирическую Поэзію, хотѣлъ сотворить свой языкъ, свое стихотворство и краснорѣчіе, хотѣлъ быть творцемъ всѣхъ родовъ Прозы и Поэзіи. Но, не имѣя генія, не могъ быть и творцемъ; по сему, не желая подражать Ломоносову въ языкѣ, онъ сдѣлался послѣдователемъ прежнихъ писателей, удержавъ многія сдѣланныя ими въ языкѣ ошибки: нечистоту, неправильность, неопредѣлительность онаго, хотя въ меньшей степени; а во многомъ неволь-

но подражалъ ему. Чувствуя способность и охоту къ Драматической Поэзіи, онъ рѣшился создать Русскую Драму; но какъ самое понятіе о ней получилъ отъ Французскихъ писателей, то и произведенія его были совершенно копіи классико-Французскихъ драмъ. Въ семъ дѣлѣ онъ не имѣлъ Русскихъ образцевъ; и потому, сдѣлавъ все, что могъ дѣлать съ данными средствами, онъ правъ; но языкъ и здѣсь вопіетъ противъ него; ибо только упрямство и самонадѣянность его были причинами худаго способа выраженія. — Въ комедіяхъ его мы безпрестанно встрѣчаемъ несообразности, происшедшія отъ того, что сочинитель, подражая, хотѣлъ имѣть оригинальность: онъ списывалъ характеры съ общества и навязывалъ симъ лицамъ чувствованія, разсужденія и дѣйствія изъ комедій Французскихъ; по сей причинѣ онѣ представляютъ смѣсь Русскаго съ Французскимъ. Комедія требуетъ языка общежитно-разговорнаго, который въ его время еще не составился и который, по недостатку генія, создать онъ не могъ; отъ того разговоръ его всегда тяжелъ, неровенъ, то напыщенъ, то низокъ и грубъ; а незнаніе цѣли комедіи, которая у него выше

забавы не возносилась, было причиною того, что онъ изображалъ характеры почти всегда самые обыкновенные, повседневные. И такъ комедія его отличалась отъ предшествовавшихъ только тѣмъ, что она взята изъ жизни общественной, изъ міра современнаго и подчинена извѣстнымъ классическимъ правиламъ; первымъ она выигрывала, а вторымъ болѣе теряла, нежели выигрывала, — ибо сіи правила не всегда могли удерживать геній отъ своевольства, а всегда стѣсняли его. Въ трагедіи онъ подражалъ Расину и современнику своему Вольтеру. Въ семъ случаѣ онъ поступалъ весьма осмотрительно, или по крайней мѣрѣ удачно; ибо Трагедія предполагаетъ слишкомъ много условій; она требуетъ обширныхъ знаній, высшаго образованія; и совершенство оной никогда не можетъ предшествовать совершенству Исторіи; и какъ главная движущая сила въ трагедіи — чувствованія, то она требуетъ отъ сочинителя практическаго знанія душевныхъ движеній съ ихъ началами и слѣдствіями. Изъ девяти написанныхъ имъ трагедій, семь имѣютъ Русское содержаніе, или взятое изъ Исторіи, или вымышленное; но въ нихъ, кромѣ именъ, ничего нѣтъ Русскаго: ни одного харак-

тера, ни одной черты! Самыя Историческія лица совершенно искажены; въ мысляхъ, чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ не имѣютъ ни достовѣрноети, ни вѣроятія Историческаго. Это доказываетъ недостатокъ Историческихъ и Этнографическихъ свѣдѣній и ложность понятія о піитической свободѣ. *Мерзляковъ*, утверждая превосходство за *Семирою*, *Хоревомъ* и *Синавомъ и Труворомъ*, удивляется быстротѣ дѣйствія оныхъ, завязкамъ, занимательности и проч., удивляется также и тому, что *Димитрій Самозванецъ, слабѣйшее между другими твореніе, удержалось на Театрѣ долѣе, нежели Семира* и *Синавъ и Труворъ*. Можетъ быть, прибавляетъ онъ: *этому причиною приближенность происшествія и хорошіе Актеры, любившіе сію пьесу*. Но на чемъ основаны всѣ эти завязки? на небывалыхъ свойствахъ лицъ дѣйствующихъ. По чему Трагедія *Димитрій Самозванецъ* нравилась *хорошимъ Актерамъ*, особенно *Дмитревскому*, а за ними и публикѣ? — Нѣтъ, не одна близость происшествія была тому причиною! Сія Трагедія написана далеко лучше другихъ; въ ней языкъ чистый, ровный, Ломоно-

совскій, и только тамъ встрѣчаемъ обвѣтшалости, гдѣ поэтъ боролся со стихомъ. Кажется подъ конецъ жизни онъ иногда думалъ о необходимости измѣнять и обновлять языкъ, особливо когда онъ увидѣлъ успѣхъ молодыхъ писателей, безпрерывно появлявшихся въ вѣкѣ Екатерины, напримѣръ: Хераскова, Богдановича и другихъ. Конечно основаніе сей трагедіи нелѣпо; но въ семъ отношеніи онѣ всѣ одинаковы: всегда два героя питаютъ нѣжную страсть къ одной красавицѣ; одинъ злодѣй, другой образецъ добродѣтели; для назидательства нравовъ, послѣдній претерпѣвъ суточныя бѣдствія долженъ побѣдить перваго; — къ нему благосклоннѣе красота. Иногда *сильнѣйшій*, слѣдовательно злой, не находя взаимности, вдругъ дѣлается великодушнымъ къ побѣжденному доброму сопернику. Это дань идиллическому вѣку! Въ слѣдствіе этого закона, Самозванецъ, которому Русскіе, по тогдашнему образу мыслей, не позволили бы имѣть ни одного порядочнаго качества, представленъ болѣе нежели *Діаволомъ*; какъ напримѣръ, онъ откровенно разсуждаетъ о своей злобѣ предъ обожаемою имъ Ксеніею:

Когда бы менѣе самолюбивъ я былъ;
Давно бъ Димитрія Димитрій погубилъ:
И естьли бъ было льзя съ собою раздѣлиться;
Я сталъ бы мукою своею веселиться. . . .

Это доказываетъ еще незнаніе *общежитной Психологіи* и отношеній къ нѣжному полу. Въ трехъ, выхваляемыхъ Мерзляковымъ, трагедіяхъ несообразности не такъ замѣтны, потому что характеры дѣйствователей не такъ рѣзки, не такъ выразительны; отъ того и самая естественность не можетъ сдѣлать ихъ занимательными. Характеръ же Самозванца, несносный по своей иоразительной чудовищности для насъ питомцевъ критики, тѣмъ же самымъ свойствомъ восхищалъ современниковъ Сумарокова, которые были не слишкомъ взыскательны въ Поэзіи къ истинѣ не только Исторической, даже Логической, и любили сильныя движенія. Такъ и знаменитый нашъ критикъ, стоя между Сумароковскимъ и настоящимъ вѣкомъ, замѣтилъ рѣзкія несообразности въ Самозванцѣ; но не нашелъ оныхъ въ другихъ Трагедіяхъ, ибо здѣсь онѣ, по свойству характеровъ лицъ, не такъ поразительны; онъ не замѣтилъ даже, что Трагедія:

Синавъ и Труворъ, совсѣмъ не имѣетъ дѣйствія, что *Хоревъ* не имѣетъ завязки, что въ обѣихъ сихъ Трагедіяхъ формы грубы, тяжелы и нечисты. Сдѣлаемъ небольшое сравненіе; Синавъ узнаетъ, что Ильмена, которая зажгла въ немъ нѣжную страсть, и Труворъ, любимый имъ братъ, любятъ взаимно другъ друга; онъ, оставшись одинъ, вотъ какъ выражаетъ чувствованія свои въ первую минуту движенія оныхъ:

Се злое таинство открылося ужъ мнѣ:
Иль то, что слышалъ я, услышалъ я во снѣ.
Вздымаются власы, и сердце, ахъ! томится:
Трясется подо мной земля, и небо тьмится!
Ильмена!..... Труворъ!.... ахъ?.... въ которую страну
Я съ большей жалостью несчастливый взгляну!
Мой братъ, любезный братъ! я другъ тебѣ не ложно;....
Ильмена, мнѣ тебя покинуть не возможно.
Лишь только мой языкъ то имя наречетъ,
Великодушіе въ минуту утечетъ.
Собраніе пріятствъ, прекраснѣйшее тѣло
Все щастіе мое отселѣ отлетѣло.

Это сильнѣйшее мѣсто изъ всей Трагедіи, и лучшіе стихи изъ всего предлиннаго Монолога, а далѣе пойдутъ такіе, которые нельзя читать безъ смѣху, напримѣръ:

Отъемлешь. ..... Отнялъ ужъ! ... Что злѣе
мнѣ сего!
О естьли дружбу онъ мою еще вспомянетъ:
И мнѣ прелестную любити перестанетъ;
Великодушіе такое чѣмъ воздамъ!

Далеко ли сіи стихи ушли отъ Тредьяковскаго? И можно ли подумать, чтобъ они были одного сочинителя съ слѣдующимъ Монологомъ, которымъ у Сумарокова Лжедимитрій встрѣчаетъ свою послѣднюю, роковую ночь, въ мечтахъ предчувствуя свой конецъ:

»Блаженная душа идетъ въ объятья Бога:
А мнѣ показана съ престола въ Адъ дорога.
Сія послѣдня ночь, ночь вѣчна будетъ мнѣ:
Увижу на яву, что страшно и во снѣ.
Скончаетъ неба мракъ народныя напасти:
Отниметъ у меня и жизнь и силу власти.
Багряная заря спѣшитъ на небеса,
И солнце утомясь нисходитъ за лѣса;
Дабы свѣжяй себя природѣ *возвратило*. ....
Помедли въ небесахъ горящее свѣтило!
Во учрежденный часъ ты спустишся всегда:
А мнѣ уже тебя не зрѣ*ти* никогда.

Или тотъ же Лжедимитрій, пробужденный видѣніями отъ кратковременнаго безпокойнаго сна, восклицаетъ:

Довольно я терплю душевныхъ огорченій;
Не умножайте вы, мечты, моихъ мученій;

Мнѣ все приснилося, чѣмъ страшенъ мнѣ сей
градъ:
И весь передъ меня предсталъ ужасный Адъ...
(слышенъ колоколъ)
Въ набатъ біютъ! сему біенью что причина!
Въ сей часъ, въ сей страшный часъ, пришла
моя кончина!
О ночь! о грозна ночь! о ты противный звонъ!
Вѣщай мою бѣду, смятеніе и стонъ. . . . . .

Я не указываю на тѣ мѣста, которые по своей чрезмѣрности и неестественности выражаемыхъ представленій могутъ оскорбить нынѣ разборчивый вкусъ и противурѣчить законамъ строгой критики, и которыя впрочемъ тогда почитались лучшими. Сіи же стихи, при хорошемъ выраженіи Актера могутъ имѣть значительный успѣхъ и нынѣ.

Изъ всего сказаннаго о Трагедіяхъ Сумарокова должно заключить, что онѣ для насъ суть только памятники усилія человѣка съ великимъ талантомъ, желавшаго дать намъ правильную трагедію, образовать высшее изящное искусство — Драматическую Поэзію; что современнымъ требованіямъ онѣ удовлетворяли вполнѣ, кромѣ языка въ большей части изъ нихъ; что онѣ до нынѣ еще не оцѣнены по достоинству;

что онѣ забыты несправедливо, и означаютъ большой успѣхъ въ нашей Литературѣ; но что хвалители слишкомъ возвышаютъ оныя; — ибо онѣ не имѣютъ драматическаго искусства, а часто и Трагическихъ формъ выраженія —; что странно бъ было, ежели бы мы вздумали требовать отъ Сумарокова сего искусства, а еще страннѣе — обвинять его въ недостаткѣ онаго, и что память его для насъ драгоцѣнна! — Всякому свое! — Вообще же о семъ поэтѣ надобно сказать, что онъ напрасно пренебрегалъ формами, напрасно соперничествовалъ Ломоносову вопреки природѣ и судьбѣ, которыя опредѣлили ему продолжать начатое симъ геніемъ; т. е. воздѣлать тѣ отрасли Словесности, къ которымъ онъ болѣе способенъ. Тогда онъ былъ бы несравненно выше, и раздѣлилъ бы съ Ломоносовымъ славу окончательнаго преобразованія.

Впрочемъ Сумароковъ не ограничилъ Поэзіею ни трудолюбія своего, ни спора съ Ломоносовымъ: онъ занимался Исторіею, Философіею и ораторствомъ; и написалъ: *краткій Московскій лѣтописецъ*, *Описаніе двухъ первыхъ Стрѣлецкихъ бунтовъ*, и *Приступъ къ Исторіи Петра Великаго*; — можетъ быть сіи

произведенія были въ свое время нужны и имѣли свою важность; но Исторія и лѣтопись не Поэзія; онѣ не невольно изливаются изъ души, а добровольно, умышленно пишутся для потомства; въ семъ дѣлѣ судъ критики неумолимъ, особливо противъ пристрастія! Философическія статьи его несравненно важнѣе историческихъ; но онѣ еще занимательнѣе и полезнѣе были бы, если бъ сочинитель, при составленіи оныхъ, руководствовался болѣе внушеніемъ своего ума, нежели вѣрою въ иностранныхъ, прочитанныхъ имъ, писателей. Теперь онѣ показываютъ, какъ Русскіе учились у иностранцевъ подражательно, не выходя изъ круга дѣйствій ученическихъ; а тогда онѣ остались бы живыми памятниками самостоятельности Русскаго ума; показали бы намъ, какъ сей умъ, возбужденный полетомъ другихъ, окрилялся самъ, сообразуясь съ собственными силами. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ у Сумарокова не было ничего собственнаго; онъ иногда размышлялъ самостоятельно, только менѣе, нежели могъ; — собственное его Литературное разсужденіе о Россійскомъ духовномъ краснорѣчіи, которое забыто отъ изложенія слишкомъ некраснорѣ-

чиваго. Ораторскія сочиненія его послѣ похвальныхъ словъ Ломоносова не могутъ имѣть мѣсто въ Исторіи Литературы; потому что она излагаетъ послѣдовательность успѣховъ Словесности, свидѣтельствующихъ о степени развитія внутренней жизни; а рѣчи Сумарокова, умноживъ количество произведеній Словесности, ни сколько не подвинули оной впередъ. Такъ положено основаніе нашей классической Словесности во всѣхъ ея отрасляхъ!

Лирическая Поэзія.

Ежели бы нужно было духъ сего періода означить какимъ либо родомъ Поэзіи; то оный могъ бы быть названъ *лирическимъ* періодомъ; ибо, кромѣ того, что сей родъ Поэзіи въ теченіи онаго доведенъ до высшаго совершенства, онъ былъ самый употребительный; не было ни одного поэта, который бы не хотѣлъ прославить себя *одами* и *пѣснями*, немногіе даже изъ прозаиковъ избѣжали этого искушенія. Того требовалъ Историческій ходъ народа. Русскіе тогда были новички въ политическомъ могуществѣ; не могли, безъ піитическаго восторга слышать громъ побѣдъ и видѣть пышныя торжества, и всѣ хотѣли пѣть. Нѣкоторые писатели, не смотря на то, что пользо-

вались заслуженною славою въ другихъ родахъ Поэзіи и что Одами дѣлались смѣшны, хотѣли на перекоръ природѣ быть лириками. Это частію можно отнести и къ Сумарокову; почти тоже можно сказать и о Херасковѣ. Сей послѣдній въ этомъ родѣ старался подражать Ломоносову и сравняться съ нимъ; но, не имѣя силы генія, не могъ въ Одахъ своихъ имѣть той важности и величія, коими Ломоносовъ покрывалъ свою искусственность; а ежели иногда возвышался до сферы истинной Поэзіи, то возвышенность сія была болѣе эпическая, ознаменованная олицетвореніями и чудесностію. Болѣе же всего *Херасковъ* теряетъ въ мнѣніи потомства тою холодностію, которая произошла отъ желанія быть назидательнымъ вездѣ и во всемъ; для сего онъ написалъ множество, такъ названныхъ имъ, *нравоучительныхъ Одъ*; не смотря однакоже на сіе нравоучительное направленіе, въ лирикѣ неумѣстное, его *Анакреонтическія* стихотворенія часто не имѣютъ необходимой благопристойности, о которой впрочемъ немногіе Поэты его времени заботились. — Ежели бы изступленные восторги и сильныя чувствованія, выражаемыя безъ всякаго

искусства, часто безъ соблюденія законовъ языка и вкуса, могли доставить рѣшительное преимущество въ лирикѣ; то *торжественныя* и другихъ родовъ *Оды Петрова* могли бы поставить сего поэта выше всѣхъ его соперниковъ; онѣ по чувствамъ не рѣдко сильнѣе даже пѣснопѣній Ломоносова, а по выраженію тяжелѣе, грубѣе и неправильнѣе Сумарокова. Но величайшій пѣвецъ Екатеринина вѣка — *Державинъ!* Онъ — по всѣмъ отношеніямъ есть чудное явленіе въ Литературномъ мірѣ. Читая его *Оды*, мы не можемъ остановиться ни на одномъ изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ, котораго бы можно было сравнить съ нимъ. Кто бываетъ столь возвышенъ, силенъ, быстръ, стремителенъ? Кому столь послушны піитическія формы? Кто столь легко, столь свободно можетъ находить высокое и прекрасное въ самыхъ обыкновенныхъ повседневныхъ случаяхъ? или кто можетъ однимъ прикосновеніемъ своимъ всему простому обыкновенному сообщать истинное изящество? Но гдѣ его слѣды, гдѣ вліяніе его въ нашей Литературѣ? — Кто-то сказалъ, что появленіе генія на землѣ есть высшее благодѣяніе небесъ человѣчеству. Нѣтъ ни-

какой возможности опровергнуть сію всеобщую истину; но и того никто еще не доказалъ, что Державинъ не составляетъ исключенія изъ сего положенія; по крайней мѣрѣ не опредѣлены, не приведены въ извѣстность его заслуги. Лучшіе наши критики то сравниваютъ его съ Пиндаромъ, то съ Гораціемъ, то съ Бардами, то съ Байрономъ, то называютъ какимъ-то одинокимъ существомъ въ мірѣ, и всѣ даютъ ему рѣшительно имя *Русскаго поэта* — въ точномъ смыслѣ сего выраженія; но ни одно изъ сихъ сравненій не познакомило насъ съ *Державинымъ*. Если бъ доказали намъ, что онъ истинно *Русскій Поэтъ;* то симъ опредѣлили бы и мѣру заслугъ его; ибо дотолѣ у насъ, кромѣ древнихъ, не было ни *Русскаго поэта, ни Русской Поэзіи*. Но безпредѣльно смѣлый и мощный геній Державина нельзя приковать ни къ времени, ни къ мѣсту; онъ не принадлежитъ ни какой странѣ, ни какому вѣку; Россіи остается гордиться только тѣмъ, что она произвела генія, принадлежащаго цѣлому человѣчеству и вѣчности. Не только идеи Державина но и формы рѣдко составляютъ исключительно наше достояніе. Назовемъ ли мы его

Русскимъ поэтомъ потому, что онъ пѣлъ Екатерину, Суворова и Русскую славу? Нѣтъ! онъ пѣлъ величіе, свойственное всѣмъ народамъ и вѣкамъ. Однако и самые величайшіе геніи, относительно чувственной стороны, не могутъ быть свободны отъ вліянія законовъ природы, Физическихъ и нравственныхъ обстоятельствъ, отъ вліянія самыхъ предметовъ пѣснопѣнія; и вліяніе сіе всегда усиливается по мѣрѣ ослабленія духа; такъ Державинъ подъ старость сдѣлался болѣе частнымъ, болѣе Русскимъ, особенно *въ чувственныхъ, Анакреонтическихъ* произведеніяхъ, въ которыхъ часто отражаются, хотя немногія, но рѣзкія черты народности. Вообще же сему великому духу назначено пройдти земное поприще на удивленіе человѣчества. Все земное устроено намъ на пользу; но звѣздный сводъ, не принося намъ положительныхъ пользъ, не улучшая внѣшняго быта, не ужели напрасно красуется предъ нами? неужели бытіе его тщетно? Нѣтъ! онъ поражаетъ насъ благоговѣйнымъ удивленіемъ, возвышаетъ духъ до созерцанія творца въ высшемъ безпредѣльномъ его твореніи; это принадлежитъ всему человѣчеству, и къ сему не

многіе изъ людей способны; а сіи то не многіе составляютъ высшее звено человѣчества. Таково назначеніе великихъ геніевъ, превышающихъ дѣлами своими земныя потребности и житейскія частности! Таково назначеніе Державина! такъ онъ исполнилъ свое призваніе! Посмотримъ, какъ зиждитель міровъ во всей безпредѣльности своей отражается на его великой душѣ, и какъ поэтъ отливаетъ въ вещественныя формы представленія безпредѣльнаго, которыя столь легко, столь естественно переходятъ отъ Философіи къ Поэзіи. Созерцая Творца по отношеніямъ его къ твари, онъ, какъ Философъ знаетъ безпредѣльность, вѣчность, чудную самобытность; и понимаетъ его, какъ человѣкъ; представляетъ, какъ поэтъ, въ пространствѣ, во времени, въ природѣ; и потому взываетъ:

О ты пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества:
Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ;
Кто все собою наполняетъ,

Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы нарицаемъ — Богъ.

Измѣрить Океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій;
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ. . . . .
. . . .

Лишь мысль къ тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ. . . . .
. . . .

Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ тебя родятся.
Какъ *въ мразый ясный день зимой*
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ;
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ тобой . . . .
. . . .

Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа милліономъ
Сто кратъ другихъ міровъ, и то\,
Когда дерзну сравнить съ тобою,
Лишь будетъ точкою одною;
А я передъ тобой ничто.
Ничто! — но ты во мнѣ сіяешь,
Величествомъ твоихъ добротъ;
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ни что! — но жизнь я ощущаю. . . . . .

Я связь міровъ, по всюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества!
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я Царь, — я рабъ, — я червь, я — Богъ! —
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколь произошелъ? Безвѣстенъ . . . .

Твое созданье я, создатель,
Твоей премудрости я тварь;
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и Царь! —
Твоей то правдѣ нужно было
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе твое.

Вотъ форма, которую создалъ поэтъ для изображенія Творца, человѣка и взаимнаго ихъ отношенія. У кого мы найдемъ что либо подобное, или хотя близкое къ сему изображенію? Кто бы осмѣлился сказать: *міры умножа милліономъ — сто кратъ другихъ міровъ*, или: *какъ въ мразный ясный день зимою — пылинки инея сверкаютъ?* Кто бы могъ дать симъ незначущимъ выраженіямъ

такую силу? Какой смѣлый взоръ нуженъ, чтобъ открыть въ отблескѣ капли сходство съ сіяніемъ Творца въ человѣкѣ! Здѣсь каждый стихъ удивляетъ насъ, возвышаетъ духъ размышляющаго къ безконечному, какъ звѣзды, сіяющія въ сводѣ неба. Человѣкъ съ чувствомъ возвышеннымъ не можетъ читать сихъ стиховъ безъ благоговѣйнаго трепетанія сердца. Но что выиграла въ томъ толпа мелкихъ стихописателей? Облегченъ ли тѣмъ трудный для нихъ путь — связывать мысли и составлять выраженія? Высокій духъ торжествуетъ, видя, какъ смѣло человѣкъ возносится къ Божеству, составляя *начальную черту* онаго, и чрезъ тлѣніе возвращаясь въ безсмертіе *Его*. Такъ Державинъ представилъ величіе человѣка, который носитъ въ себѣ подобіе существа безпредѣльнаго; но посмотримъ теперь, какъ изобразилъ онъ слабость *сего человѣка*, трепещущаго предъ вѣчностію, въ которую долженъ погрузиться. Взглядъ на бездушный трупъ друга, который еще не давно цвѣлъ жизнію и роскошно, шумно наслаждался благами земли и всѣми выгодами общественности, заставилъ его задуматься о скоротечности жизни — и въ это время онъ

слышишь бой часовъ. Сіе неожиданное движеніе времени прервалоль нить его размышленій? Нѣтъ! оно сообщило чрезмѣрную быстроту развитію оной! Въ семъ, по видимому пустомъ, звукѣ поэтъ узналъ голосъ вѣчности, который возвѣстилъ ему невозвратность минувшаго; и исторгъ изъ души его грустныя чувствованія и размышленія:

Глаголъ временъ! Металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ
Уже зубами смерть скрежещетъ;
Какъ молніей косою блещетъ,
И дни мои какъ злакъ сѣчетъ.

Ни что отъ роковыхъ когтей,
Ни кая тварь не убѣгаетъ.
Монархъ и узникъ снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ.
Зіяетъ время славу стерть,
Какъ въ море льются быстры воды;
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся . . . . . .
Безъ жалости все смерть разитъ,
И звѣзды ею сокрушатся,

И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Здѣсь перстъ твоя, а духа нѣтъ!
Гдѣ жъ онъ? — онъ тамъ! — гдѣ тамъ? —
не знаемъ.

Утѣхи радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь,
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробныя тамъ воютъ лики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ и на Царей,
Въ державу коимъ тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры,
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,
И точитъ лезвее косы.
Смерть трепетъ естества и страхъ!
Мы гордость съ бѣдностью совмѣстна:
Сего дня Богъ, а завтра прахъ. . . . . .

Подите счастья прочь возможны,
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны,
Я въ дверяхъ вѣчности стою! . . . . . .

Какой твердый человѣкъ несодрогнется при чтеніи первыхъ стиховъ? И кто, вмѣстѣ съ

поэтомъ вообразивъ смерть, которая спокойно глядитъ на Царя и нищаго, на героя и мудреца и *точетъ лезвее косы*, — не воскликнетъ: *смерть трепетъ естества и страхъ!* Такъ Державинъ возвышаетъ человѣка, такъ смиряетъ его; такъ онъ служитъ человѣчеству, дѣйствуя непосредственно только на избранныхъ. Ему предназначено изобразить величіе и ничтожество человѣка; дабы сей чтя въ себѣ Божество, зналъ, что одинъ шагъ ему до ничтожества, что онъ *сего дня Богъ, а завтра прахъ!* Здѣсь поэтъ показалъ намъ двѣ крайности человѣческаго естества, но вотъ какъ онъ изображаетъ его въ Исторіи:

Везувій пламя изрыгаетъ,
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ,
Багрово зарево сіяетъ,
Дымъ черный клубомъ въ верхъ летитъ;
Краснѣетъ понтъ, ревётъ громъ ярый,
Ударамъ въ слѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочютъ рѣки рдяной лавы:
О Россъ! — такой твой образъ славы.....

Лежалъ онъ во своей печали,
Какъ темная въ пустынѣ ночь;
Враги его рукоплескали,

Друзья не мыслили помочь;
Сосѣди грабежа алкали;
Князья, Бояра въ нѣгѣ спали,
И ползали въ пыли какъ червь.
Но Богъ, но духъ его великій
Сотрясъ съ него бѣды толики —
Расторгнулъ левъ желѣзну вервь!
Возсталъ! — какъ утромъ холмъ высокій
Встаетъ, подъемлется челомъ
Изъ мглы широкой и глубокой,
Разлитой вкругъ его; — и громъ
Поверхъ главы въ ничто вмѣняя,
Ногами волны попирая,
Пошелъ: — и кто возмогъ противъ? —
Отъ шлема молніи скользили,
И океаны уступили,
Стопамъ его пути открывъ.

Хотите ли слышать, какъ онъ предсказываетъ себѣ Историческое безсмертіе?

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! — весь я не умру, но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возраститъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ бѣлыхъ водъ до черныхъ,

Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неизчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить;
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину царямъ съ улыбкой говорить!

О муза! возгордись заслугой справедливой;
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, не торопливой,
Чело свое зарей безсмертія вѣнчай.

Но и природа открыла ему свои тайны; смотрите, какъ онъ соперничествуетъ съ нею; какъ она послушно преклоняется подъ его всевластное перо! Какъ она по манію его грозно говоритъ, да *услышатъ водопады міра!*

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ въ низу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ — и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучь чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;

Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты волны, тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.

Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ буграми въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышанъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣтрами ль сосны пораженны?
Ломаются въ тебѣ въ куски.
Громами ль камни отторженны?
Стираются тобой въ пески.
Сковать ли воды льды дерзаютъ?
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя, и страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится;
Огонь горитъ въ его глазахъ.
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ,
Рога на спину приклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Ретивый конь осанку горду

Храня, къ шебѣ порой идешъ:
Крушую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпишъ, ушми прядешъ;
И подстрекаемъ бывъ, бодришся,
Ошважно въ хлябь швою сшремишся.

Сошла Окшябрска ночь на землю,
На лоно мрачной шишины;
Нигдѣ я ничего не внемлю,
Кромѣ ревущія волны,
О камни съ высоты дробимой,
И снѣжною горою зримой.

Пусшыня, взоръ насупя свой,
Ушесы и скалы дремали;
Волнисшой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ коихъ, шрепешна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна.

Ведешъ и нѣкая громада,
Гиганшъ предъ нимъ возсшалъ въ пуши,
Главой небесъ, ногами ада
Касаяся, прешишъ ишши.

Со ребръ его шумяшъ внизъ рѣки,
Предъ нимъ мелькаюшъ дни и вѣки.....
Ни что его не пошрясаешъ;
Онъ громъ и бури презираешъ,
Нахмурясь смошришъ Сен-Гошаръ.

А шамъ — волшебница сѣдая

Лежитъ на высотѣ холмовъ,
Дыханьемъ солнце отражая,
Блеститъ въ дали огнями льдовъ,
Которыми одѣта зрится:
Она на всю природу злится,
И въ страшныхъ иинстыхъ скалахъ,
На виснувшихъ снѣговъ слоями,
Готова задавить горами,
Иль въ хладныхъ задушить когтями.

А тамъ — невидимой рукою
Простертое съ холма на холмъ
Чудовище, какъ мостъ длиною,
Рыгая дымъ и пламень ртомъ,
Бездонну челюсть разверзаетъ,
Въ единый мигъ полки глотаетъ;
А тамъ — пещера черна спитъ
И смертнымъ мракомъ взоры кроетъ,
Какъ бурею гортанью воетъ:
Предъ ней отчаянье сидитъ.

Послѣ сихъ выписокъ, нужно ли доказывать, что Державинъ былъ не простой стихотворецъ, который потому поетъ, что хочетъ дѣлиться своими чувствованіями, или находитъ въ томъ выгоду, утѣшеніе, удовольствіе и т. п. Нѣтъ! онъ, нудимый духомъ, пѣлъ потому, что не могъ не пѣть; это было потребностію его души, кипящей дѣятельностію. Онъ, какъ другъ природы и человѣче-

ства, въ минуты восторговъ сливался съ ними душею, исторгалъ изъ глубины ихъ тайны, — сокровенныя для нихъ самихъ, и, приводя свои ясновѣденія въ прекрасныя формы, представлялъ сіи творенія человѣку. Въ нихъ видѣнъ поэтъ, Философъ и нравоучитель: но его Философія нравоучительна такъ, какъ божественная картина міроздания, которая нечувствительно развивая нить высокихъ помысловъ, представляетъ намъ удовольствіе видѣть въ себѣ самостоятельныхъ мыслителей. Вотъ человѣкъ, который имѣлъ завистниковъ, но не могъ имѣть соперника. Его упрекали *излишнею увѣренностію* въ своемъ геніи. Нѣтъ, это не слабость — Не самохвальство заставило его возгласить въ услышаніе вѣковъ: *я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!* это благодарность своему генію. Державинъ, какъ лице со всѣми наклонностями и страстями, былъ рабъ своего генія, который отторгалъ его отъ земли, поставлялъ выше условій общества и уносилъ въ вѣчность; отъ того онъ обыкновенно пѣлъ до изнеможенія; отъ того конечные стихи его Одъ всегда слабы; такъ что послѣдняя строфа въ самыхъ лучшихъ его произведеніяхъ почти

всегда лишняя; на примѣръ: въ Одѣ: *Богъ* что бы можно еще сказать послѣ сихъ стиховъ?

И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ безсмертіе твое?

Или въ Одѣ: *на смерть К. М. я въ дверяхъ вѣчности стою!* Послѣ говорить было нечего и не о чемъ. Однако онъ прибавляетъ по строфѣ въ обѣихъ, какъ и во многихъ другихъ, какъ напримѣръ въ Одахъ: *На побѣды въ Италіи, Орелъ, Вельможа* и проч. Иногда впрочемъ это было слѣдствіемъ страннаго желанія— написать много, подобно Ломоносову. А отъ сего онъ часто нарушалъ единство чувствованія и даже единство предмета, какъ примѣръ въ Одахъ: *Водопадъ, На переходъ Суворова чрезъ Альпы* и т. п. Чтожъ касается до языка, то Державинъ и въ семъ отношеніи былъ необыкновенный писатель; ибо онъ не рѣдко рядомъ съ высокими выраженіями поставлялъ такія слова и обороты, для употребленія которыхъ надобно имѣть много смѣлости; однако они ни сколько не противурѣчатъ чистотѣ слога; онъ не нарушалъ правилъ языка, а такъ сказать превышалъ оныя.

Но при всемъ величіи своемъ и необыкно-

венносши Державинъ не могъ произвесши эпохи, не могъ сообщишь никакого направленія нашей Лишерашурѣ; пошому чшо онъ самъ не имѣлъ опредѣленнаго направленія. Господсшвующая же его мысль, идея, — кошорую онъ ясно выразилъ въ любимомъ своемъ произведеніи *Фелицѣ*, а шакъ же въ *памятникѣ* и другихъ швореніяхъ — сшоль смѣла, сшоль высока, чшо никшо изъ поэшовъ послѣдующихъ не ошгадалъ оную; и никшо не осмѣлился идши по слѣдамъ его, кромѣ Князя Долгорукаго, кошорый иногда касался его мысли; никшо даже формъ его неповшорялъ. Сію мысль онъ выказалъ очень ясно шакже выборомъ Псалмовъ и Пророчесшвъ, какъ напримѣръ:

Возсшалъ Всевышній Богъ, да судишъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.....

Той же мыслію проникнушъ былъ Князь *Долгоруковъ;* но онъ не имѣлъ шой же силы Генія и пѣлъ по своему, какъ могъ; и пошому сходсшвуешъ съ Державинымъ шолько главною идеей, — хошя въ меньшемъ видѣ — и свободою въ мысляхъ и выборѣ формъ. Недосшашокъ величія, возвышенносши, бысшрошы восшорговъ, глубокомыслія и шворчесшва у Долгорукова замѣняешся неподражаемою просшошою въ мысляхъ и выраженіи;

въ Одахъ его философія и нравоученіе такъ легки, такъ заманчивы, что, читая оныя, кажется, слушаешь совѣты стараго, опытнаго веселаго друга, который и въ ужасахъ природы и въ жестокостяхъ судьбы умѣетъ найдти пріятное, иногда забавное. Долгоруковъ далеко не достигъ всеобщности Державина, вознесшагося надъ окружающими его обстоятельствами; однако онъ, какъ поэтъ, не принадлежитъ своему вѣку; ибо разторгнулъ тяжкія оковы классицизма; это особенно замѣтно въ его *Посланіяхъ*, которыя весьма удачно проявляютъ нѣкоторыя черты *простонародности*. Полное собраніе его сочиненій издано подъ названіемъ: *Бытіе сердца моего*. Ежели бы назвать оное: *Бытіе добраго сердца, полнаго чувствованій;* то сіе названіе выразило бы характеръ сочинителя и сочиненій.

Хотя Державинъ создалъ *легкое пѣснопѣніе* въ своихъ Анакреонтическихъ Одахъ; но Литература наша все еще не имѣла пѣсенъ, кромѣ Сумароковскихъ и Херасковскихъ, которыя отличались или грубостію слога и неблагопристойностію, или идиллическою важностію и торжественностію Одъ. Нелединскій - Мелец-

кій началъ писать легкія, пріятныя пѣсни и Романсы, которымъ конечно, по духу времени, недоставало естественности и *истинной* простоты; но при всемъ томъ они въ свое время не имѣли соперничества; а по нѣжности чувствованій и теперь занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Послѣ Державина Лирика представляла для поэтовъ самый опасный путь къ славѣ, особенно для тѣхъ пѣвцевъ, которые бы дерзнули идти по стопамъ его. Вотъ кажется по чему *Капнистъ* и *Дмитріевъ*, какъ скромные, хотя и сильные, таланты, сознавая степень силъ своихъ, такъ умѣренны въ пѣснопѣніи. Въ первомъ замѣтна какая-то робость и недовѣрчивость къ самому себѣ; онъ уже разнообразнѣе Ломоносова, свободнѣе Хераскова; но какъ по общимъ идеямъ, такъ и по способамъ изображенія чувствованій и представленій совершенно принадлежитъ къ ихъ школѣ, и отличается отъ нихъ только какою-то Оссіановскою унылостію, свойственною жителямъ Сѣвера; слѣдовательно и у него уже замѣтно было стремленіе къ народности. Дмитріевъ занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ нашей Литературѣ; —

усиліе образовать стихотворный языкъ и весьма значительный въ семъ дѣлѣ успѣхъ дѣлаютъ честь его вкусу, и доказываютъ глубокое знаніе языка; но лирическія пѣснопѣнія обнаруживаютъ въ немъ болѣе искуснаго Стихотворца, нежели вдохновеннаго поэта. — Та самая наблюдательность за собою, та отчетливость въ мысляхъ и словахъ и строгая бережливость въ чувствованіяхъ, которыя такъ много даютъ ему превосходства въ другихъ родахъ поэзіи, дѣлаютъ его Оды и Гимны слишкомъ правильными; они всѣ такъ обдѣланы и округлены однообразно, что всегда можно опредѣлить окончаніе оныхъ. Но ежели каждое изъ сихъ произведеній читать безъ счисленія съ другими; то нельзя не чувствовать истиннаго удовольствія. Впрочемъ между ими есть и такія, которыя невольно исторглись изъ растроганной души поэта; какъ напримѣръ: *Размышленіе по случаю грома* и *Ермакъ*. Первое заслуживаетъ вниманіе по силѣ чувствованій чистыхъ, возвышенныхъ, показывающихъ способность поэта къ лирическимъ восторгамъ; а второе обнаруживаетъ то, что ежели бы поэтъ болѣе довѣрялъ собственнымъ силамъ, которыя онъ деспотически подчинялъ

принятымъ правиламъ, то онъ могъ бы произвести несравненно болѣе, онъ былъ способенъ создать *Поэму*. Оба сіи писатели владѣютъ языкомъ и формами онаго съ великимъ искусствомъ, и благородствомъ выраженія превосходятъ всѣхъ предшественниковъ. Уже возстала новая Литература, слышны новыя пѣсни юныхъ пѣвцевъ; но вѣрный *древнимъ музамъ*, усердный ихъ жрецъ, Графъ *Хвостовъ*, свидѣтель торжества Державина и другихъ безсмертныхъ писателей, свидѣтель торжества и паденія классической школы, и нынѣ на развалинахъ оной безтрепетно поетъ, *какъ лебедь на водахъ Меандра*; неутомимый въ трудолюбіи, онъ живетъ *мыслію*, что *слава пѣвца выше титлъ земныхъ*; и потому никакой важный случай не ускользнетъ отъ его лиры; онъ пѣлъ величіе Божіе, дѣла Царей, дѣла Героевъ, пѣлъ дружбу и любовь, народныя торжества и потѣхи съ равнымъ успѣхомъ. Онъ всегда и во всемъ одинаковъ. — Но всему есть чреда — и старые пѣвцы смѣнены новыми!

При естественномъ развитіи словесныхъ искусствъ за Лирикой непосредственно слѣдуетъ Эпопея. Ибо когда народъ перестаетъ восхи- Поэма.

щашься, шо предается воспоминаніямъ и, соображая оныя, сводишъ въ разсказъ. У насъ не шаковъ ходъ словесносши; и при шомъ эшо не начальный періодъ; — и Поэма являешся, какъ мы видѣли, въ одно время съ Лирикой. Но можешъ ли бышь у насъ въ шочномъ значеніи эпическая поэма? Нѣшъ! при всѣхъ усиліяхъ нашихъ поэшовъ удержашься на шой возвышенной мечшашельносши о шой дѣшской просшой жизни, — когда и самые мелочные случаи зависѣли не ошъ насъ, но ошъ Воли Высшей и ошъ указанія неисповѣдимой для насъ судьбы — каковыхъ шребуешъ эпическая поэзія, она невольно переходишъ у насъ въ Романъ, шребующій для самыхъ вымысловъ историческаго изложенія. Мы видѣли какъ мало успѣлъ сдѣлашь для поэмы Ломоносовъ; но если бы онъ произвелъ другую Илліаду; и шогда бы не угодилъ намъ; ибо эша земная чудесносшь не удивляешъ насъ, не наполняешъ сердца священнымъ шрепешомъ. Слѣдовашельно, мы не должны въ нашихъ Поэмахъ искашь древняго эпизма; наши эпическіе поэшы могушъ удивляшь насъ шолько шѣмъ искуссшвомъ, съ кошорымъ они приближаюшся къ эшой просшодушной чудесносши. А ежели они еще успѣюшъ иногда приве-

сти въ движеніе сердце; ежели произведутъ въ немъ чувствованіе страха, умиленія и т. п.; то сдѣлаютъ уже болѣе требуемаго. Херасковъ въ повѣствовательной Поэзіи далеко превзошелъ Ломоносова. Всѣ написанныя имъ поэмы, по содержанію, можно раздѣлить на три разряда: *Историческія*, *вымышленныя* и *смѣшенныя*. Первый разрядъ составляютъ: *Владиміръ*, *Россіада*, *Чесменскій бой*, *Царь* или *спасенный Новгородъ*; вторый — *Пилигримы* или *Искатели счастія*, *Селимъ* и *Селима*; третій — *Вселенная*, *Бахаріана* или *неизвѣстный*. Къ симъ послѣднимъ также могутъ быть отнесены: *Кадмъ* и *Гармонія*, *Полидоръ сынъ Кадма* и *Гармоніи* и *Нума Помпилій*. Ежели мы будемъ искать между произведеніями Хераскова Эпопеи; то должны остановиться на Владимірѣ и Россіадѣ и преимущественно на первой; потому что содержаніе оной — введеніе въ Россію Христіанской вѣры, или лучше сказать: Крещеніе Владиміра, который прежде свершенія сего великаго дѣла долженъ былъ преодолѣть многія препятствія, происходившія отъ пылкости его характера, отъ страстей, отъ предразсудковъ и суевѣрія, и отъ происковъ людей и козней враждующаго

человѣку духа — сіе содержаніе, какъ по отдаленности, такъ и по существу своему способствовало развитію Поэмы; оно соединено съ воспоминаніями народнаго дѣтства, богато преданіями о чудесахъ, объ участіи неба въ дѣлахъ земли. Но о Россіадѣ самъ сочинитель говоритъ, что предметъ ея не готовъ для Эпопеи; онъ писалъ оную не повдохновенію, а для нравственнаго назиданія. Это нравоучительное направленіе, происходившее отъ ложнаго понятія о Поэзіи, послужило источникомъ или основаніемъ ложному мнѣнію о Херасковѣ, что онъ со всѣмъ не имѣлъ піитическаго таланта. Сей недостатокъ его происходилъ не отъ слабости духа, а отъ правилъ; онъ думалъ, подобно бо́льшей части своихъ современниковъ, что Поэзія должна излагать положительныя нравоученія. Нѣтъ! Оная только возвышаетъ духъ великими идеями; и такимъ образомъ уже посредственно пріохочиваетъ насъ любить все высокое, благородное, слѣдовательно и добродѣтель; даже дидактическая Поэзія только прельщаетъ читателя изображеніемъ добра и пользы, а не учитъ его. Всякое положительное ученіе — дѣло прозы; и потому оно часто сближаетъ съ прозою поэмы

Хераскова, который впрочемъ имѣлъ неподдѣльный талантъ. — Простой взглядъ на каждую его поэму докажетъ намъ обѣ послѣднія мысли. По силѣ творчества, *Владиміру* и *Россіадѣ* обыкновенно отдавали предпочтеніе предъ всѣми его произведеніями; но ежели безъ всякихъ предубѣжденій разсмотрѣть сіи двѣ Поэмы ближе; то окажется, что предпочтеніе сіе основано только на близости оныхъ къ правильной Эпопеи, и на превосходствѣ искусства; да и самый объемъ и величина оныхъ Поэмъ кажется имѣли значительное вліяніе въ семъ судѣ критики. Содержаніе первой Поэмы, какъ уже выше показано, доступно для чудесъ; по сему сочинителю оставалось только согласить чудесное съ естественнымъ; и сообщить единство, послѣдовательность и стройную соотвѣтственность *Исторіи*, *преданіямъ* и *вымысламъ*; во второй, дабы не разсказать Исторіи въ стихахъ, онъ долженъ былъ вымышлять не одни цвѣты Поэзіи, но и содержаніе Эпическое: слѣдовательно первая требовала болѣе искусства, нежели творчества, а вторая высшаго творчества, управляемаго искусствомъ. Творчество требуетъ силы, таланта или Генія и величія или

занимательности предмета; искусство — знанія матеріала и взаимнаго соотношенія составныхъ частей онаго, знанія взаимной зависимости матеріала съ формою, и знанія назначенія своего произведенія. Херасковъ умѣлъ выбрать для всѣхъ своихъ Поэмъ предметы, сильно дѣйствующіе на творческій духъ; воспламенявшись каждымъ изъ оныхъ создавалъ то великія, то прекрасныя представленія; умѣлъ по требованіямъ Эпопеи подчинить главный ходъ дѣйствія вліянію судебъ, и согласить сіе съ духомъ Христіанства; умѣлъ по правиламъ, существовавшихъ въ то время, теорій опредѣлить свойство представленій и логическія отношенія оныхъ; старался нравоучительностію своихъ произведеній служить человѣчеству; но не имѣя сильнаго Генія, онъ не могъ всегда парить высоко, не могъ быть постоянно богатъ возвышенными помыслами, — а хотѣлъ творить въ огромномъ видѣ; — не отличая школьнаго міра отъ дѣйствительнаго, и Миѳологическаго отъ чудеснаго, онъ не замѣчалъ историческихъ несообразностей. Не могъ согласить характеръ главнаго дѣйствователя — предопредѣленія небесъ — съ противудѣйствующими силами — страстями. Короче: его

искусство торжествовало только надъ механизмомъ Поэмы; а духовная сторона осталась совсѣмъ не воздѣлана. Вотъ отъ чего большія Поэмы его представляютъ смѣсь изображеній смѣлыхъ, истинно піитическихъ съ мелочными и прозаическими, наполнены историческими несообразностями, такъ что Славянскіе боги и служители ихъ дѣйствуютъ подобно богамъ и жрецамъ Греческимъ; вотъ отъ чего онѣ несравненно слабѣе малыхъ его Поэмъ; ибо онѣ суть болѣе слѣдствіе придуманности и труда, а сіи плодъ вдохновенія; въ тѣхъ онъ, желая быть плодовитымъ, часто бываетъ искуственно многословенъ, а въ сихъ, выражаясь свободно, онъ проще, естественнѣе и сильнѣе; въ тѣхъ онъ подражалъ, въ сихъ пѣлъ. А ежели разсматривать всѣ сіи произведенія въ духѣ современныхъ Хераскову теорій и другихъ обстоятельствъ; то найдемъ, что первыя двѣ достойны названія Эпическихъ Поэмъ — въ Классико-Европейскомъ смыслѣ, — нося два главныхъ недостатка: мѣстами трудность вымысловъ и грубость формъ; а послѣднія должно назвать или *эпико-лирическими* произведеніями, какъ напримѣръ: *Вселенная* и *Чесменскій Бой*, или какими-

то *Лирическими сказками*, какъ напримѣръ: *Пилигримы* и другія. Но не въ названіяхъ сущность дѣла! Нужно рѣшить еще одинъ вопросъ: отъ чего многіе писатели отвергають піитическій талантъ въ Херасковѣ? — Во первыхъ отъ того, что сіи критики со всѣмъ не съ той точки разсматриваютъ сочинителя; а во вторыхъ отъ того, что онъ слишкомъ много связывалъ себя подражаніемъ разнороднымъ и разнохарактернымъ писателямъ; въ третьихъ, —онъ, зная правильность и опредѣлительность языка лучше всѣхъ современныхъ ему писателей, не зналъ стихотворныхъ оборотовъ или формъ онаго, и по тому часто Поэзія его казалась прозой. — Хотя не возможно составить понятіе по нѣсколькимъ выпискамъ о цѣлой Поэмѣ; однако для прозорливаго ума онѣ могутъ служить къ нѣкоторымъ догадкамъ, особенно при вѣрныхъ указаніяхъ; по сему постараемся выбрать нѣсколько изображеній соотвѣтствующихъ сей цѣли. Владиміръ, убѣжденный Греческимъ проповѣдникомъ и чудеснымъ явленіемъ, рѣшается принять Христіанскую вѣру; жрецъ Пламидъ коварствомъ вводитъ Князя въ затрудненія, проистекающія изъ господствующей его слабости.

—Устроено празднество въ храмѣ Лады; туда является Владиміръ:

Какъ тучи разогнавъ, являетъ солнце свѣтъ,
Съ такимъ величествомъ Владиміръ въ храмъ грядетъ.
Предходятъ ратники, оружія носящи
При солнечныхъ лучахъ, какъ молніи блестящи;
Ихъ шлемовъ чистота, щитовъ великихъ сталь,
Въ обширной *площади* огни бросаютъ вдаль;
Доспѣхи блесками подобятся зарницѣ;
Межъ ими шествуетъ Владиміръ въ колесницѣ;
Латонинъ будъ-то сынъ, источникъ свѣтлыхъ дней,
Четырехъ управлялъ вождями онъ коней,
Которы бѣлизной подобны снѣгу были. . . .
. . . .
Великолѣпія адъ придалъ торжеству;
Всегда онъ хочетъ быть подобенъ Божеству:
Кумирный храмъ своимъ сіяньемъ окружаетъ;
И въ ликахъ таинства небесъ изображаетъ.
Ступеней седьмь, и седьмь вкругъ идола столповъ,
Не тайну кажутъ числъ, но ходъ седьми грѣховъ;
Изчадія сіи тѣлесныхъ вожделеній,
Стоятъ имъ свойственныхъ въ лицѣ изображеній.
Имѣя видъ жены и нѣкій лестный взглядъ,
Подноситъ сладостный въ сосудѣ *Роскошь* ядъ;
Безстыдство тамъ въ вѣнцѣ, *Веселіе* въ порфирѣ;
Соблазны перстомъ бьютъ по многострунной *лирѣ*;
Желанье вьетъ вѣнки, подъемлясь на крылахъ;

И *Пресыщенье* спитъ на маковыхъ цвѣтахъ;
Являетъ *Гордость* входъ въ украшенну божницу.
Владиміръ обожалъ любовныхъ дѣлъ царицу;
Приноситъ жертвы ей, рука его дрожитъ,
Сомнѣніе какъ тма въ груди его лежитъ;
Богиню славитъ онъ, но помнитъ и явленье,
Страшится ей нанесть и небу оскорбленье.
Пламидъ сихъ помысловъ проникнувъ существо,
Даетъ рукою знакъ начати торжество. . . . .

И се къ подножію блистательнаго трона
Предстала первая прекрасная Вереона!
Владиміръ на нее едва, едва возрѣлъ,
Пронзила грудь его любовь быстряе стрѣлъ;
Живое Божество ему изобразилось,
Смутились вдругъ и сердце воспламенилось. . . . .

Сынъ Ладинъ въ воздухѣ взвивается крылами,
И напрягаетъ лукъ пернатыми стрѣлами:
Единою успѣлъ Владиміра пронзить,
Другою думаетъ Вереону поразить,
Какъ лучь въ водѣ, одна во князѣ погрузилась,
Другая какъ перо по воздуху носилась. . . . . . .

Далѣе поэтъ изображаетъ весьма живо, сильно и точно эпически козни жреца, страсть Князя, борьбу Вереоны разлучаемой съ Законестомъ, и потомъ торжество благочестія въ сердцѣ Владиміра, его раскаяніе, предстательство Архангела предъ престоломъ Божіимъ за кающагося Владиміра и:

Тогда явился Богъ, одѣянъ вѣчнымъ словомъ;
Связующую міръ рукою цѣпь держалъ,
И десять вкругъ его сіяло тѣхъ началъ,
Изъ коихъ создана великая вселенна;
Нетленна сила ихъ и сущность ихъ нетлѣнна;
Пять ранъ мессіиныхъ рождаютъ въ небѣ свѣтъ,
Изъ оныхъ жизнь на всю вселенную течетъ. ......

Свѣтись, Мессія рекъ, въ странѣ полночной свѣтъ!
И сѣверъ зрится весь сіяніемъ одѣтъ. . . . .
Владиміру уже коснулась благодать;
Но возражденья онъ еще былъ долженъ ждать.

Вотъ содержаніе третей пѣсни и завязка поэмы *Владиміръ!* Сіи выписки очень далеки отъ того, чтобъ оныя назвать лучшими мѣстами поэмы; и при всемъ томъ онѣ могутъ служить доказательствомъ, что Херасковъ былъ поэтъ, что *Владиміръ* его можетъ стоять въ ряду не многихъ новоклассическихъ поэмъ; отсюда видны и всѣ недостатки его; напримѣръ: неумѣстность *Латонина сына*, *источника дней*, не сообразность изображенія Ладина храма, *съ семью верьхами*, описаніе Леля по образцу Эрота и часто встрѣчаемые прозаическіе обороты. Но между тѣмъ здѣсь видны, можетъ быть, неумышленныя усилія поэта сбросить иго классицизма, и укло-

ненie къ Роману, выраженное любовною завязкою и свободнымъ участiемъ многихъ лицъ. Страсть къ нравоученiямъ посредствомъ изящнаго, родившаяся отъ неяснаго понятiя о значенiи Поэзiи, подражательное направленiе и тайный внутреннiй голосъ вѣковаго духа, стремившагося къ Историческому Роману, заставили Хераскова, произвести *Кадма и Гармонiю*, и *Полидора*. Сiи произведенiя хотя и не могутъ быть названы Романами въ точномъ значенiи сего слова; однако они всегда останутся незабвенны въ нашей Литературѣ, какъ первоначальные удачные опыты Романа, какъ памятники таланта, предчувствующаго будущее направленiе духа, какъ памятники рожденiя сего, столь важнаго и столь обильнаго въ нашъ вѣкъ, рода Словесности. Довольно легкая и прiятная нравоучительность, съ занимательностiю излагаемая ходомъ сихъ повѣствованiй, чистота, ровность и правильность прозаическаго языка, каковыя въ то время у не многихъ писателей можно было найти, объясняютъ намъ причину, по которой произведенiя, особенно первое, долго почти во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведенiяхъ были выучиваемы наизусть и вмѣ-

сті съ Россіадою разбираемы были, какъ самые правильные образцы.

Херасковъ уже чувствовалъ потребность легкой Поэзіи, и въ поэмѣ: Пилигримы, — а иногда и въ другихъ — оставлялъ эпическую важность; но какъ бы сознавая свою неспособность создать пріятнозабавное чтеніе, образовалъ прекрасный талантъ Богдановича, который подъ покровительствомъ сего Поэта-Мецената произвелъ *Душеньку*. Сей прелестный цвѣтокъ нашей Словесности называютъ переводомъ Лафонтеновой *Психеи*. Нужно ли и прилично ли здѣсь объяснять, что значитъ переводить? — Возмемъ лучшія мѣста изъ Душеньки, на примѣръ: прощанье Душеньки, ея странствованія, покушенія на жизнь, гнѣвъ и жалоба Венеры; ревнивыя выходки сей послѣдней, наряды той и другой; и поищемъ оныхъ въ Психеѣ. Что жъ окажется? — Лафонтенъ и Богдановичъ — оба пародировали Овидія; но одинъ дѣлалъ это для Французовъ, а другой для Русскихъ; и потому тотъ важныя древнемиѳологическія представленія облекалъ въ формы обыкновенныя повседневно Французскія; а сей тѣ же самыя представленія соединялъ съ мелочными Русски-

ми, одѣвая, на примѣръ, *Венеру* въ *Сарафанъ* и покрывая ее *фатою*. Это два различныхъ школъ живописца, которые сходствуютъ только въ томъ, что оба изобразили одинъ предметъ съ какимъ то добродушнымъ остроуміемъ; но одинъ выказалъ свое остроуміе болѣе въ драпировки картины, а другой въ положеніи лицъ.

Богдановичь кажется, желалъ произвесть *классикоэпическую* Поэму для *своего вѣка*; ему представилась тьма несообразностей и противорѣчій между условіями таковой поэмы и требованіями современнаго вкуеа; отсюда родилась мысль служащая основою *Душеньки*, въ которой явилась *Пародія* на новоклассическую эпопею, но эта вообще очень рѣзкая и вѣрная Пародія, изображающая борьбу *древней судьбы* съ *новыми чувствованіями* не отгадана современниками, потому что она была слишкомъ смягчена *Юморизмомъ*; доказательствомъ сему можетъ служить разборъ Душеньки, сочиненный Карамзинымъ. Мысль о преобразованіи словесности проявлялась и въ другихъ произведеніяхъ Богдановича; для сего написана Комедія *Радость Душеньки* и Драма; *Славяне*; но

онъ не ясно видѣлъ свою цѣль, и не достигъ оной.

Послѣ сего наша эпопея получила совершенно другое направленіе, или лучше сказать совсѣмъ умолкла; а вмѣсто оной явились Поэмы Лирикоописательныя и Комическія, Сказки и Повѣсти. *Бобровъ*, смотря на величественную природу Тавриды, которая сама по себѣ есть истинно изящная поэма Творца, богатая Историческими воспоминаніями, создалъ намъ совсѣмъ новаго рода Поэму, — *Херсониду*, — въ которой его своевольный геній представляетъ въ живыхъ, естественныхъ картинахъ, разставленныхъ безъ всякаго Искусства, все, что можетъ обозрѣть самый зоркій глазъ съ высокаго чела *Чатырь-дага*, все, что пронесли вѣки мимо сего великана. И такъ *Херсонида* должна бы принадлежать цѣлому человѣчеству; ибо она изображаетъ рядъ великихъ воспоминаній, относящихся къ Исторіи онаго, въ слитномъ смѣшеніи съ явленіями, составляющими Исторію природы; но она забыта и соотечественниками, потому что въ ней не видно и слѣдовъ изящнаго искусства. Таковы всѣ

произведенія Боброва; онъ въ лирикѣ повѣство-ватель и въ повѣствованіи великій лирикъ.

Въ противоположность ему *П. Сумароковъ* далъ Поэмѣ Комическое, Сказочное направленіе. *Эротъ лишенный зрѣнія* или *Дурачество и любовь*, *Осѣдланный Философъ*, *Альнаскаръ* и д. произведенія его представляютъ торжество свободной легкой Поэзіи надъ обветшалыми правилами старыхъ піитикъ, которыя такъ далеко отстали отъ успѣховъ Генія Поэзіи, что даже возбуждаютъ смѣхъ, и походятъ на дряхлаго старика, который, сидя отъ изнеможенія, учитъ рѣзвоскачущее дитя бродить съ *ноги на ногу*. Двѣ первыя поэмы, относительно хода словесности, могутъ быть почтены продолженіемъ *Душеньки*; жаль, что по излишнему своевольству, онѣ иногда отступаютъ отъ благородства въ способахъ общаго изображенія. Поэтъ, кажется, слишкомъ былъ увлеченъ комическими поэмами: *Елисей* и *Игрокъ Ломбера*, *Майкова*, современника Александру Сумарокову, въ которыхъ слишкомъ односторонне изображается веселость Русскаго народа, и самый руссицизмъ бываетъ доведенъ до крайности, а часто встрѣчаются такія мѣ-

ства, которыя оскорбляютъ чистый образованный вкусъ. Во всѣхъ Поэмахъ Сумарокова языкъ и стопосложеніе свободны, легки; но не всегда согласны съ требованіями Грамматики и чистымъ вкусомъ.

Наконецъ сей родъ Поэзіи доведенъ до народной Сказки *И. И. Дмитріевымъ*, который умѣлъ соединить простоту съ такимъ благородствомъ, каковое достойно подражанія и въ высшихъ родахъ Поэзіи. Нѣкоторые изъ нашихъ Критиковъ-Писателей даютъ первенство Лирической Поэзіи Дмитріева предъ прочими его произведеніями, другіе особенно превозносятъ его Басни; но если бы сего писателя надобно было назвать по роду сочиненій его, то, по моему мнѣнію, пропустивъ его возвышенныя Оды, прекрасно разсказанныя Басни, превосходныя Сатиры, должно бы сказать: это прелестный, милый, забавно нравоучительный Сказочникъ. Надобно помнить, что Дмитріевъ оканчиваетъ, а не начинаетъ періодъ сей; и потому мы будемъ къ нему взыскательнѣе, нежели къ предшественникамъ его; но при самой придирчивой взыскательности не много можно найти въ немъ погрѣшностей, ежели Сказки

*

будемъ судить его по законамъ того періода, въ которомъ онъ жилъ, какъ писатель. Мы видѣли его, какъ Лирика, увидимъ, какъ Баснописца; но здѣсь онъ является, какъ сочинитель Сказокъ, въ самомъ яркомъ, въ самомъ завидномъ блескѣ: онъ вездѣ искусственъ до излишества; но здѣсь простота, откровенная говорливость, мимолетная острота и необыкновенная естественность отступленій, тѣсно связанныхъ съ главною мыслію, составляютъ его характеристику. Конечно Сказка не должна довольствоваться сими качествами; она обязана развивать простой народный бытъ, жизнь и повѣрья; но, повторяю, Дмитріевъ *Литературно* жилъ въ классическомъ вѣкѣ, когда все близкое, доступное, народное было оставлено для прозы. И такъ смотрите жъ, какъ онъ далеко ушелъ изъ своего міра; онъ осмѣлился пѣть простой бытъ; тогда какъ общество требовало эпопеи; и сія то эпопея является въ формѣ Сказки! Его спасли отъ неудачи только эпическая *Чудесность* и *Сатира*, вплетенныя въ разсказъ съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Онъ въ сказкѣ дѣйствовалъ уже по идеи новой словесности; но выполнялъ требованія оной

способами старой школы — пластическимъ изображеніемъ внѣшностей, тѣсно связанныхъ съ нравами, причудами, съ душею Героевъ: напримѣръ вотъ какъ онъ изображаетъ мечтательность *Причудницы:*

. . . . Однажды, вечеркомъ,
Сидитъ, облокотясь, Вѣтра подъ окномъ,
И возведя свои уныло-ясны очи
Къ задумчивой Лунѣ, сестрицѣ смуглой ночи,
Груститъ и думаетъ: Прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та счастливая страна,
Гдѣ матушка моя ликуетъ? . . .

И съ этой мыслью вдругъ Всевѣда ей предстала.
Здорово дитятко! Вѣтранѣ говоритъ:
Какъ поживаешь ты? . . Но что твой кажетъ видъ!
Ты такъ стара, такъ похудѣла!
И бывши розою, какъ лилія блѣдна! . . . .
. . . . . . Матушка! отвѣтствуетъ она:
Я жизнь мою во скукѣ трачу;
Настанетъ день, тоскую, плачу;
Покроетъ ночь, опять грущу,
И все чего то я ищу.
— Чего же свѣтикъ мой? Или ты не здорова? . . . .
Чего же, глупенькая, тебѣ недостаетъ! —
Признаться, матушка, мнѣ такъ наскучилъ свѣтъ,
И такъ я все въ немъ ненавижу,
Что то одно и сплю и вижу,

Чтобъ какъ нибудь попасть отсель
Хотя за тридевять земель;
Да только чтобъ все въ глазахъ моихъ блистало
Все новостію поражало
И рѣдкостью мой умъ и взоръ,
Гдѣ бъ разныхъ дивностей соборъ
Представилъ былъ, какъ небылицу . . . . . .

Прочитывая Сказки Дмитріева, найдемъ почти на каждой страницѣ подобные и еще лучшіе стихи, которые приличны предмету, приличны и Сказкѣ, но сказкѣ высшаго тона. Видно, что сіи произведенія явились въ слѣдъ за Эпопеею, которая уже не совсѣмъ нравилась измѣняющемуся обществу; между прочимъ въ нихъ встрѣчаются и такія мѣста, которыя со всѣмъ переселяютъ читателя въ чудесный міръ эпическій; въ которыхъ поэтъ, какъ будто бы боясь простотою унизить себя предъ читателями Хераскова, на минуту возноситъ ихъ съ Воробьевыхъ горъ на высоты Парнасскія; напримѣръ;

Вѣтрана чувствуетъ пріятну томность сна,
Спускается на пухъ изъ розъ въ сплетеномъ нишѣ,
И въ тотъ же мигъ смычекъ невидимо запѣлъ,
Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ сидѣлъ;
Смычекъ часъ отъ часу пѣлъ тише, тише, тише,
И вмѣстѣ, наконецъ, съ Вѣтраною уснулъ.

Прошла спокойна ночь. Натура пробудилась;
Зефиръ вспорхнулъ,
И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ воскурилась;
Взыгралъ и солнца лучъ и голосъ соловья,
Слїянный съ сладостнымъ журчанїемъ ручья
И съ шумомъ рѣзваго фонтана,
Воспѣлъ: проснись, проснись счастливая Вѣтрана!

По всюду чудеса Вѣтрана обрѣтала:
Гдѣ только ступитъ, —роза расцвѣтала;
Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны дерева,
Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава,
Отъ солнечныхъ лучей какъ бархатъ отливаетъ;
Тамъ рѣчка по песку златому протекаетъ;
Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
Мелькаютъ рыбы золотыя;
Тамъ птички гимнъ поютъ природѣ и веснѣ. . . .

Въ подобныхъ мѣстахъ Дмитрїевъ, повторяя Богдановича, часто бываетъ возвышеннѣе его. И такъ народныя ли это Сказки? Нѣтъ! Онѣ писаны не для цѣлаго народа, а для *Москвы;* и составятъ вѣковое достоянїе оной. Что же касается до частныхъ формъ и стихотворнаго языка, то Дмитрїевъ можетъ почесться уже преобразователемъ оныхъ; ибо прежде его даже Ломоносовъ и Державинъ не рѣдко выражались прозаически; а послѣ Дмитрїева стихотворное искуство до того доведено, что весьма часто встрѣчаемъ прелест-

ные стихи совсѣмъ безъ Поэзіи. Слѣдовательно стиходѣліе и для мелкихъ писателей теперь не составляетъ труда.

Повѣсти. Въ то время, когда Херасковъ думалъ создать Романъ, *Эминъ*, знавшій хорошо многія Европейскія и Азіатскія Литературы, писалъ уже повѣствованія, которыя замѣчательны впрочемъ только потому, что они суть первые опыты въ семъ родѣ на Русскомъ языкѣ. Нѣкоторые пробовали замѣнить недостатокъ сей пріятной отрасли Словесности переводами съ другихъ языковъ; но безвкусіе, слабость въ знаніи языка, выборъ книгъ, переводъ, препятствовали распространенію чтенія. Наконецъ является Карамзинъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ въ его пылкую, нѣжную душу запала мысль — *пріучить соотечественниковъ своихъ къ Русскому чтенію!* Мысль высокая, желаніе благородное! Для выполненія сего нуженъ великій талантъ и неутомимое трудолюбіе. Однако Карамзинъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Все, сдѣланное имъ для Русской Литературы, принадлежитъ къ обозрѣнію прозы; а здѣсь должно упомянуть только о его Повѣстяхъ въ отно-

шенія къ Поэзіи. Важность и заслуга Повѣстей Карамзина состоятъ не въ томъ, что онъ первый, какъ говорятъ и пишутъ непонимающіе его партизаны, началъ писать *Повѣсти, правильнымъ, чистымъ, легкимъ Рускимъ языкомъ; и притомъ писалъ много*. Нѣтъ! Повѣсти или Романы *давно уже писалъ* Херасковъ, и по объему написалъ въ семъ родѣ *болѣе* нежели Карамзинъ; Фонъ-Визинъ за двадцать лѣтъ до Карамзина писалъ уже языкомъ правилвнымъ, чистымъ и довольно легкимъ; такъ что у него уже не видно растянутыхъ Латинскихъ періодовъ и тяжелаго медленнаго словотеченія. Если поставить Карамзина, относительно языка, между Фонъ-Визиномъ и Пушкинымъ или Марлинскимъ; то онъ, не смотря на всю прелесть его слога, къ первому будетъ ближе, нежели къ послѣднимъ. *Подшивааловъ*, современникъ Карамзина, и кажется нѣсколько предупредившій его, писалъ болѣе правильнымъ и чистымъ и почти столь-же легкимъ языкомъ, какъ Карамзинъ. Языкъ безпрестанно шелъ въ усовершеніи своемъ, и всякій умный и образованный сочинитель вносилъ что либо новое въ употребленіе онаго.

Карамзинъ же, бывъ образованнѣе современныхъ ему писателей и знавъ хорошо Европейскія Литературы, началъ употреблять обороты, извѣстные въ другихъ языкахъ, но непринятые въ Русскомъ; и тѣмъ умножилъ богатство формъ выраженія; онъ увеличилъ число прекрасныхъ произведеній Словесности. Это дѣло почти случайное, невольное! Но главная его заслуга и преимущество предъ другими писателями состоятъ въ томъ, что онъ, отгадавъ вкусъ современнаго общества, старался писать такъ, чтобъ каждое его произведеніе, всякая идея, всякое выраженіе были понятны и нравились *его* читателямъ, образованнымъ по Французской Литературѣ и напитаннымъ идиллическими правилами Эмиля. Вотъ по чему всѣ дѣйствователи его Повѣстей чувствуютъ, мыслятъ и дѣйствуютъ, какъ Идиллическіе Пастухи и Пастушки, и всѣ Повѣсти имѣютъ характеръ небывалой Аркадской простоты. А какъ онъ писалъ для Русскаго, хотя и офранцузившагося, общества, и самъ, не смотря на классико-Французское образованіе ума, въ сердцѣ оставался *Русскимъ*: то въ описаніяхъ и разсказѣ много имѣетъ народнаго, *Русскаго*; отъ того въ

Повѣстяхъ его часто встрѣчается какая то смѣсь Русско-Романтическаго съ Французско-классическимъ. Онъ не создалъ народной Литературы, однако намекнулъ *на нее*; именно: въ сочинителѣ мы часто узнаемъ наше родное, Русское; а герои и героини Повѣстей всѣ, безъ различія вѣка и націи, суть питомцы Жанъ Жака Руссо. По чему жъ Карамзинъ не создалъ собственно *Русской Повѣсти*, равно какъ и другихъ родовъ Словесности? — Потому что онъ *хотѣлъ пріучить къ чтенію свое общество*, которое еще не было готово къ принятію другой Литературы. Онъ самъ, не помню гдѣ, сказалъ: *если бы я писалъ не такъ, меня бы не поняли.* И безъ того его обвиняли за нововведенія. Пересоздать же общество, и дать оному другой духъ, новое направленіе, онъ не былъ способенъ; для сего нуженъ смѣлый могущественный геній. За чѣмъ требовать отъ писателя, и приписывать ему то, что выше его силъ? — А Карамзинъ, сознавая свои силы болѣе, нежели его подражатели безотчетные, успѣлъ сдѣлать болѣе, нежели можно требовать отъ таланта его. Дѣйствуя для свого вѣка, онъ много сдѣлалъ и для насъ, если бы

онъ явился позже, то иначе бы и дѣйствовалъ. Доказательствомъ сего могутъ быть собственныя его слова. Въ Повѣсти: Юлія, онъ обращаяся къ читателю, говоритъ: »Вы скажете, »что въ рыцарскія времена любили иначе — Го»судари мои! Всякій вѣкъ имѣетъ свои обычаи: »мы живемъ въ осьмомъ-надесять! — « Подобныя обращенія къ читателю среди Повѣсти, а иногда и длинныя съ нимъ бесѣды о характерѣ повѣствованія, слишкомъ часто встрѣчаются у Карамзина; а это доказываетъ, что онъ понималъ противурѣчія въ требованіяхъ современнаго и послѣдующихъ поколеній. Такъ, здѣсь онъ дѣйствовалъ болѣе по сознанію, нежели по чувству, болѣе для другихъ, нежели для себя; однако иногда невольно выражается у него Романтическая таинственность, какъ напримѣръ, въ грустныхъ мечтахъ *Юліи* о супругѣ своемъ, въ пророчествахъ Старца *Дремучаго лѣса*, и т. п.. Симъ онъ нравился, возрождавшемуся тогда, новому поколѣнію. Если такъ смотрѣть на заслуги Карамзина; то слава его переживетъ всѣ партіи; а ежели въ потомство перейдутъ только безотчетныя похвалы, то оныя будутъ недолговѣчнѣе самыхъ

хвалителей. Впрочемъ мы объ немъ болѣе скажемъ въ обзорѣ прозы. Всѣ оригинальныя Повѣсти Карамзина можно раздѣлить на два разряда; однѣ имѣютъ Русское содержаніе: — *Бѣдная Лиза*, *Наталья Боярская дочь*, *Марфа Посадница*, и не доконченная стихотворная Сказка: *Илья Муромецъ*; а другія — неопредѣленное, идеальное общее: — *Прекрасная Царевна и щастливый Карла*, *Дремучій лѣсъ*, *островъ Борнгольмъ*, *Юлія* (хотя дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ), и *Сіерра-Морена* (дѣйствіе въ Испаніи). Надобно замѣтить одинъ весьма важный общій въ его Повѣстяхъ недостатокъ, состоящій въ томъ, что изображеніе страстей часто удаляется отъ дѣвственной скромности и чистоты нравовъ, — чѣмъ онъ, кажется хотѣлъ щеголять. — Переведенныя имъ Повѣсти *Мармонтеля*, *Жанлисъ* и другихъ писателей, отличаются тоже легкостію и прелестію языка.

Дидактическая Поэзія, какъ слѣдствіе большихъ соображеній, опытовъ и наблюденій надъ успѣхами просвѣщенія и общежитія, не могла въ семъ періодѣ дойти до значительнаго совершенствованія; особенно же это мо- Дидактическая Поэма.

жно сказать о *Дидактической поэмѣ.* Первый опытъ въ семъ родѣ: *Посланіе о пользѣ стекла* — къ Шувалову — Ломоносова, можетъ служить только доказательствомъ, что сочинитель глубоко изучилъ природу и имѣлъ неистощимое богатство мыслей. *Поповскій* весьма удачно перевелъ *Опытъ о человѣкѣ Попа, Посланіе къ Пизонамъ Горація;* но это чужое! Херасковъ написалъ Поэму: *Плоды Наукъ.* И сія то Поэма не смотря на холодные Логическіе выводы, составляющіе оную, не смотря на мелочныя подробности въ описаніяхъ, есть лучшая въ нашей Литературѣ.

Сатира.

Хотя нельзя сказать, что Словесность наша богата Сатирою, относительно количества; однако мы имѣемъ превосходные образцы въ семъ родѣ, кромѣ того, что самая комедія, въ продолженіи всего этого періода, имѣла характеръ, болѣе свойственный Сатирѣ нежели Драмѣ. — Мы видѣли, что еще Сумароковъ силился произвести Сатиру; но онъ далеко отсталъ отъ Кантемира, и уронилъ оную до браннаго Пасквиля. Иногда онъ изображалъ слишкомъ общіе, или даже совсѣмъ чуждые нравы.

Сатира требуетъ вѣрнаго знанія народной

нравственности. Послѣ Кантемира нравы измѣнились; и Сатирѣ нужно было обновленіе. Фонъ-Визинъ первый далъ ей вѣрное направленіе. Духъ Сатиры водилъ перомъ сего остроумно геніальнаго писателя во всѣхъ его произведеніяхъ; такъ что и извѣстное его *Слово, говоренное въ Духовъ день Іереемъ Власіемъ*, наполнено мыслями Сатирическими и замѣчаніями простыми, но остроумными, и Комедіи его по духу своему ближе къ Сатирѣ нежели къ Драмѣ, и, такъ называемая, *Исповѣдь*, и даже Письма дышатъ Сатирою и изобилуютъ острыми нравоописательными замѣчаніями. Но собственно съ симъ назначеніемъ написаны: *Посланіе къ слугамъ моимъ*, *Матюшка разнощикъ* и *Опытъ придворной Грамматики*. Онѣ, кромѣ превосходствъ и совершенствъ, общихъ съ другими Сатириками, имѣютъ то преимущество предъ другими, что смѣло караютъ пороки и предразсудки общіе цѣлому сословію, народу и вѣку, а не случайныя слабости и недостатки немногихъ лицъ, что болѣе свойственно Баснѣ и особенно Комедіи. Слѣдовательно Фонъ-Визинъ продолжалъ начатое Кантемиромъ: возвысилъ и разпростра-

нилъ значеніе сего рода Словесности, далъ ему легкое, естественное и пріятное выраженіе. Впрочемъ на сіи Сатиры нельзя указать, какъ на образцы достойные изученія, во первыхъ — потому что онѣ имѣютъ слишкомъ рѣзкій тонъ, во вторыхъ — потому, что, карая предразсудки и пороки, иногда осмѣиваютъ нравы и и мнѣнія, освященные временемъ и получавшіе право законности. Княжнинъ смягчилъ Сатиру въ семъ отношеніи; но онъ уронилъ оную въ слогѣ и общей формѣ; часто обращаетъ ее противъ тѣхъ людей, которые не подлежатъ Сатирѣ, ниже всякой Литтературы и слишкомъ далеки отъ оной; часто, изображая комическіе Характеры, даетъ ей значеніе комедіи. *Нахимовъ* превзошелъ всѣхъ нашихъ Сатириковъ ѣдкостію рѣзкаго тона и какою то убійственною остротою въ изображеніи порока и странностей; но его произведенія, со стороны выраженія, чужды всякаго благородства и противурѣчатъ чистому образованному вкусу. Они кипятъ безмѣрнымъ негодованіемъ; и тамъ, гдѣ нужно только смѣяться, сочинитель сердится. Князь *Долгорукій* не хотѣлъ быть Сатирикомъ; но Сатира сама собою вылилась изъ тихой и доброй души

его; кажется, никогда искусство не может соединить столь легко и столь естественно рѣдкую остроту мыслей съ безпримѣрною простотою и благородствомъ, каковыми отличается Долгоруковъ, и которыя не стоили ему не только труда и усилій, но даже предварительной обдуманности. Онъ колитъ мимоходомъ; часто, смѣясь надъ собою, дѣлаетъ смѣшными порокъ и предразсудокъ. Послѣ сего оставалось дать Сатирѣ правильность и прямое назначеніе; чтобъ она могла быть узнана и самымъ недогадливымъ. Сіе окончательное совершенствованіе оной выполнилъ *И. И. Дмитріевъ*: онъ не сердится, не бранится, даже не смѣется въ своей Сатирѣ и не проговаривается по неосторожности; а просто, притворившись человѣкомъ, не понимающимъ своихъ недостатковъ и слабостей, разсказываетъ о нихъ, какъ о дѣлѣ важномъ, какъ о совершенствахъ; но такъ живо, такъ ясно все смѣшное выказывается изъ подъ мнимаго простосердечія, — что и непрозорливый устыдится имѣть сходство съ симъ изображеніемъ; на примѣръ:

Что за диковинка? Лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,

Со всеусердіемъ все Оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ ни гдѣ не слышимъ!
. . . .
Ужъ самая торжественная Ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ,
Судитежъ сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье —
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я Оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
Въ Стихахъ реляція! Прекрасно! . . . . а зѣваю!
Я бросивши ее, другую разкрываю,
На праздникъ, иль на что подобное тому;
Тутъ найдешь то, чегобъ нехитрому уму
Не выдумать и въ вѣкъ: зари багряны персты,
И райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отверсты!
Такъ громко, такъ высоко! . . . . а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ! . . . . .

Но и Дмитріевъ, давъ Сатирѣ правильную форму и опредѣлительность, сохранивъ благородство, отъ излишней осторожности стѣснилъ значеніе оной изображеніемъ частныхъ характеровъ комическихъ, и недостатковъ болѣе

сшранныхъ и забавныхъ, нежели вредныхъ, которые должна поражашь Сашира. — Въ слѣдъ за ними явились многіе весьма удачные подражашели, напримѣръ: *Капнистъ, Воейковъ* и другіе; но всѣ они, обогащая Лишерашуру своими произведеніями сего рода, ни сколько не способсшвовала ходу оной; и пошому Саширы ихъ могушъ служишь образцами, при чшеніи правилъ, а не могушъ имѣшь мѣсша въ Исшоріи Словесносши.

Милоновъ наконецъ развилъ сію ошрасль Словесносши до возможнаго разнообразія и совершенсшва, каковыхъ шолько можно желашь при классическомъ направленіи оной; — и ежели случаешся, чшо онъ бываешъ слово-охошнѣе и богашѣе мыслями, говоря о писашеляхъ и преимущесшвенно о Поэшахъ, или даже ошъ изображенія нравовъ невольно сбиваешся на исправленіе плохихъ сшихошворцевъ; шо эшо происходишъ ошъ шого, чшо Сашира шребуешъ современнаго машеріала, изображенія живыхъ нравовъ, дѣйсшвишельнаго міра; а классицизмъ чуждаешся современносши и народносши; по сему Саширикъ классическаго образованія и направленія, борясь съ симъ зашрудненіемъ, любишъ говоришь о Поэшахъ, сосшавляющихъ міръ клас-

сическій. Потому то *Фонъ-Визинъ* и превосходитъ всѣхъ своихъ сподвижниковъ сего періода, что онъ изображаетъ современный міръ. — Милоновъ списываетъ картины нравовъ такъ точно какъ прозаикъ; и только потому онъ поэтъ, что вымышляетъ положенія лицъ и, вмѣсто цѣлаго общества, показываетъ представителей онаго, являющихся въ нарядѣ пороковъ, недостатковъ и слабостей современныхъ. Вотъ какъ онъ характеризуетъ Сатиру:

Смирись, разсудокъ мой, къ чему такое рвенье?
Сатира для людей худое наставленье!
Съ симъ страшнымъ ремесломъ ты будь всегда готовъ
Пріязни рушить связь, нажить себѣ враговъ;
Всѣ скажутъ о тебѣ: насмѣшникъ сей несчастный
Есть язва общества, умъ вредный и опасный;
Бѣги его, страшись! для остраго словца
Готовъ онъ уязвить и матерь и отца!
И тѣ, которые слывутъ тебѣ друзьями
И смѣлыми подъ часъ плѣняются стихами,
Въ обиженномъ лицѣ портретъ увидя свой,
Смѣяся въ слухъ надъ нимъ, а тайно надъ тобой,
Къ толпѣ твоихъ враговъ тотчасъ передадутся
И дружества съ тобой подъ клятвой отрекутся.
Сатира, въ коей желчь и злоба лишь видна,
Безъ пользы для другихъ, писателю вредна.
Исправить ли порокъ насмѣшкою одною,

Стихи ль подѣйствуютъ надъ злобною душою?
Напрасно! всѣ труды останутся вотще!
Такія чудеса не слыханы еще!
Ты будешь обличать Грабилина злодѣйства,
Имъ разоренныя исчитывать семейства:
Что нужды? хищникъ сей покоя и добра,
Иль другъ съ вельможами, иль силенъ у Двора;
Хоть всѣми бранными осыпь его словами,
Онъ откупъ новый снялъ, сравненъ съ полубогами,
И день и ночь пиры друзьямъ своимъ даетъ,
На коихъ, крокодилъ, онъ кровь и слезы пьетъ.
Ты скажешь, на судѣ предъ взорами Клеона
Уснула грозная блюстительность закона,
Невинный осужденъ, оправданъ плутъ, а онъ?
Онъ знатенъ, онъ богатъ! на что ему законъ?
Суда для сильныхъ нѣтъ! Онъ слабымъ лишь ужасенъ!
Преступникъ чѣмъ знатнѣй, тѣмъ болѣ безопасенъ.
Явиться ль въ общество осмѣивать порокъ,
Иль юности давать спасительный урокъ;
Бранить невѣжество, пустую знатность рода,
Чтожъ будетъ? всѣ тебя въ немъ примутъ за урода,
Который должнаго почтенья не хранитъ,
И смѣло знатному о чести говоритъ.
Писателей дурныхъ исправить ты желаешь?
Вотъ цѣль премудрая! какъ будто выставляешь
Себя лишь одного для нихъ ты образцемъ....
Страшись, страшись, толпы разсерженныхъ пѣвцовъ,
Ужъ громъ ихъ на тебя обрушиться готовъ!

Неистовый порокъ обиды не прощаетъ,
И гибельный конецъ злословье ожидаетъ.
Но тише — ты въ отвѣтъ и въ споръ со мной идешь;
Ты видъ злорѣчію совсѣмъ иной даешь;
Когда бы, напримѣръ, въ горячности безмѣрной
Открылъ предъ свѣтомъ я тотъ путь неимовѣрной,
По коему достигъ Рубеллій до честей,
Сталъ властвовать людьми, рабъ низкій всѣхъ страстей;
Когда бы гнусную сорвавъ съ него личину,
Я подлыхъ дѣлъ его открылъ хоть половину,
И въ видѣ собственномъ представивъ на позоръ,
Ужасный произнесъ надъ нимъ бы приговоръ; —
Когда бы обличилъ я страшны злодѣянья,
Которы въ позднія минуты покаянья,
Ханжихинъ, устрашась и смертныхъ и Боговъ,
Смиренно облачилъ въ монашескій покровъ;
Когда бы, позабывъ къ прелестнымъ уваженье,
Всѣхъ тайнъ Кокеткиной я сдѣлалъ откровенье,
Иль жизнь Распутина порочить сталъ бы въ слухъ,
Какъ въ ветхой хижинѣ храня онъ бодрый духъ,
И мудрость съ ранними обрѣтши сѣдинами
Насъ жалкими о ней смѣшитъ проповѣдями:
По праву бъ ты меня злорѣчивымъ назвалъ.
Но чтобы надъ глупцомъ смѣяться я престалъ,
Чтобъ Вадія стихи внимая на мученье,
Я могъ выказывать въ лицѣ моемъ терпѣнье;

Чтобъ стоя съ низостью предъ знатнымъ подлецомъ,
Престалъ бы соглашать я сердце съ языкомъ;
На это нѣтъ моей покорности тебѣ. . . .

Таковъ былъ ходъ Сатиры у насъ въ минувшемъ послѣднемъ періодѣ; и такъ неправильно измѣнялась она, безпрерывно выигрывая въ одномъ и теряя въ другомъ отношеніи. Но несравненно правильнѣе шла Басня. Послѣ тяжелыхъ подражательныхъ *притчей Сумарокова*, непосредственно являются Басни *Хемницера*. У перваго она груба, изыскана, и походитъ на разсказъ ученаго дитяти, который, заучивъ множество правилъ и наставленій, спѣшитъ сообщать оныя другимъ, — и не привыкши согласовать важную истину съ легкими формами, разсказываетъ натянуто и учитъ не назидательно; у втораго она простымъ, непринужденнымъ, прямо изъ природы почерпнутымъ, разсказомъ неизбѣжно разитъ порокъ и странности, какъ бы невзначай. Главная характеристика Басни есть назидательно осмѣивающая Аллегорія — иносказаніе. Она почерпается изъ всеобщей природы, которая проявляетъ собою всю постепенность свойствъ человѣче-

скихъ, какъ напримѣръ: въ зайцѣ робость, въ ослѣ глупость, въ орлѣ смѣлую возвышенность помысловъ и т. п. А какъ законы природы и отношенія оной къ человѣку вездѣ и всегда были и будутъ одинаковы и непреложны; то и Басня въ идеяхъ не можетъ имѣть народности; она только по формѣ и способу изложенія можетъ ознаменовать характеръ вѣка и народа. Вотъ по чему въ семъ родѣ Словесности мы встрѣчаемъ удивительное сходство писателей отъ Езопа до Крылова; и по сей же причинѣ часто оригинальныхъ баснописцевъ почитаютъ подражателями. Должны ли мы называть подражателемъ того, кто, услышавъ прекрасное пѣніе, по естественной наклонности почувствуетъ охоту къ подобному дѣйствію; и сначала будетъ только повторять слышанное; а потомъ уже, предавшись свободно влеченію своей страсти, будетъ выполнять свои идеалы по своимъ силамъ и способамъ? Ежели это подражатель, то никогда не было и не будетъ оригинальныхъ писателей! Такъ и Хемницеръ *захотѣлъ писать Басни* потому, что прочиталъ прекрасные образцы; но *писалъ* оныя въ послѣдствіи потому, что не могъ скрыть

своихъ помысловъ, потому, что душа хотѣла излиться, хотѣла жить въ твореніяхъ. Онъ творилъ не для славы; ибо имя его какъ писателя сдѣлалось извѣстно уже по смерти. Ни кто изъ нашихъ Баснописцевъ, ни даже самъ Крыловъ, не могъ превзойти его въ этой непринужденной, истинно Езоповской, простотѣ, которою отличаются его Басни; напримѣръ:

Соловей и Чижъ.

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И Чижъ и Соловей висѣли,
И пѣли.
Лишь только Соловей бывало запоетъ,
Сынъ маленькой отцу проходу не даетъ:
Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Что этакъ хорошо поетъ.
Отецъ обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.
Ну, говоритъ; узнай мой свѣтъ!
Которая тебя такъ много забавляетъ?
Тотчасъ на Чижика мальчишка указалъ.
Вотъ, батюшка! Она, сказалъ,
И мальчикъ отъ Чижа въ великомъ восхищеньи:
» Какія перышки! куда какъ онъ пригожъ!
» За тѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!«
Вотъ дѣтско разсужденье!
Да полно, и въ житействѣ тожъ
О людяхъ многіе по виду заключаютъ:
Кто нараженъ, богатъ, пригожъ,
Того и умнымъ почитаютъ.

Таковъ Хемницеръ вездѣ! Басни его просты, естественны, неизысканы, какъ сама истина; но у него недоставало правильности, связности и легкости въ формахъ. Образованіе стихотворнаго языка принадлежитъ Дмитріеву, какъ мы уже видѣли. Въ семъ отношеніи и Басня много ему обязана; — Мерзляковъ говоритъ: »Дмитріевъ отворилъ имъ (Баснямъ) *двери въ просвѣщенныя, образованныя общества, отличающіяся вкусомъ и языкомъ.*« Этого мало: Его Басни, на ряду съ другими его произведеніями, внесли въ сіи общества образованный вкусъ; ибо дотолѣ у насъ не было совсѣмъ разговорнаго языка, который бы соединялъ благородство съ простотой; Дмитріевъ говоритъ о дѣлахъ житейскихъ просто, легко, живописно, и не только странности, причуды и слабости людей, но даже поступки, унижающіе ихъ до животныхъ безсмысленныхъ, изображаетъ языкомъ, который принятъ теперь въ самыхъ блестящихъ гостиныхъ. Продолжать ли далѣе опредѣленіе характера Басенъ сего писателя? — Заслуги, оказанные имъ нашей Словесности, и уваженіе за оныя налагаютъ на меня обязанность быть скромнымъ, а званіе

руководителя юности требуетъ истины. И такъ, всмотрѣвшись въ сіи произведенія Дмитріева, нельзя не замѣтить въ писателѣ Вельможу; онъ служитъ только не большему количеству читателей, неудостоивая другихъ учить своими прекрасными уроками. Этому способствовали и самыя обстоятельства. *А. Е. Измайловъ*, чувствуя недостатокъ чтенія для низшаго общества, началъ писать такъ, что люди образованные не могли совсѣмъ читать его. Надобно согласиться, что писатель сей имѣлъ необыкновенный талантъ, который впрочемъ онъ часто употреблялъ во зло. Басни его отличаются какою то рѣзкою особенностію, которая въ противоположность, такъ сказать, аристократическаго тона доходила иногда до грязной народности. И если бы онъ облагородилъ или смягчилъ выраженіе низкой природы; то могъ бы со славою окончить сей періодъ.

Успѣхи драматическаго искусства никогда не могутъ, по самому существу онаго, предупредить совершенства другихъ родовъ Поэзіи. Этого мало: Драма тѣсно связана съ ходомъ Исторіи и даже высшихъ родовъ прозы. Наконецъ сей родъ Поэзіи, какъ совокупность всѣхъ Драма.

изящныхъ искусствъ вещественныхъ и словесныхъ, имѣя цѣлію не простое прочтеніе немногихъ лицъ, а живое повтореніе дѣлъ предъ народомъ, требуетъ многихъ условій: степень охоты и любви къ зрѣлищамъ, степень общаго вкуса и образованности или содѣйствуютъ направленію и ходу Драмы, или затрудняютъ оные; слѣдовательно самые успѣхи общежитія и характеръ онаго, искусство актеровъ и устройство Театра имѣютъ вліяніе въ образованіи драматической Поэзіи. Всѣ эти условія въ началѣ сего Періода у насъ только рождались: Литературы почти не было; общежитность еще не устроилась; Русскій Театръ и самое первоначальное основаніе получилъ только въ концѣ царствованія Елисаветы; вкусъ не имѣлъ твердыхъ началъ, общественное мнѣніе еще совсѣмъ не рождалось; по сему писатели составляли Трагедіи и Комедіи только по общимъ теоріямъ и чуждымъ иноземнымъ образцамъ: такъ дѣйствовалъ Ломоносовъ, такъ писалъ Сумароковъ; такъ слѣдовалъ имъ Херасковъ, Драмы котораго по языку стоятъ выше Сумароковскихъ, но по драматическому искусству не могутъ съ ними сравниться. Его трагедіи

носятъ отпечатокъ характера эпическаго. И можно ли винить писателей того времени въ недостаткѣ драматическаго искусства? Можно ли требовать, чтобъ они создали благопріятствующія имъ обстоятельства? — Вѣкъ Екатерины представляетъ намъ длинный рядъ торжествъ, сопровождаемыхъ увеселеніями. Она пробудила народную веселость, долго спавшую; открытіе Театровъ образовало общественность, сближало вкусы и мнѣнія, обратило народъ къ благороднымъ поучительнымъ забавамъ театру; успѣхи просвѣщенія дали возможность замѣтить намъ свои недостатки, слабости и пороки; а успѣхи Театра внушили мысль представить оные недостатки на осмѣяніе общества. И сію благородную, смѣлую мысль первый рѣшился выполнить *Фонъ-Визинъ*. Онъ создалъ Русскую Комедію. *Недоросль* и *Бригадиръ* суть такія произведенія, которыя, хотя и не совсѣмъ соотвѣтствуютъ условіямъ Драмы, и много сходствуютъ съ Сатирой, однако представляютъ самый вѣрный списокъ съ нравовъ того времени; оныя могутъ служить богатымъ источникомъ для будущихъ Этнографовъ. Здѣсь увидятъ они, какой глубокій мракъ невѣжества тяго-

шѣлъ еще надъ умами въ глуши Россіи, какъ сіе невѣжество искажало самыя благонамѣренныя нововведенія образованности; какъ иноземная злонамѣренность во зло употребляла самые благородные порывы Русскихъ къ просвѣщенію; какъ истинный свѣтъ знаній и общежитности, озаряя Русскую землю, возращалъ сладкіе, обильные плоды людкости и т. п.. Ни одинъ писатель ни въ какой отрасли Словесности, въ семъ Періодѣ, не можетъ похвалиться столь вѣрными, рѣшительно удачными опытами каковы произведенія Фонъ-Визина. Комедіи его совершенно Русскія, народныя; слѣдовательно онѣ только по времени происхожденія и по изображаемымъ въ нихъ нравамъ и характерамъ лицъ принадлежатъ къ тому времени, а по искусству, по способу изображенія — къ нашему Романтическому вѣку. Сіи Комедіи имѣли успѣхъ самый блестящій; слѣдовательно характеры дѣйствующихъ были узнаны въ природѣ, въ обществѣ; слѣдовательно имѣли цѣнителей. Вотъ свидѣтельство успѣховъ просвѣщенія! Языкъ Фонъ-Визина намъ уже извѣстенъ.

Геній Екатерины слился съ народнымъ геніемъ; ея великій духъ оживотворялъ огром-

ный составъ Россіи; Ея людкость и образованность сдѣлались потребностію общества; она вдохнула въ него любовь къ изящному, устроила богатые Театры, взыскивала и покровительствовала таланты, которые, образуя вкусъ и, Литературою сближая разныя сословія, распространяли общественность. Главнымъ средствомъ образованія былъ Театръ. *Княжнинъ*, современникъ Фон-Визина, ободренный вниманіемъ Екатерины, лучшаго, просвѣщеннѣйшаго судьи своего времени, и поддержанный Сумароковымъ, обогатилъ многими произведеніями нашу драматическую Литературу. Конечно онъ не имѣлъ того проницательнаго генія, который бы могъ созерцать глубину духа народнаго, отражающагося въ частной жизни, и который одушевилъ творенія Фонъ-Визина; но нельзя также согласиться и съ Мерзляковымъ, который столь смѣло и рѣшительно осуждаетъ Трагедіи Княжнина не только на забвеніе, но даже на безславіе. Ежели сіи произведенія имѣли успѣхъ, ежели имѣли вліяніе въ образованіи общества; то, значитъ, они были не ниже своего вѣка. Повторяю, не должно требовать отъ писателей того, что выше ихъ силъ и обстоя-

тельства. *Критика* судить произведенія по законамъ науки; *Исторія* — по обстоятельствамъ. Сія последняя осуждаетъ сочиненія, произведенныя безъ цѣли, безъ значенія, слабыя отъ умысла и небреженія; Трагедіи же Княжнина сильно дѣйствовали на современниковъ его; онѣ уже легче и естественнѣе предшествовавшихъ имъ; слѣдовательно, онъ заботился объ усовершеніи сего рода Словесности, и принесъ тѣмъ посильную пользу. Главный его недостатокъ состоитъ въ нарушеніи единства характеровъ; отъ сего произошелъ недостатокъ занимательности въ ходѣ Трагедіи. Причиною сей важной погрѣшности была излишняя подражательность вдругъ многимъ образцамъ, проистедшая отъ безотчетной довѣренности Французскимъ трагикамъ. Изъ всѣхъ его трагедій *Росславъ*, вѣроятно по свойству содержанія, и *Дидона*, по силѣ характеровъ и чувствованій, лучше другихъ были приняты и долѣе удержались на сценѣ нашей. Впрочемъ Комедіи и комическія Оперы Княжнина составляютъ истинное и заслуженное торжество его. Онѣ уступаютъ *Недорослю* и *Бригадиру* въ глубокомысліи и соображеніяхъ, которыя даютъ лег-

кую стройность цѣлому, и въ мастерской отдѣлкѣ характеровъ; но превосходятъ оныя совершенно комическими положеніями дѣйствующихъ лицъ и тою запутанностію, въ которую сіи дѣйствователи вовлекаютъ сами себя невѣжествомъ или собственною хитростію, расчетами или простотою. Княжнинъ смотрѣлъ на офранцуженное современное ему общество; видѣлъ, какъ члены онаго, смѣшавъ свои предразсудки, пороки и слабости, грубость и невѣжество съ чужими вносными, гордились и тщеславились тѣмъ, что не составляло никакого достоинства, стыдились всего Русскаго, даже славнаго и великаго своего *имени*, или не зная, что дѣлается въ образованномъ Мірѣ, жили въ какомъ-то блаженномъ невѣденіи и самозабвеніи. Изобразить и показать Русскимъ сіи вредныя ихъ странности: вотъ главная мысль, одушевлявшая всѣ сіи произведенія Княжнина. И мысль сія выражена съ удивительною вѣрностію и отчетливостію. Комедіи сіи уже не играются болѣе на театрѣ, но всегда останутся свидѣтелями нравовъ того времени.

Успѣхи сихъ писателей, творцевъ драматической Поэзіи, главныхъ дѣйствователей въ

Исторіи нашего театра, возбудили соревнованіе и даже благородное соперничество, въ другихъ писателяхъ, изъ коихъ съ похвалою можно упомянуть о *Николевѣ*, сочинителѣ Трагедіи: *Сорена*; *Аблесимовѣ*, сочинителѣ Оперы: *Мельникъ* и комедіи: *Подьяческая пирушка* и др. и особенно о *Плавильщиковѣ*, который, кромѣ того — что, бывъ хорошимъ актеромъ и писавъ о театрѣ, способствовалъ усовершенію онаго, — сочинилъ нѣсколько Трагедій и комедій довольно удачныхъ. Но всѣ сіи произведенія замѣчательны только потому, что, при бѣдности Драматической Литературы, они поддерживали существованіе Театра.

Всѣ отрасли Поэзіи, какъ мы видѣли, въ сіе время были чужды народнаго духа; а Комедія получила еще отъ Фонъ-Визина то истинное направленіе, въ которомъ она безпрестанно развивала народный бытъ во всѣхъ его видахъ. Сей творецъ нашей комедіи далъ главную тему, представляя общество, какъ нѣчто цѣлое, нераздѣльное; Княжнинъ и другіе его современники, раздробили сію тему, давая комедіи меньшій объемъ и болѣе частное значеніе; такъ что каждое произведеніе изображало или бытъ какого либо со-

словія или частное, разумѣется идеальное, семейство съ соприкосновенными къ нему разнородными лицами. Комедіи же: *Ябеда*, — *Капниста*, и *Неслыханное диво* — *Судовщикова*, кажется, могутъ служить вѣрными образцами, относительно комической идеи. Въ изложеніи и въ частностяхъ онѣ имѣютъ свои недостатки, особенно послѣдняя много теряетъ грубостію формъ; но по значенію своему онѣ составляютъ продолженіе *Бригадира* и *Недоросля*. Хотя въ одно время съ сими произведеніями появились первыя Комедіи Князя *Шаховскаго*, но большая часть его сочиненій, какъ по направленію, такъ и по времени принадлежатъ къ современной намъ Литературѣ.

Комическіе писатели у насъ въ продолженіи всего періода не перемежались, и въ слѣдъ за Фонъ-Визиномъ и Княжнинымъ явились новые молодые комики, между коими замѣчателенъ *И. А. Крыловъ*; но не здѣсь его поприще. Что же касается до Трагедіи, то она, — требуя со стороны сочинителя большихъ силъ и большихъ знаній, а со стороны театра и публики большей готовности, — послѣ Княжнина совсѣмъ замолкла. Наконецъ въ 1798 году явилась *Смерть*

Олега — *Озерова;* и сія попытка была неудачна. Странная противоположность! Тотъ самый Озеровъ, котораго нынѣ, при быстрыхъ успѣхахъ Словесности, мы не можемъ читать безъ сердечнаго трепета, былъ осмѣянъ чтителями Сумарокова и Княжнина, которые для насъ занимательны только потому, что они пробивали первую тропу къ храму Мельпомены, произведенія которыхъ имѣютъ для насъ туже важность, каковую находитъ опытный художникъ въ первыхъ своихъ урокахъ — необходимость начала. Причины сей неудачи заключаются частію въ самомъ Озеровѣ, частію въ сопутствующихъ ему обстоятельствахъ: Геніальность Озерова не подлежитъ сомнѣнію; онъ могъ и долженъ былъ творить; но онъ началъ съ подражанія Французскимъ классикамъ, и тѣмъ стѣснилъ, охладилъ творческую дѣятельность своего Генія, который былъ выше, сильнѣе, свободнѣе, самостоятельнѣе своихъ образцевъ; но и въ самомъ стѣсненіи, онъ забылъ или не замѣтилъ нѣкоторыхъ мелкихъ условій классицизма; по сему не угодилъ ни классикамъ, ни людямъ современнаго ему образованія, которые за малѣйшее своевольство гнали писателей непад-

но, ни шѣмъ немногимъ, которые предпочитали Германскую Литтературу Французской и которые въ сей Трагедіи Озерова не видали ничего подобнаго первой. А недостатокъ ученаго образованія при подражательности былъ причиною многихъ несообразностей и неестественности. Въ доказательство сихъ мыслей, можно сослаться на послѣдующія его произведенія, успѣхъ и достоинства которыхъ зависѣлъ отъ степени свободы и самостоятельности его Генія. Второе произведеніе Озерова по времени *Эдипъ въ Аѳинахъ*, третіе — *Фингалъ*, четвертое — *Димитрій Донской* и наконецъ — *Поликсена*. Хотя во всѣхъ сихъ четырехъ Трагедіяхъ онъ былъ болѣе самостоятеленъ, нежели въ первой, — и потому всѣ онѣ превосходятъ оную и естественностію хода дѣйствія и силою характеровъ, и пыломъ страстей, и смѣлостію піитическихъ идей, и красотою формъ; но Фингалъ, кажется, есть любимѣйшее его твореніе, любимѣйшее изъ тѣхъ, которыми Геній его уже разрѣшился; потому такъ думаю, что эта Трагедія превышаетъ всѣ прочія; однако она не можетъ почесться тѣмъ идеаломъ, къ которому стремились всѣ его

творческіе помыслы. Въ ней поэтъ достигъ только одного совершенства — стройнаго соединенія силы съ слабостію; здѣсь самъ Фингалъ есть образецъ величія, возвышеннаго мужества, которое, покорствуя нѣжности, составляетъ идеалъ высокаго; а въ *Моинѣ* слабая нѣжность, окриленная сочувствіемъ великой души *Фингала*, проявляетъ возможную степень прекраснаго; въ одномъ высшая доблесть, умягченная пріятностію, возбуждаетъ сладостное удивленіе; въ другой чудная нѣжность, возвышенная благородною смѣлостію, раждаетъ въ душѣ читателя и зрителя безкорыстную, почтительную, но непреодолимую къ ней привязанность. А поелику сіи свойства изящнаго суть общи всѣмъ родамъ онаго, и какъ трагедія, сверхъ оныхъ, требуетъ частныхъ совершенствъ; то мы и должны искать высшаго значенія, высшаго развитія у Озерова, какъ Трагика. И ежели не найдемъ того въ сихъ произведеніяхъ; то принуждены будемъ заключить, что онъ не свершилъ своего назначенія.

Для сего взглянемъ на каждую Трагедію порознь: *Эдипъ въ Аѳинахъ* по самому содержанію своему и по идеѣ принадлежитъ древнему

классическому Миру, слѣдовательно духъ Философіи въ сей трагедіи нельзя и не должно было примѣнять къ новому направленію ума; однако Поэтъ нашелъ способъ оживить ее и сообщить ей большее движеніе: онъ нарушилъ, такъ называемое, единство мѣста и времени, представивъ сіе послѣднее неопредѣленнымъ, а первое расположивъ по свойству дѣйствія. Впрочемъ сіе твореніе мало имѣетъ Трагическаго, потому что оно, основываясь на разныхъ началахъ, проистекающихъ или изъ расчетовъ или изъ власти судьбы, не имѣетъ сильныхъ страстныхъ движеній, не терпящихъ препятствій; это попытка написать Трагедію безъ любви! Чувствованіе сіе конечно не составляетъ существеннаго свойства трагедіи; но оно упрямѣе другихъ, разнообразнѣе, и можетъ быть источникомъ всѣхъ чувствованій; оно есть начало соединенія прекраснаго съ высокимъ; и потому служитъ удобнѣйшимъ основаніемъ Трагедіи. Озеровъ рѣшился пренебречь сіе основаніе въ своей трагедіи, но ни чѣмъ не замѣнилъ онаго; отъ того здѣсь нѣтъ господствующаго чувствованія, которое бы связывало всѣ дѣйствующія силы и давало бы цѣлость и единство

всему творенію, оживляя оное движеніемъ, и изгоняло бы изъ сочиненій Лиризмъ, каковымъ вся сія Трагедія преизобилуетъ. — *Димитрій Донскій* по содержанію былъ бы несравненно удобнѣе къ таковому отступленію отъ принятаго трагиками условія — основывать свои творенія на любви; но поэтъ здѣсь не устранилъ оную. И потому въ сей Трагедіи встрѣчается одно излишество, которое запутываетъ ходъ оной, развлекаетъ вниманіе и отнимаетъ занимательность у главной мысли. Здѣсь общее чувство любовь къ Отечеству и стремленіе къ независимости онаго; противодѣйствующая сила — властолюбіе Мамая; къ сему можно и даже нужно бъ было, для большей занимательности и для разнообразія характеровъ, прибавить частныя желанія удѣльныхъ Князей, которые противоборствуя стремленію Димитрія къ единодержавію, могли разнообразить и продлить дѣйствіе. Озеровъ, не воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, ввелъ Ксенію, которая въ общемъ ходѣ есть совсѣмъ лишнее лице; при спорѣ Димитрія съ Тверскимъ Княземъ за сію Княжну, остальныя дѣйствующія лица остаются только свидѣтелями, безъ дѣла, безъ участія. Сія

несообразность противорѣчитъ и общей идеи нашей древней Исторіи, которая представляетъ самую ужасную Трагедію, основанную на борьбѣ Единодержавія съ Патріархальною удѣльностію. Кажется Поэтъ увлекся къ сей несообразности счастливою страстію изображать женскіе характеры; и кажется сія же самая страсть была источникомъ и послѣдней его Трагедіи, *Поликсены*; по крайней мѣрѣ нельзя опровергнуть сего мнѣнія; ибо что можетъ оправдать Поэта въ произведеніи Поликсены, важность и значеніе которой заключаются только въ разностороннемъ и прекрасномъ изображеніи женскаго пола, послѣ того, когда уже онъ произвелъ Фингала? Это частная выходка, отступленіе — хотя и прекрасное — отъ призванія своего. Въ самомъ дѣлѣ, кому неприятно заняться тѣмъ, что, не стоя никакого труда, своимъ совершенствомъ льститъ нашему самолюбію? — Это общая слабость; и Озеровъ, плѣняясь, подобно Пигмаліону, Антигоною и Моиной, твореніями прелестными, очаровательными, рѣшился похитить у природы тайны созданія красоты въ другихъ формахъ, отличныхъ отъ *Антигоны*, *Ксеніи* и *Моины*. Онъ успѣлъ въ этомъ см.

лоты предпріятія и доказалъ, что никто не понималъ столь ясно женской природы, какъ нашъ поэтъ! *Поликсена, Гекуба* и *Кассандра* суть чудныя созданія генія. Сія трагедія по своей идеѣ, и по общимъ и частнымъ формамъ, очень близка къ древне-классическимъ. И такъ изъ всего этого можно заключить, что Озеровъ, кромѣ первой трагедіи, не слѣдовалъ безотчетно старымъ идеямъ, и не отгадалъ, да и кажется не заботился отгадывать, направленія новаго и главной идеи нашей Исторіи. Онъ имѣлъ другую цѣль, иное призваніе! Если мы возмемъ съ одной стороны трагедіи прежнихъ писателей, съ другой творенія Озерова; то найдемъ разность безпредѣльную; первыя потому написаны, что надобно было написать, а сіи родились, зрѣли въ душѣ Творца и исторглись изъ оной противъ воли его, какъ изливается пѣснь соловья; только по Естественному стремленію генія къ творчеству, по безкорыстной любви къ творенію, совершенство котораго доставляетъ ему высшее, ничѣмъ не замѣнимое, наслажденіе, а несовершенства — которыя всегда въ твореніяхъ генія происходятъ отъ внѣшнихъ вліяній — убиваютъ его. По сему прежніе писате-

ли, *работая*, произведя то, чего отъ нихъ требовали, угождали своему обществу; а Озеровъ осмѣлился пренебречь нѣкоторыя условія Французской школы, въ то время, когда она деспотически стѣсняла словесность, когда сужденія Лагарпа казались судомъ вѣчности, опредѣленіемъ судьбы, когда новое образованіе еще не имѣло голоса; и онъ былъ осужденъ.

И такъ что мы должны сказать вообще о Трагедіяхъ его? 1) Піитическая сторона оныхъ или творчество не имѣетъ въ нашей словесности соперничества; 2) искусство или художническая часть оныхъ представляетъ смѣсь стараго классицизма съ возникающимъ Романтизмомъ; 3) по направленію своему онѣ вовсе не поняты были своими современниками; 4) стихотворство въ нихъ доведено до высшей степени; 5) въ изображеніи страстей видна та естественность, которая раждается изъ познанія отношеній природы къ человѣку; 6) но изъ сихъ твореній видно также, что Поэтъ, отгадавъ общее значеніе человѣчества, не всегда, или по крайней мѣрѣ, не ясно понималъ историческую мысль каждаго народа; 7) изображеніе женскихъ характеровъ составляетъ въ-

ведь искусства Озерова; 8) Хотя чувство патріотизма заставляетъ сердце наше сильнѣе биться при словахъ Димитрія:

Но брань конецъ правамъ, добытымъ черезъ брани!
Осталось мужество единымъ намъ добромъ;
И Хану дань несемъ не златомъ не сребромъ! ...
Нѣтъ! дани для него мы собрали иныя —
Мечи булатные и стрѣлы каленыя,
Пусть оныя принять Непрядву перейдетъ.

Подобные стихи, каковыми вся сія Трагедія исполнена, поразительны! — Но при всемъ томъ Фингалъ долженъ стоять выше Димитрія, какъ по общей мысли, которая кажется самимъ Оссіаномъ вдохнута нашему Поэту; такъ и по выполненію, которые мы уже опредѣлили выше. 9) Разговоры въ трагедіяхъ Озерова самые естественные; 10) Дѣйствующія лица ужъ не являются на сцену за тѣмъ, чтобъ поговорить, разсказать свои тайны, и уйти. Правда, въ страсти, особливо въ мечтаніяхъ они бываютъ слишкомъ говорливы; но никогда не отступаютъ отъ своего предмета; напр. Старнъ, узнавъ о робости своихъ воиновъ, въ гнѣвѣ восклицаетъ:

. . . . . Страшатся? Малодушные!

Что сей Фингалъ до днесь ни кѣмъ не побѣжденъ,
Безсмертнымъ развѣ онъ отъ матери рожденъ?
Иль грудь его тверда какъ камень древнихъ башенъ?
Нѣтъ, нѣтъ! не долженъ быть, не можетъ быть тотъ страшенъ,
Котораго въ бою прерветъ блестящій вѣкъ
Кинжаломъ иль мечемъ отважный человѣкъ;
Который такъ, какъ мы и временен и тщетенъ,
Который также слабъ, который также смертенъ.
Фингаловы отцы, подобные мечтѣ,
Пришли и скрылися въ могильной темнотѣ.
Преходятъ роды всѣ и возстаютъ другіе;
Какъ съ вѣтромъ по морю идутъ валы сѣдые,
Иль какъ осенній листъ отъ древа отнесенъ,
И листомъ по веснѣ зеленымъ замѣненъ.
Подобно и мой родъ со мной пресѣчется.

Тотъ же Старнъ, томимый желаніемъ мести, въ Монологѣ изливаетъ свою душу предъ Оденомъ; съ какою удивительною силою изображаетъ онъ мрачно грозный духъ сѣверной Поэзіи; какъ далеко простираетъ свои мечты! — но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшиваетъ Одена съ другимъ, вѣчно противоборствующимъ ему, Божествомъ, Локомъ. — Ошибки Поэта. — Онъ говоритъ:

О древне Божество обширныхъ странъ полночныхъ,
Надежда страждущихъ и сила, крѣпость мощныхъ!
Оденъ, — котораго невидимой рукой
Природа держится, и кругъ вращаетъ свой!
Ты волею своей быстрѣе вѣтровъ горныхъ,
Чья месть мрачнѣе бурь, висящихъ въ тучахъ черныхъ,
На коихъ возлегла Тоскара грустна тѣнь —
Яви свой ярый гнѣвъ въ торжественный сей день,
Помощникомъ мнѣ будь къ погибели Фингала,
Котораго рука кумиръ твой потрясала,
Котораго мечемъ мой сынъ погибъ въ бою,
Чей хитрый взглядъ прельстилъ дочь слабую мою,
И чрезъ кого я сталъ безъ чадъ моихъ, безъ чести
Съ одною грустію, съ однимъ желаньемъ мести, —
Мой врагъ передъ тебя явится въ торжествѣ;
Нашли на духъ боязнь, на мысль недоумѣнье,
Предзнаменующе могущаго паденье; —
Чтобъ онъ, какъ лютый звѣрь, страшилище лѣсовъ,
Гонимый ловчими, преслѣдованъ отъ псовъ,
Въ разставлену мной сѣть стремился торопливый,
И веселился бъ Старнъ, добычею счастливой.
Внесу тогда, Оденъ, во капище твое
Его булатный мечь, огромное копье,

И щитъ и шлемъ, криломъ Орлицынымъ осѣненный,
И весь доспѣхъ внесу, чтобы вѣщалъ вселенной
Изъ рода въ поздній родъ, отъ вѣка въ дальній
вѣкъ
Сколь слабъ передъ тобой сильнѣйшій человѣкъ!
Мечтавъ не знать величія примѣра,
Онъ палъ! — и три шага его жилищу мѣра.

И здѣсь видна мечтательная говорливость, которая прелестна при всемъ своемъ излишествѣ. Но вотъ какъ Поэтъ соединяетъ нѣжность съ какимъ то дикимъ, но величественнымъ мужествомъ:

Когда бы знала ты, какъ много я страдалъ
Со дня, какъ въ первый разъ тебя увидѣлъ!...
Дотолѣ мыслью дикъ, любовь я ненавидѣлъ,
Считалъ ее мечтой и слабостью умовъ.
Какъ стужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ суровъ.
Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувства новы,
И огнь, палящій огнь пролилъ въ моей крови;
Онъ далъ почувствовать страданія любви,
Уныніе, тоску, отчаянье разлуки
И страхъ немилымъ быть и ревности всѣ муки....

Или еще лучше, еще сильнѣе чувствованія сіи выражаетъ Фингалъ, котораго любовь за-

ставила нынѣ въ противный ему храмъ и
клясться тамъ предъ чуждымъ божествомъ:

Оденъ, Локлиндцевъ богъ, коль въ первый нынѣ разъ,
Ты Каледонина во храмѣ слышишь гласъ,
Не удивись тому; — ты божество Монны —
Предъ жертвенникомъ ждетъ она своей судьбины; —
Хочу тебя призвать, хочу тебя почтить!
И въ пламенной любви клянусь ей вѣрнымъ быть;
Сихъ клятвъ хочу имѣть свидѣтелемъ Одена,
Мнѣ будь свидѣтелемъ и ты племенъ Морвена,
Отцевъ Фингаловыхъ могуще Божество,
Ты, коего весь міръ являетъ существо;
Но смертные умомъ кого не понимаютъ,
Кого именовать уста мои не знаютъ,
Ты, исполняющій вселенную собой;
И въ храмѣ чуждомъ семъ обѣтъ услышишь мой:
Когда Монниныы, любовью полны, взгляды
Не будутъ находить въ моихъ глазахъ отрады, —
Когда не будутъ зрѣть въ нихъ страстнаго огня,
Которымъ днесь горю, то накажи меня,
Чтобы руки моей исчезла дивна сила,
Котора страхъ врагамъ въ сраженьи наносила;
И твердость, мужество Фингаловой души,
Какъ былie долинъ во цвѣтѣ изсуши,
Чтобъ безполезный царь, противъ любви безчестенъ,
Влачилъ я мрачну жизнь и умеръ безизвѣстенъ;

Чтобъ въ пѣсняхъ Бардовъ я въ потомствѣ не гремѣлъ,
Въ дому отцевъ моихъ мой щитъ бы не висѣлъ,
И мечъ, мой тщетный мечъ, притупленный и ржавый,
Былъ въ дебри выброшенъ, какъ мечъ Царей безъ славы.
Жрецы, народъ и ты, о мудрый Старнъ! въ сей часъ
Свидѣтелями клятвъ я поставляю васъ!

Изъ сихъ немногихъ стиховъ мы видимъ характеры Старна и Фингала, видимъ духъ Скандинавской Поэзіи; видимъ, какъ далеко ушелъ Озеровъ отъ своихъ предшественниковъ; мы видимъ съ нимъ какъ:

Возсталъ Морвены вождь Фингалъ
Оружье грозное пріялъ:
Стрѣла въ колчанѣ роковая;
На груди рдяна сталь видна;
Копье, какъ сосна вѣковая,
И щитъ, какъ полная луна,
Возсѣвшая надъ Океаномъ
И вся подернута туманомъ!

Мы видимъ его мрачнаго, задумчиваго надъ гробомъ Тоскара и готовы съ нимъ сказать:

Нѣтъ! гласамъ никогда надгробнымъ я не внемлю,
Чтобъ мысль не обращать въ отеческую землю
Гдѣ возвышенный рядъ родительскихъ могилъ
Служилъ источникомъ моихъ душевныхъ силъ!..

Намъ уже извѣстно, что вся сія Трагедія есть чудное соединеніе силы и нѣжности, высокаго и прекраснаго, грознаго и милаго; но мы должны вспомнить, что все сіе проникнуто простотою и мрачною задумчивостію, которая и въ самыхъ радостяхъ какъ бы просвѣчиваетъ будущее печальное; прислушаемся къ торжественному признанію Моины предъ Фингаломъ;

Въ пустынной тишинѣ, въ лѣсахъ среди свободы,
Мы возрастаемъ здѣсь, какъ дочери природы,
И столькожъ искренни, какъ искренна она.
И такъ, о Государь! сказать тебѣ должна,
Что съ перваго тебя я возлюбила взгляда.
Къ герою страсть души великія отрада!
Гордяся чувствомъ симъ и радуясь ему,
Призналась въ томъ отцу, народу и всему,
Что въ отческой странѣ чувствительность имѣетъ,
И праху матерью, который въ гробѣ тлѣетъ,
Природѣ, словомъ, всей извѣстна страсть моя,
О коей небесамъ сказать готова я.
Повѣрь, Моина здѣсь не менѣе Фингала
Терзалась мыслію, разлукою страдала.
Какъ часто съ береговъ или высокихъ горъ
Я въ море синее мой простирала взоръ.
Тамъ каждый валъ вдали мнѣ пѣною своею
Казался парусомъ, надеждою моею;
Но тяжко опустясь къ глубокому песку,

По сердцу разливалъ мнѣ врачную тоску . . . .
Какъ часто въ темну ночь печальна и уныла
Обманывать себя я къ брегу приходила.

Отсюда виденъ духъ Озерова, который остановленъ на половинѣ поприща; онъ началъ, а не кончилъ великаго преобразованія Трагедіи; онъ низпровергъ старое, но не создалъ новаго. Озеровъ ждетъ разбора подробнаго, вѣрнаго, безпристрастнаго, произведеннаго вкусомъ просвѣщенным современною критикою; онъ стоитъ на рубежѣ между классическою и новой Поэзіею. —

Хотя *Ломоносовъ*, создавъ нашу Литературу, и поставилъ Прозу на высшую степень совершенства, нежели Поэзію; такъ точно, какъ Петръ, не забывая пріятнаго, всю жизнь свою посвятилъ прямому, непосредственному благу Россіи; но бремя, подъятое *Ломоносовымъ* безъ усилій, было непреодолимо тяжко для его подражателей; ближайшіе его послѣдователи и соперники не только не улучшили, не возвысили, но даже обезобразили и уронили оную. Проза *Сумарокова*, какъ мы уже видѣли, имѣетъ болѣе сходства съ писателями предшествующаго Періода, нежели съ *Ломоносовымъ*, какъ по Проза.

языку, такъ и по мыслямъ; напримѣръ: какъ онъ разбираетъ Оды *Ломоносова?* — Онъ говоритъ, что *въ Одахъ Господина Ломоносова суть строфы наипрекраснѣйшія:* въ I Одѣ 1 и 6, во II — 7, 8 и 12, въ VI и такъ далѣе; потомъ идутъ въ такомъ же порядкѣ строфы *прекрасныя, хорошія, изрядныя, такія, которыя нужно исправить и наконецъ такія, которыя,* критикъ говоритъ, *не знаю на что написаны. Рѣчи Поповскаго* суть очень близкія и удачныя подражанія *Ломоносову.* — *Фонъ-Визинъ* писалъ не много, но его Проза есть лучшая между сочиненіями прошедшаго столѣтія; онъ далъ прозаическому языку легкое и естественное теченіе. Его *Исповѣдь,* составляющая нѣкоторую часть собственнаго его жизнеописанія, *Слово на выздоровленіе Великаго Князя Павла Петровича,* разныя *письма,* Юмористическое *Слово* и другія сочиненія, кромѣ очищенія языка, замѣчательны тѣмъ, что онѣ просвѣчиваются новыми мыслями, которыя далеко выдались изъ своего вѣка, и показываютъ, что сочинитель былъ свободенъ отъ господствовавшей тогда мечтательной Французской Философіи,

какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и Литературномъ. Онъ разсуждалъ и писалъ, какъ говорятъ въ кругу просвѣщенныхъ друзей въ общежитіи. Слѣдовательно *Фонъ-Визинъ* и Прозу наклонялъ уже къ духу современной народности; но сіи первоначальные опыты преобразованія были единственными въ то время; современники ихъ не поняли, и потому не продолжали начатаго. — Сей безуспѣшности много содѣйствовала кратковременность жизни сего геніальнаго писателя.

Въ то время, когда утверждалась Историческая слава Россіи, когда Екатерина мощною мыслію своего генія и твердостію духа народнаго вознеслась вмѣстѣ съ Россіею надъ именами, удивлявшими Исторію; тогда и Русская Исторія начала приходить въ ясность; ободренная свѣтлымъ взоромъ Царицы просвѣщенной и мудрой, она начала произносить вслухъ имена славныя и священныя для нашей памяти, имена, почти похищенныя у вѣчности забвеніемъ. Въ сіе время два незабвенные для насъ мужи, чуждые именами, но близкіе заслугами Россіи, *Миллеръ* и *Шлецеръ* изданіемъ и объясненіемъ многихъ источниковъ нашей Исто-

ріи и произведеній по сей части, привели въ движеніе умы и оживили дѣятельность новыхъ дѣеписателей, — Послѣ Россійской Исторіи *Татищева*, которая впрочемъ издана была въ первый разъ въ 1768, — 1769, — 1773 и 1774 годахъ, являлись только краткіе опыты Исторіи; *Щербатовъ* предпринялъ написать оную пространно, и пятнадцатый томъ оной кончилъ царствованіемъ Михаила Ѳеодоровича. Появленіе сей Исторіи произвело жестокую войну въ нашей Литературѣ. *Болтинъ* издавая въ свѣтъ свои *замѣчанія на Исторію Леклерка*, показалъ нѣкоторыя несообразности, находящіяся и въ Исторіи, сочиненной Княземъ *Щербатовымъ*; отъ сего произошелъ продолжительный споръ, который хотя часто доходилъ до грубой брани, неприличной и недостойной Литературѣ, однако много объяснилъ Историческихъ истинъ. Этотъ споръ, кажется, важнѣе самой Исторіи *Щербатова*; ибо сія послѣдняя писана безъ всякой критики, и замѣчательна только собраніемъ Источниковъ Исторіи. Но сочиненія *Болтина*, какъ спорныя съ *Щербатовымъ* и *Леклеркомъ*, такъ и другія Историческія, Географическія и кри-

шическія составляютъ весьма важный матеріалъ нашей Исторіи; только языкъ и способъ выраженія у него не всегда достойны своего высокаго предмета; въ этомъ отношеніи онъ отсталъ и отъ противника своего. *Елагинъ* предпринималъ писать Исторію подъ названіемъ *опытъ повѣствованія о Россіи;* но не могъ оную кончить; и изданныя имъ пять частей, содержащія древнюю Исторію Россіи, совсѣмъ не заслуживаютъ названія Исторіи. *Плещеевъ* собралъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о Россіи въ концѣ осмнадцатаго столѣтія; кромѣ того онъ сочинилъ *Дневныя записки своего путешествія съ острова Пароса. Голиковъ* составилъ осмнадцать томовъ *Дѣяній Петра Великаго!* Писали и другіе въ Историческомъ родѣ: но никто изъ нихъ не воспользовался тѣмъ, что одѣлалъ для Россійской Исторіи *Шлецеръ*, творенія котораго можно почесть Теоріею Русской Исторіи; отъ того сочиненія ихъ не имѣютъ Историческихъ надлежащихъ достоинствъ, каковыхъ бы можно было требовать по ходу общаго просвѣщенія въ Россіи; Исторія же Литтературы видитъ въ оныхъ только явленія, которыя увеличиваютъ

количество произведенiй и свидѣтельствуютъ о недостаткѣ у насъ Философическаго образованiя и критики; ибо способъ воззрѣнiя на предметы, умозрѣнiя, направленiе понятiй и самый способъ выраженiя не ровнялись даже съ *Ломоносовскими*, хотя общественное образованiе въ Царствованiе Екатерины сдѣлало исполинскiе успѣхи, и далеко превышало вѣкъ *Ломоносова*. Другихъ родовъ прозаики всѣ стоятъ не выше, или даже ниже историковъ.

Распространенiе знанiя Французскаго языка сдѣлало сей послѣднiй всеобщимъ орудiемъ общественныхъ сношенiй въ высшихъ кругахъ общества, и заставило щеголять симъ знанiемъ тѣхъ, которые хотѣли быть извѣстными въ обществѣ; это было причиною страсти къ Французской Литературѣ, свойства и условiя которой ясно отразились на общественномъ образованiи Россiи. Подъ такимъ направленiемъ ума и произведенiй его выросли и воспитались *М. Н. Муравьевъ*, *В. С. Подшивдловъ* и *Н. М. Карамзинъ*. Первые двое однако много почерпнули и Германскаго современнаго имъ просвѣщенiя; и потому они въ произведенiяхъ своихъ не пренебрегали идеями для красоты

формъ. *Муравьевъ*, можно сказать, продолжалъ за *Фонъ-Визиномъ* совершенствованіе нашей Прозы. Онъ, образовавшись по образцамъ древнихъ и новыхъ Литературъ, понялъ довольно приблизительно назначеніе *Русскаго писателя*, Цареучителя. Конечно онъ въ свое время не могъ сдѣлать то, чтобы онъ сдѣлалъ нынѣ; онъ не могъ писать совершенно въ народномъ духѣ, не могъ, и по характеру общаго просвѣщенія, и по положенію своему въ обществѣ, и по недостатку развитія формъ языка, выражать частныя черты народности; но, что касается до общаго Историческаго значенія нашего, то не только никто изъ современныхъ ему писателей, но даже изъ послѣдующихъ никто столь ясно и столь вѣрно не понималъ онаго. Всѣ сочиненія его направлены были къ изображенію сего значенія; онъ выражалъ свои мысли то въ формѣ разговоровъ, — въ царствѣ мертвыхъ, — заставляя читателя внимать рѣчамъ представителей разныхъ временъ; то бесѣдовалъ въ письмахъ; то повѣствовалъ, позволяя себѣ мечтать о вѣкахъ минувшихъ; то углублялся въ изслѣдованіе историческихъ истинъ; но всѣ мечты и мысли его, не-

зависимо отъ формъ были оживлены легкою, естественною Философіею, раждаемою въ душѣ самимъ предметомъ, и очищены отъ предубѣжденій столь же легкою и естественною критикою. Центръ всѣхъ сихъ произведеній есть краткое начертаніе Россійской Исторіи: здѣсь отразилось все, что онъ мыслилъ и чувствовалъ; здѣсь онъ — повѣствователь, критикъ, Философъ, политикъ и нравоучитель. Это произведеніе по краткости своей не можетъ быть названо Исторіею; это — полная, ясно, связно и отчетисто изложенная программа Россійской Исторіи, въ которой выражена главная мысль, проявляемая ходомъ Русской жизни. Слѣдовательно по идеи сіе произведеніе означаетъ быстрый ходъ Прозы, да и по формамъ выраженія оно опередило все шествующее и современное.

Кругъ дѣйствій *Подшивалова* былъ не столь обширенъ, вліяніе его въ читающемъ обществѣ было не столь замѣтно; но по слѣдствіямъ своимъ оно было едва ли не обширнѣе; ибо онъ сильно дѣйствовалъ своими правилами на образованіе вкуса возраставшаго въ то время новаго поколѣнія — юныхъ своихъ питом-

цевъ; онъ первый началъ знакомить соотечественниковъ съ Германскою Словесностію, которая была въ полномъ ея народномъ развитіи и которая по духу своему гораздо ближе къ нашей народности, нежели другія Литературы; а тѣмъ самымъ онъ показалъ, что есть Литература, кромѣ Французской. Ученыя сочиненія и даже переводы его показываютъ смѣлый ходъ нашей Прозы; благородство, живость и вѣрность выраженія суть отличительныя свойства его языка. Въ легкомъ родѣ Прозы красуется, подобно прелестному цвѣтку, который не только нѣжитъ чувство, но и предвѣщаетъ питательный плодъ, его собственное жизнеописаніе, названное: *къ моимъ дѣтямъ*; здѣсь, между шутками, передано такъ много глубокомысленныхъ замѣчаній, исполненныхъ истины и назидательности, и знакомящихъ насъ съ общимъ бытомъ того времени.

Мы уже частію видѣли заслуги *Карамзина*, видѣли, какъ успѣхи его на поприщѣ Литературы тѣсно связаны съ успѣхами сей послѣдней; какъ онъ пріучалъ общество къ чтенію; но мы разсматривали труды и заслуги его односторонно, именно: въ политическомъ отноше- Карамзинъ.

ніи; и намъ остается еще опредѣлить мѣсто назначенное ему въ ряду нашихъ прозаиковъ. Рѣшеніе сего вопроса сопряжено съ многими трудностями; ибо долгъ Историка требуетъ истиннаго суда, а кто изъ людей не считаетъ своего сужденія истиннымъ? кто охотно признается въ своихъ ошибкахъ? Кто изъ вѣрующихъ въ безошибочность писателя захочетъ разстаться съ своимъ мнѣніемъ, если бы вздумали увѣрять его въ противномъ! И кто можетъ доказать таковую безошибочность въ величайшихъ писателяхъ? — Но кто же можетъ увѣрить насъ и въ томъ, что открывать ошибки въ великихъ писателяхъ безполезно, и что тотъ, кто осмѣлится замѣтить таковыя ошибки, или обличить заблужденіе относительно сихъ писателей, не имѣетъ уваженія ни къ заслугамъ ихъ, ни къ общественному мнѣнію? — Общее мнѣніе признало Карамзина преобразователемъ нашей Прозы. То самое уваженіе, которое мы Русскіе обязаны воздавать памяти сего мужа, требуетъ отъ насъ безпристрастія и истины; ибо только сія послѣдняя можетъ проникнуть въ храмъ вѣчности. И такъ въ слѣдствіе сего требованія мы

должны опредѣлить степень справедливости сего мнѣнія, не смотря на то, что это вызоветъ бурю; а для того надобно опредѣлить, что значитъ Проза и что для оной сдѣлалъ Карамзинъ? — Противополагая прозу Поэзіи, мы означаемъ первымъ словомъ всѣ роды словесности, доставляющіе намъ положительную пользу распространеніемъ знаній общежитныхъ, Историческихъ, нравственныхъ — какъ умозрительныхъ, такъ и практическихъ. Сія отрасль Словесности во всѣхъ ея родахъ имѣетъ двѣ стихіи или составныя части: общій способъ воззрѣнія на предметы и способъ выраженія — формы; слѣдовательно качество оной зависитъ отъ качествъ сихъ стихій и отъ совмѣщенія оныхъ. По сему тотъ можетъ быть названъ преобразователемъ Прозы, кто даетъ новое направленіе понятіямъ, измѣняетъ общій способъ воззрѣнія на предметы, подлежащія знаніямъ, кто вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняетъ и способъ выраженія положительныхъ знаній. Теперь нужно ли говорить, что для преобразованія Прозы писателю нужно имѣть несравненно болѣе условій, нежели для преобразованія Поэзіи: преобразователь-прозаикъ долженъ имѣть силь-

ный геній, обширныя свѣдѣнія, ежели не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ во многихъ родахъ. Умъ твердый, самостоятельный, независящій отъ предразсудковъ вѣка своего, ставшій выше всѣхъ предубѣжденій; способный совмѣстить въ себѣ всѣ современныя знанія и даже опередившій своихъ современниковъ, только можетъ произвести таковое измѣненіе. *Карамзинъ*, какъ мы уже видѣли, не былъ выше своего вѣка; онъ носилъ въ душѣ своей всѣ совершенства и недостатки онаго, дѣйствовалъ въ Литературѣ по тѣмъ же самымъ идеямъ, и даже примѣнялся къ его слабостямъ. А ежели бы онъ дѣйствовалъ иначе, ежели бы рѣшился измѣнить направленіе; то, не имѣя творческаго генія, не могъ бы произвести того, что ему удалось сдѣлать — пріучить общество къ Русскому чтенію. Напрасно мы будемъ ему приписывать мнимое преобразованіе; онъ совсѣмъ не имѣлъ того въ виду; возмемъ любое его произведеніе, и мы увидимъ, что онъ по идеямъ своимъ не только не опередилъ вѣка, но даже отсталъ отъ нѣкоторыхъ писателей; какъ напримѣръ: отъ *Муравьева*; но онъ выигралъ предъ другими количествомъ произведеній,

страстною любовію къ Словесности, большинствомъ голосовъ читателей, согласныхъ съ нимъ въ духѣ просвѣщенія, превосходствомъ вкуса, а потому и изящесшвомъ формъ; — да и вообще это идиллическое направленіе Литературы, которому онъ слѣдовалъ, заманчивое для свѣтскихъ людей, много содѣйствовало къ утвержденію первой его извѣстности. Образцемъ мнѣній Карамзина, можешъ почесться предисловіе къ Исторіи Россійскаго Государства; здѣсь отлилась вся его Философія, и здѣсь то мы видимъ мнѣнія осмнадцатаго столѣтія, или лучше сказать Французскую Историческую Философію сего вѣка, которая отличается отъ новѣйшей тѣмъ, что та почитала Исторію средствомъ житейской учености, а сія поставляетъ оную цѣлію всякаго ученія; и Карамзинъ хотѣлъ посредствомъ Исторіи учить общежитію; такъ онъ думалъ и до конца своей жизни и Литературной службы; такъ думали и прежніе наши Историки; такъ еще и нынѣ многіе думаютъ. Гдѣ же тотъ переворотъ въ образѣ мыслей и въ направленіи познаній, который приписываютъ ему? Все оставалось по прежнему! И ежели этотъ переворотъ уже произо-

шелъ, що оный произошелъ не отъ Карамзина, а медленно еще совершается и теперь отъ стеченія разныхъ обстоятельствъ. Откуда же родилось мнѣніе, что онъ совершилъ преобразованіе Прозы? — Со стороны читающаго общества, провозгласившаго его преобразователемъ, произошла таковая ошибка отъ ложнаго понятія о прозѣ, а со стороны Карамзина отъ искусства писать легко и сообразно съ требованіями читателей: онъ довершилъ начатое *Фонъ-Визиномъ*, изгнаніе длинныхъ, правильныхъ Періодовъ и Латинское словотеченіе; замѣнилъ оныя краткими, слѣдовательно легкими формами выраженія; ввелъ многіе обороты Французскаго, столь знакомаго и любимаго нашей публикѣ языка; имѣя образованный вкусъ, и владѣя языкомъ, онъ умѣлъ облечь самыя обыкновенныя представленія въ прелестныя формы; обладая живымъ воображеніемъ и затѣйливымъ остроуміемъ и рѣдкою дальновидною смѣтливостію, онъ умѣлъ самые прозаическіе, повседневные случаи жизни представить въ прелестныхъ идиллическихъ видахъ. А читатели, плѣняясь новыми красотами языка, и принимая за самую Прозу только формы выраженія, которыя столь-

же свойственны оной какъ и Поэзіи, утвердили за нимъ славное шитло преобразователя. Неумѣренныя и незаслуженныя, или лучше сказать, похвалы не въ попадъ, болѣе вредятъ славѣ писателя, нежели приносятъ оной пользы; ибо истина рано иль поздо откроется, и самая неумышленная ложь можетъ подать поводъ подозрѣвать въ пристрастіи. Предугадываю, и потому предупреждаю бурю: не желаніе противорѣчить, не тщеславіе оспоривать общественныя мнѣнія и не желаніе унижать достоинства писателя заставили меня высказать свое мнѣніе. Нѣтъ! Истинныхъ заслугъ никто не въ силахъ унизить; они сами за себя громко вопіютъ во услышаніе вѣковъ. И Исторія Русской Литературы не умолчитъ о заслугахъ, оказанныхъ ей Карамзинымъ. Но воздавая онымъ должное уваженіе, она должна разсѣять всѣ заблужденія. Для сего она, удивляясь постоянному, терпѣливому стремленію Карамзина къ прекрасной полезной цѣли — пріучить соотечественниковъ къ чтенію — скажетъ, что онъ не имѣлъ общей мысли, развитіе которой составляло бы всѣ его Литературные труды, которая бы служила главною основною идеей всѣхъ

его произведеній, дала бы онымъ единство и цѣлость; такъ чтобъ всѣ его творенія служила низшими ступенями, ведущими къ какому либо одному произведенію, въ коемъ бы мысль сія была выражена полнѣе и совершеннѣе. Сіе обстоятельство свидѣтельствуетъ, что онъ не имѣлъ генія, который не подчиняется произвольно обстоятельствамъ и не приноровляется къ намъ, а зависитъ отъ оныхъ потому только, что они дѣйствуютъ необходимо на его первоначальныя впечатлѣнія, воспитаніе и направленіе. Карамзинъ же, принимаясь за дѣло, спросилъ самаго себѣ: чего отъ меня хотятъ читатели и что имъ нравится? — отгадавъ ихъ желаніе и вкусъ, онъ началъ съ *Бездѣлокъ*; потомъ заманивая ихъ легкимъ чтеніемъ, велъ какъ, такъ сказать, отъ *Азовъ* къ *складамъ*, и постепенно возвышая предлагаемое имъ чтеніе, окончилъ *Исторіею* Государства Россійскаго, и во всемъ внѣшняя красота была цѣлію; это дѣло таланта. Конечно мы видимъ и здѣсь какое то единство; но это единство желанія и цѣли, а не дѣйствій и произведеній его; сіи послѣднія проистекали изъ желанія угодить читателямъ; и получали свойства не отъ качествъ творящаго духа, а отъ качествъ вкуса чита-

телей. Слѣдствіемъ этого разнохарактерность его произведеній; ибо что общаго есть между его *Моими бездѣлками, Письмами Русскаго путешественника, Рѣчами и Исторіею?* Единство цѣли, не смотря на всю полезность и благородство оной, не даетъ имъ единомыслія. Однако ежели разсматривать каждое произведеніе его порознь, то нельзя не удивляться знанію современнаго просвѣщенія, нельзя не увлекаться легкими свѣтлыми идеями, естественною послѣдовательностію оныхъ, роскошными формами выраженія; въ сихъ свойствахъ никто ни изъ предшествовавшихъ, ни изъ современныхъ ему писателей съ нимъ не успѣлъ сравниться; онъ для любителей легкаго чтенія есть единственный писатель. Мы не можемъ назвать его ни прозаикомъ, ни поэтомъ, принимая въ тѣсномъ значеніи сіи слова; ибо вся Проза его, не исключая и самой Исторіи, ознаменована какою то нѣжною идиллическою мечтательностію; и всѣ піитическія произведенія, и стихотворенія и повѣсти имѣютъ прозаическое назначеніе — угожденіе читателямъ и пріученіе ихъ къ чтенію; онъ не находилъ счастія въ созерцаніи совершенствъ своего творенія; онъ торжество-

валъ, когда произведенія его со дня на день пріобрѣтали болѣе и болѣе читателей; онъ не могъ сказать съ Жуковскимъ:

Презрѣнью бросимъ тотъ вѣнецъ,
Который всѣмъ дается свѣтомъ! . . . .

И такъ если мы допустимъ, что Карамзинъ имѣлъ творческій геній, то потомство въ правѣ будетъ осудить его за невыполненіе великаго призванія, предназначаемаго геніямъ; но ежели, основываясь на дѣйствіяхъ его, согласимся, что онъ имѣлъ только талантъ, образованный въ духѣ современной ему Французской школы, то мы увидимъ, что онъ сдѣлалъ болѣе, нежели можно было отъ него требовать. Мы уже имѣемъ понятіе о его повѣстяхъ въ піитическомъ отношеніи; — чтожъ касается до прозаической стороны оныхъ; то, ежели судить о нихъ по назначенію сочинителя, онѣ вполнѣ достигли своей цѣли — то есть: имѣли читателей; если разбирать оныя сообразно общему назначенію повѣствовательныхъ сочиненій, т. е. знакомятъ ли онѣ насъ съ развитіемъ, въ какомъ либо отношеніи, жизни человѣческой; — то конечно не найдемъ у него сего высокаго стремленія, да и должно ли искать

шого у подражашеля, чего въ самыхъ образцахъ его нѣшъ; — ибо въ шо время къ сей цѣли шолько начинали сшремишься нѣкошорые Германскіе писашели; а во Франціи считали эшо варварсшвомъ. Рѣчи Карамзина увлекашельны Педаншизмомъ; но эшо не орашорское краснорѣчіе, кошорое силою воли орашора должно дѣлашь слушашеля или чишашеля послушнымъ исполнишелемъ его желаній; нѣшъ! эшо прелесшный разсказъ, кошорый засшавляешъ насъ любишь предмешъ, плѣняшься имъ, какъ обыкновенно прельщаемся всѣмъ пріяшнымъ. Но Философическія сшашьи его сшояшъ гораздо выше сихъ Рѣчей. Правда, у него не найдемъ мы глубокой Философіи, извлеченной изъ сущесшва міросзданія, или взяшой изъ идеальнаго человѣка; онъ смошрѣлъ на общежишіе, вникалъ въ современныя мнѣнія, взглядывалъ на окружающія обсшояшельсшва; — и на всемъ эшомъ основывалъ свои прелесшныя, мечшашельныя, говорящія сердцу, но безсисшемныя, размышленія, кошорыя не имѣюшъ въ душѣ сочинишеля общаго начала, дающаго имъ единсшво. Онъ судишъ о предмешахъ шакъ, какъ судяшъ объ оныхъ шѣ люди, кошорымъ они нравяшся; по сему онъ всегда умѣешъ найши хорошую сшо-

рону во всякомъ предметѣ. Простой идиллическій взглядъ на жизнь и природу доставилъ ему то преимущество, которымъ онъ пользовался предъ всѣми писателями; ибо объемъ его мыслей былъ обширнѣе и разнообразнѣе, мечты легче, живѣе и прелестнѣе, нежели у другихъ; способъ воззрѣнія такъ доступенъ для всякаго, что читатель, будто бы встрѣчалъ свои мысли вездѣ, которыя однако въ душѣ писателя родились прежде нежели у него. Таковъ онъ во всѣхъ мелкихъ статьяхъ. Таковъ онъ и въ путешествіи своемъ! Вотъ та волшебная сила, которая очаровала современниковъ Карамзина и заставляла читать, перечитывать и затверживать его.

Но важнѣйшее его произведеніе есть Исторія Государства Россійскаго, какъ по объему и труду, котораго оная требовала, такъ по важности предмета и по тому вліянію, которое она произвела въ читателяхъ. Хотя сія Исторія не измѣнила общаго взгляда на сей родъ сочиненій и на Россію, хотя она не возвысила идеи, одушевляющей Историка при созерцаніи хода вѣковъ; однако она нашла столь великое число читателей, каковаго доселѣ еще не имѣла

у насъ ни одна книга; первое появленіе оной привело въ движеніе все читающее общество и изумило всѣхъ. Что жъ заставило читать Исторію *Карамзина* съ такою жадностію? Гдѣ искать причинъ столь блестящаго успѣха сего произведенія, явившагося въ то время, когда уже начали распространяться въ Россіи новыя идеи, совсѣмъ несогласныя съ духомъ онаго? Первою причиною сего была безъ сомнѣнія привычка читать *Карамзина*, который задолго до выхода Исторіи ничего не издавалъ; всѣ знали, что онъ давно пишетъ Исторію; всѣ знали, что прежнія произведенія, не стоя ему никакихъ усилій, плѣняли собою; и слѣдовательно отъ многолѣтняго труда могли ожидать произведенія лучшаго, совершеннѣйшаго. Вторая еще сильнѣйшая и болѣе важная причина торжества *Карамзина* была жажда знать отечественную Исторію, которая дотолѣ являлась въ формахъ грубыхъ, тяжелыхъ, которая не удовлетворяла, или лучше сказать, пугала читателей, уже привыкшихъ къ языку *Карамзина*, его современниковъ, и которая никогда еще не являлась въ полномъ видѣ. Въ третьихъ, *Карамзинъ* частію убѣжденный нѣ-

которыми дѣльными замѣчаніями прошивной партіи въ ошибкахъ своихъ, относительно языка, частію начитавшись старинныхъ лѣтописей и вникнувъ въ характеръ Русскаго языка и въ сродство онаго съ Славянскимъ, умѣлъ выбрать средину между формами иноязычными и между Славянизмомъ; а симъ средствомъ онъ примирился съ враждующею партіею. И долговременный сонъ нашей Литтературы много способствовалъ его славѣ. Наконецъ истинная заслуга, при помощи сихъ случайныхъ обстоятельствъ, утвердила за нимъ славу перваго Историка. Конечно нельзя согласиться съ приверженцами *Карамзина*, что Исторія его доведена до такого совершенства, послѣ котораго намъ нечего желать — мысль смѣшная и предосудительная! — Но и тѣ люди, которые говорятъ, что онъ симъ произведеніемъ ничего не сдѣлалъ, оставаясь неблагодарными, воздвигаютъ противъ себя теперь и готовятъ въ будущемъ туже неблагодарность къ собственнымъ заслугамъ. — Исторія *Карамзина* заставила читать *Русскія* книги и познакомиться съ *Русскимъ* языкомъ тѣхъ, которые прочитали *бѣдную Лизу*, *прекрасную Царевну* и проч.

заставила узнать по крайней мѣрѣ внѣшнюю жизнь нашихъ предковъ; она какъ собственно *повѣствовательная* Исторія стоитъ въ ряду съ лучшими въ семъ родѣ произведеніями Европы; и ежели мы скоро будемъ имѣть критическую, прагматическую и Философическую Исторію, то начала оныхъ мы можемъ найти въ Исторіи *Карамзина*. Онъ успѣхомъ своимъ вызываетъ на сіе поприще новыхъ писателей; а неудачею заставляетъ желать лучшаго, и указываетъ чего должно избѣгать. Читатели истинно просвѣщенные, любя новыя идеи, и радуясь дѣйствію оныхъ на новыя произведенія Словесности, умѣютъ цѣнить и важность прежнихъ произведеній.

Хотя ораторское краснорѣчіе, есть высшая отрасль Словесности, которая находится въ такомъ же отношеніи къ низшимъ родамъ прозы, какъ Драма къ другимъ родамъ Поэзіи; слѣдовательно, при естественномъ развитіи Литературы, оно въ видѣ искусства является очень поздо; но у насъ оное возникло въ Лирическомъ вѣкѣ; а духовное краснорѣчіе даже въ протедшемъ періодѣ сдѣлало значительный успѣхъ. Причиною сего необыкновеннаго хода было искусственное образованіе. Свойство Ораторство.

нашего гражданскаго быта таково, что въ свѣтскомъ ораторствѣ по временамъ являлись только Похвальныя Рѣчи, Академическія, Привѣтственныя и Благодарственныя; въ качествѣ же Политическихъ Рѣчей являлись часто Манифесты, между коими особенно замѣчательны писанныя въ Царствованіе Александра. Впрочемъ всѣ произведенія свѣтскаго краснорѣчія, кромѣ сихъ послѣднихъ, болѣе или менѣе показываютъ наше несовершеннолѣтіе; такъ что вездѣ видна страсть къ мечтамъ, къ разсказамъ, вездѣ воображеніе и умъ берутъ перевѣсъ предъ волею, которая здѣсь должна быть господствующею силою; изъ сего правила не совсѣмъ исключается даже самъ *Ломоносовъ*. Похвальныя Слова — кромѣ *Ломоносовскихъ* — суть только жизнеописанія или характеристики, написанныя возвышеннымъ слогомъ; Академическія рѣчи — разсужденія, оживляемыя чувственными изображеніями. — Но это нисколько не унижаетъ писателей; сила таланта, сила собственнаго ихъ духа, частнаго образованія и частной зрѣлости часто изумляетъ наблюдателя.

Проповѣдники.

Но не таково у насъ духовное краснорѣчіе! ходъ и степень успѣха онаго зависѣли отъ дру-

гихъ причинъ: духъ Христіанскаго благочестія всегда служилъ источникомъ слова духовнаго, а Религія — цѣлію. Духовенство, устраненное отъ дѣлъ Гражданскихъ, ограничило свою дѣятельность дѣлами церкви.

Вообще духовныхъ ораторовъ можно раздѣлить на два рода: одни изъ нихъ проповѣдуютъ только догматы вѣры и дѣла церкви, другіе, подобно великому нашему оратору, *Ѳеофану Прокоповику*, не отдѣляя обязанностей и добродѣтелей человѣческихъ и Гражданскихъ отъ обязанностей и добродѣтелей Христіанина, сообщаютъ онымъ то священное величіе, которое свойственно и сану ихъ и мѣсту ученія — церкви. Они, преслѣдуя Гражданскіе пороки, противопоставляютъ ихъ требованіямъ церкви и уравниваютъ оные съ нарушеніемъ правилъ вѣры, которая *безъ добрыхъ дѣлъ мертва.* Первые, отчуждая духовное краснорѣчіе отъ народной Словесности, могутъ, приносить пользу только въ смыслѣ догматическомъ (или догматическаго ученія); — послѣдніе, сильно дѣйствуя на нравы и просвѣщеніе народа, даютъ стройное согласіе и единомысліе сословіямъ онаго; мы уже видѣли въ минувшемъ Періодѣ, какъ *Про-*

холопиць споддвижничествовалъ Петру въ его великихъ начинаніяхъ; видѣли и то, что чуждый народу нашему языкъ, бывшій въ употребленіи въ духовныхъ училищахъ, препятствовалъ разгонять невѣжество народа. Труды *Ломоносова* мало подѣйствовали на нихъ. Немного у насъ Платоновъ! Воспоминаніе о нихъ для насъ священно!

Между современниками Ломоносова, Епископъ *Гедеонъ Криновскій* первое мѣсто занимаетъ въ Исторіи духовной Литтературы. Впрочемъ онъ былъ Ораторомъ не для народа; ибо проповѣди его были наполнены доводами, Историческими примѣрами и свидѣтельствами; онъ сильно дѣйствовалъ на умы образованнаго класса людей, и въ этомъ отношеніи снискалъ себѣ великую извѣстность между современниками и славу въ ученомъ потомствѣ. Проповѣди Гедеона по языку носятъ характеръ прежнихъ церковноучителей. Но *Дмитрій Сѣченовъ*, Митрополитъ Новгородскій, превзошелъ его и простотою мыслей и чистотою языка. Хотя сей Пастырь Христіанъ не имѣлъ тѣхъ обширныхъ познаній, каковыми славился Криновскій; однако понималъ очень хорошо свое назначеніе, и по-

шому, бесѣдуя съ паствою своей о добродѣтеляхъ и порокахъ современнаго ему міра, оставилъ по себѣ тѣмъ память въ самомъ простомъ народѣ. Въ семъ послѣднемъ отношеніи, только одна изъ проповѣдей Гедеона, произнесенная по случаю полученія извѣстія о разрушеніи Лиссабона, можетъ соперничествовать съ Словами Димитрія. *Георгій Конисскій*, Архіепископъ, славился великимъ умомъ, обширною ученостію и возвышеннымъ краснорѣчіемъ не только въ проповѣдяхъ, но и особенно въ привѣтственныхъ Рѣчахъ, которыя дышатъ простою, но сильною Еврейскою Поэзіею; Азіатскія уподобленія и метафоры придаютъ имъ какую-то величественную небрежность и плѣнительную роскошь. *Платонъ Левшинъ*, Митрополитъ, кромѣ того, что написалъ множество духовно-прагматическихъ Сочиненіи, далъ проповѣдничеству гораздо обширнѣйшее значеніе. Онъ при Дворѣ хотѣлъ блистать умомъ, увлекать силою мыслей въ изображеніи добродѣтели, и устрашать изображеніемъ зла съ его слѣдствіями; въ приходскихъ церквахъ онъ говорилъ проще, спокойнѣе и о такихъ предметахъ, которые ближе къ житейскому кругу; въ уединеніи монастыр-

скомъ онъ убѣждалъ болѣе мыслями и словами священнаго Писанія. Кіевскій Протоіерей *Іоаннъ Леванда* еще болѣе разпространилъ кругъ дѣйствія Духовнаго Краснорѣчія: онъ, вразумляя умъ, плѣняя воображеніе и растрогивая чувствованія, возбуждалъ духъ благочестія и любовь къ добру. Архіепископъ *Анастасій Братановскій* первый началъ писать Проповѣди простымъ нарѣчіемъ, а тѣмъ самымъ сдѣлалъ оныя болѣе полезными; ибо дотолѣ народъ не понималъ оныхъ. Митрополитъ *Михаилъ Десницкій* довелъ проповѣдь до простой умилительной Бесѣды, дышущей христіанскою кротостію и откровенностію самой истины; Архіепископъ *Амвросій Протасовъ* умѣлъ соединить христіанскую простоту съ ораторскою торжественностію. Онъ былъ истинный Ораторъ. Прочіе новѣйшіе проповѣдники принадлежатъ къ послѣднему, начинающемуся періоду. И тѣхъ духовныхъ писателей, о которыхъ я упомянулъ здѣсь, не разбираю подробно по тому, что боюсь, дабы не принять на себя обязанности выше моихъ силъ и средствъ.

Ученая Литература.

Безпрестанное размноженіе училищъ требовало руководствъ для преподаванія наукъ и свѣ-

дѣній; посему сначала появлялись по временамъ переводы ученыхъ и учебныхъ книгъ, потомъ, въ концѣ сего періода, по многимъ отраслямъ знаній изданы были оригинальныя сочиненія, которыя, хотя и не могли ровняться съ иностранными современными и однородными имъ произведеніями, однако показывали свободное стремленіе къ провсѣщенію и довольно значительный успѣхъ въономъ. Впрочемъ рѣшительное освобожденіе отъ чужеземнаго вліянія въ семъ отношеніи предоставлено наступившему періоду. Словесноучебныхъ книгъ столь мало явилось въ продолженіе сего времени, и между явившимися столь мало такихъ, которыя останавливаютъ на себѣ наблюдательное вниманіе, что невольно предаешься какому-то непріятному удивленію и со стыдомъ спрашиваешь самого себя: Гдѣ кроется причина этой умственной бездѣятельности? Не уже ли въ самомъ дѣлѣ отъ Ломоносова и до Греча не было человѣка, способнаго произвести что либо цѣлое, систематическое и дѣльное? Всѣ Грамматики, всѣ Риторики, вышедшія въ сіе время, суть худые, иногда сжатые, иногда растянутые сколки съ Грамматики и Риторики Ломоносова. Много

можно насчитать таковыхъ; но Исторія Литературы не имѣетъ причины останавливаться на оныхъ. И мыслящіе писатели въ семъ родѣ начали являться только не давно, въ позднѣйшее время; а потому теперь говорить о нихъ неумѣстно. Однако и въ семъ, бѣдномъ словесно-учебными книгами, періодѣ, вышло въ свѣтъ нѣсколько отдѣльныхъ отрывковъ и разсужденій достойныхъ всякаго уваженія, какъ на примѣръ: Фонъ-Визина письмо о Словарѣ, разсужденія и критики Подшивалова, Мерзлякова, Каченовскаго и другихъ; но болѣе всѣхъ въ этомъ родѣ писателей заслуживаетъ уваженіе и благодарность *А. С. Шишковъ*. Его Разсужденіе: *О Старомъ и Новомъ слогѣ Россійскаго языка*, *прибавленіе къ сему сочиненію*, *Разговоры о Словесности* и *прибавленіе къ онымъ*, не смотря на то, что и они не совсѣмъ свободны отъ крайности въ славенизмѣ, много принесли пользы языку; ибо отстояли оный отъ излишнихъ иноязычныхъ нововведеній. Въ семъ періодѣ Россійская Академія совершила трудъ обширный и важный для знанія языка — составленіе двухъ Русскихъ Словарей.

Журналы. Какое человѣческое предпріятіе не имѣло у-

порныхъ противодѣйствователей? Не нужно искать далеко злаго начала, враждующаго всякому добру; оно въ насъ самихъ; оно-то возстаетъ противъ просвѣщенія и противъ тѣхъ средствъ, которыми сіе послѣднее дѣйствуетъ на улучшеніе рода человѣческаго. Журналы и вообще повременныя изданія всегда имѣли и доселѣ имѣютъ своихъ порицателей. Но какое въ мірѣ ученое заведеніе можетъ сказать, не обинуясь: *я дѣйствовало на образованіе общества болѣе нежели Журналистика!* Неумѣстно здѣсь говорить о злоупотребленіи Журналистовъ; оно само себя обвиняетъ, — точно такъ какъ и благодѣтельное вліяніе журналовъ само за себя говоритъ. — Журналистика, мѣшая важное теченіе съ легкимъ и пріятнымъ, заставляетъ насъ прочитывать то и другое; и слѣдовательно невольно образуетъ вкусъ ученаго, который отъ холодныхъ и однообразныхъ изысканій и выводовъ дѣлается угрюмымъ, одностороннимъ, презрительнымъ ко всему, кромѣ своего предмета, и тѣмъ пугаетъ людей живыхъ, свѣтскихъ; она невольно навязываетъ важныя знанія и глубокомысленныя истины людямъ свѣтскаго образованія, которые страшатся словъ: *ученый*

и *ученость*. Журналы образуютъ и утверждаютъ вкусъ; они установляютъ общественное мнѣніе. Они не могутъ дать систематическаго образованія, однако распространяютъ знанія несравненно быстрѣе и удобнѣе нежели школное ученіе; и сей способъ сообщенія знаній имѣетъ то преимущество предъ школьнымъ, что оный не требуетъ никакихъ условій, и что журналы могутъ быть читаны людьми всѣхъ сословій и возрастовъ, вездѣ и всегда. И появленіе журналовъ въ нашей литературѣ много способствовало развитію оной и образованію общественному. Первымъ періодическимъ изданіемъ мы обязаны знаменитому Исторіографу и Академику Миллеру; онъ началъ издавать въ 1755 году *Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія*, и продолжалъ сіе истинно полезное и въ свое время пріятное занятіе десять лѣтъ. Это предпріятіе, увѣнчанное успѣхомъ и увѣнчавшее честію трудолюбиваго и просвѣщеннаго издателя, возбудило соревнованіе въ другихъ писателяхъ, и придало движенія Литературѣ нашей: въ слѣдъ за симъ появились: *Трудолюбивая Пчела* — Сумарокова, *Свободные часы* — Хераскова, *Невин-*

ное увеселеніе — Богдановича; потомъ потянулись непрерывнымъ рядомъ: *Санктпетербургскій вѣстникъ*, изданіемъ котораго занимались Богдановичъ, потомъ Пнинъ и другіе писатели; *Трудолюбивый муравей*. и другіе — Рубона, *Живописецъ*, *Трутень* и др. — Новикова; *Санктпетербургскій Меркурій*; *Иртышъ, превратившій въ Ипокрену* — П. Сумарокова, *Трудолюбецъ*, *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій* изд. общ., *Пріятное и полезное препровожденіе времени* — Подшивалова, *Московскій журналъ* — Карамзина, *Сѣверный вѣстникъ*, — Мартынова, *Вѣстникъ Европы*; изданіемъ котораго занимались въ продолженіи тридцати годовъ, лучшіе писатели; и многія другія срочныя и безсрочныя изданія — въ которыхъ родилась и возрастала наша критика, облагороженная Мерзляковымъ и Карамзинымъ — распространяя вкусъ къ чтенію, образуя читателей, вызывали писателей къ дѣятельности, и приготовляли новый переворотъ въ Литературѣ.

*

ВЗГЛЯДЪ НА НОВУЮ СЛОВЕСНОСТЬ.

Свершились четыре періода нашей Литературы! Первый, забытый нами такъ точно, какъ всякій изъ насъ забываетъ свое младенчество, столь же важенъ въ ряду знаній, какъ важно знаніе свойствъ младенчества. Не дѣйствія, не произведенія младенческія должны обращать наше вниманіе и заслуживаютъ изслѣдованія, а источникъ оныхъ, душа, какъ сила, которой предназначено нѣкогда творить; сіи произведенія неполны, нестройны, нелѣпы, безобразны, какъ нестройны первоначальныя, естественныя наши наклонности; однако онѣ составляютъ тотъ матеріалъ, изъ котораго въ послѣдствіи воля и обстоятельства образуютъ характеръ. Второй представляетъ естественную борьбу сихъ первоначальныхъ наклонностей, или лучше сказать: идей, созданныхъ человѣкомъ, при содѣйствіи внѣшней природы, съ идеями *высшими*, небесными, которыя должны побѣдить все ложное, безобразившее природу человѣческую; должны, такъ сказать, срастись съ тѣмъ, что составляетъ красоту

человѣчества, — съ гражданскимъ и нравственноразумнымъ совершенствованіемъ. Таково было назначеніе сего періода; но назначеніе это не выполнено, по случайному вліянію обстоятельствъ, которыя много оставили въ насъ ложно-вреднаго, подавивъ собою прекрасное и высокое. Третій періодъ представляетъ Богословское, или ученоблагочестивое направленіе, которое съ помощію Схоластики и Латино-Езуитскаго ученія поработило все народное, такъ что Литература наша лишилась нетолько Русскаго, но и общественножитейскаго. Четвертый Періодъ долженъ былъ познакомить и сблизить насъ съ древнимъ Міромъ и съ вліяніемъ онаго въ новомъ Мірѣ; мы узнали то и другое, и испытали на самихъ себѣ. Такъ, извѣдавъ всѣ направленія, наконецъ мы должны обратиться внутрь себя. Но таковые перевороты совершаются не случайно и не вдругъ. Такъ Литература наша, въ послѣдней половинѣ минувшаго и въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, переходила отъ подражанія древнимъ сначала къ подражанію Французской, потомъ Нѣмецкой Литературѣ, которая по существу своему ближе къ нашей, нежели всѣ другія. Сіе послѣднее по-

дражаніе и нѣкоторымъ сходствомъ образцевъ съ нашимъ духомъ и самостоятельностію оныхъ напомнило намъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ нашего характера, и намекнуло о возможности имѣть самобытную свою Литературу. Въ слѣдствіе сего нѣкоторые писатели пробовали измѣнить направленіе словесности; но законы нравственно - разумной природы и Исторической судьбы всегда содѣлываютъ первыя попытки тщетными; и словесность наша безпрестанно обогащалась произведеніями всѣхъ родовъ, но была чужда намъ по духу своему.

Жуковскій. В. А. Жуковскій, рожденный съ душею Русскою, исполненною тихихъ, но сильныхъ чувствъ, способныхъ принимать впечатлѣнія глубокія, неизгладимыя, съ умомъ возвышеннымъ и глубокомысленнымъ, съ волею благою; онъ среди Міра былъ одинъ, какъ въ пустынѣ. Гдѣ такой душѣ найти постояннаго, стройнаго, гармоническаго сочувствія и полнаго уразумѣнія ея высокихъ юношескихъ помысловъ? — тамъ въ безпредѣльности! Вотъ, источникъ его темныхъ и мрачныхъ думъ, которыя при всей угрюмости своей прелестны, какъ наша безночная весна! Онъ, борясь съ злымъ духомъ, поработившимъ нашу словесность

и съ одиночествомъ своего Генія, подобно Одену, первому пѣвцу Сѣвера, напрасно вопрошалъ будущее; оно безмолвствовало, и онъ дѣлался задумчивѣе и мрачнѣе, ибо все еще былъ одинъ. Онъ углубился въ Германскую и Англійскую Литературу, и пересадилъ на нашу пустую почву прелестные цвѣтки той и другой; отгадывая наши отношенія къ духу Германіи и Англіи и нося въ самомъ себѣ духъ Руси, онъ произвелъ нѣсколько прелестныхъ, очаровательныхъ опытовъ *Русской* Словесности, въ которыхъ проглядываетъ что-то родное, говорящее сердцу. — Между сими произведеніями первое мѣсто займутъ *Свѣтлана* и *Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ*. Тогда будущность его просіяла свѣтлымъ, веселымъ *настоящимъ*; ибо при сихъ пѣсняхъ Русское сердце забилось весело и радостно, какъ при свиданіи съ потеряннымъ другомъ завѣтнымъ. Тогда Русь поняла своего пѣвца! Но онъ, какъ бы въ благодарность Музамъ Германіи, имъ посвящалъ большую часть своихъ досуговъ. Впрочемъ сѣмя уже брошено на почву, хотя не воздѣланную, но свѣжую, плодородную, и народный духъ пробудился. *Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ*, потомъ *Пѣ-*

вецъ въ Кремлѣ вмѣстѣ съ другими пѣснями, и съ самыми событіями, вдохнувшими оныя, показали намъ силу и самобытность нашего духа; и послѣ того никакая уже внѣшняя сила не въ состояніи задавить онаго. Появленіе Исторіи Государства Россійскаго открыло намъ все богатство нашей минувшей жизни, и привязало насъ къ самимъ себѣ. Даже тѣ, идеямъ которыхъ не удовлетворила сія Исторія своимъ направленіемъ, одолжены оной своею дѣятельностію. Жизнь закипѣла; самое подражаніе сдѣлалось обширнѣе, разнообразнѣе: Смотрите, какъ Батюшковъ подражалъ Петраркѣ и другимъ Пѣвцамъ Италіи. Это не ученикъ, повторяющій съ слѣпою довѣренностію слова учителя; это самостоятельный свободный Пѣвецъ, воспламененный успѣхомъ другаго; онъ оспориваетъ вѣнецъ у своего учителя. Напрасно Литературу нашу теперь упрекаютъ молчаніемъ и безжизненностію! Когда же она была говорливѣе? Когда была дѣятельнѣе и живѣе? Не ужели хотятъ, чтобъ у насъ теперь было такъ много писателей, какъ во Франціи? Кто этого требуетъ, тотъ не понимаетъ хода человѣческаго совершенствованія. Конечно

Лирическая у насъ теперь рѣдко являются Торжественныя

Оды; но отъ того ни цѣлый кругъ Словесности, ни даже самая Лирика не сдѣлалась бѣднѣе и однообразнѣе; напротивъ Лирика, избавившись отъ положительной нравоучительности, получила бóльшую живость и обширнѣйшее значеніе. Оды, Гимны, Элегіи, Пѣсни, или лучше сказать: вообще Лирическія Стихотворенія Жуковскаго, — они не имѣютъ точныхъ формъ — возносят духъ, не утомляютъ его; ибо излились изъ сердца, а не изъ обязанности поэта; *Батюшковъ* нѣжнѣе, чувствительнѣе Жуковскаго, но онъ не такъ силенъ, величественъ, увлекателенъ; ибо онъ еще не совсѣмъ отрекся отъ классической школы. *Пушкинъ*, *Баратынскій*, *Языковъ* и другіе новѣйшіе Поэты дали Лирикѣ какую-то безпредѣльную прелесть: они сообщили простоту, естественность, и свободную неограниченность въ формахъ, какъ частныхъ, такъ и общихъ, и довели оную въ *Думахъ* до повѣствованія; такъ что трудно рѣшить, гдѣ оканчивается Лирическая Поэзія и гдѣ начинается повѣствовательная. Изъ этого однако же не слѣдуетъ, чтобъ на самомъ дѣлѣ не было границъ между сими двумя родами Поэзіи: это доказываетъ только, что есть Поэзія.

тѣсный переходъ отъ одного къ другому, что Поэтъ иногда можетъ при мечтательныхъ воспоминаніяхъ приходить въ восторги, и въ восторгахъ увлекаться воспоминаніями, чему примѣры мы видѣли и въ прошедшемъ Періодѣ у Державина и Дмитріева.

Повѣствовательная.

И повѣствовательная Поэзія приняла у насъ другую форму отъ измѣненія своего духа. Жуковскій началъ преобразованіе оной созданіемъ Баллады. Воспитавъ себя подъ напѣвомъ задумчивыхъ глубокомысленныхъ Музъ Германіи, имѣющихъ нѣкоторыя черты сходства съ нашимъ народнымъ духомъ, а болѣе согласныхъ съ внутреннимъ его расположеніемъ, онъ естественно долженъ былъ вдаться въ крайность; ибо не могъ ясно видѣть различіе Геніевъ Германіи и Руси, и потому онъ сей родъ Поэзіи поставилъ, такъ сказать, на распутіи Германскаго и Русскаго направленій. *Козловъ* начиналъ склонять оную къ родному нашему; но *А. С. Пушкину* принадлежитъ эта честь. Онъ первый стяжалъ имя чисто Русскаго Поэта. Называть его *Поэтомъ* исключительно предъ прочими, значитъ оскорблять память великихъ Геніевъ; чего Поэтъ, имѣющій самостоятельную славу,

желать не можетъ для собственной славы! Поэма Русланъ и Людмилла напомнила намъ мнѣнія и вѣрованія нашихъ предковъ, напомнила Русскую старину, которую онъ облекъ въ прекрасную форму. Послѣдующія его произведенія: *Кавказскій Плѣнникъ*, *Бакчисарайскій фонтанъ*, *Цыгане* и другія постепенно утверждали за нимъ первенство между новѣйшими Поэтами, кромѣ Жуковскаго; а *Борисъ Годуновъ* и Сказка о *Царѣ Салтанѣ* утвердили насъ въ надеждѣ несомнѣнной, вѣрной, что будемъ имѣть *Русскую Поэзію*: — *Свѣтлана* Жуковскаго побѣждена; и *Царь Берендей* долженъ уступить первенство *Салтану*; только *Вадимъ* доселѣ еще не встрѣчалъ соперника. *Баратынскій*, превосходя Пушкина богатствомъ содержанія и глубокостію чувствованій, далеко ниже его стоитъ, въ отношеніи чистоты вкуса, прелести изображеній, легкости вымысловъ и самаго выбора предметовъ. Въ слѣдъ за сими поэтами явились многіе второстепенные; но о начинающихъ Исторія не можетъ говорить. Въ наше время повѣствовательная Поэзія не ограничивается Поэмою; сюда же относятся Повѣсти и Романы. Жуковскій и здѣсь проло-

жилъ новый пушь; хошя его *Марьина Роща* не можешъ назващься во всѣхъ отношеніяхъ Русскою Повѣстію. Долго мы довольствовались переводами Романовъ Французскихъ и весьма немногихъ Нѣмецкихъ и частію подражаніемъ. *Нарежный* первый показалъ намъ образцы Русскихъ Повѣстей и Романовъ; но, не сообразуясь съ требованіями читающаго общества въ выборѣ предметовъ и въ языкѣ, онъ не былъ услышанъ; *Булгаринъ* необыкновеннымъ своимъ успѣхомъ привелъ въ движеніе и читателей и писателей. Потомъ рѣзкій тонъ Сатиры поставилъ его въ немилые. Первый соперникъ его въ Историческомъ Романѣ — *Загоскинъ*, который, уступая *Булгарину* въ разсказѣ, превосходитъ его въ изображеніи характеровъ посредствомъ разговоровъ. Непосредственно за пѣмъ явились Романы *Ушакова*, отличающіеся знаніемъ слабостей человѣческихъ и предразсудковъ свѣта, и *Монастырка* — сочинителя, извѣстнаго подъ вымышленнымъ именемъ *Погорѣльскаго*; потомъ прекрасные, отличающіеся занимательною истиною, Романы *Калашникова*, *Массальскаго* и *Бегичева*. О всѣхъ Историческихъ нашихъ Романахъ можно

сдѣлать одно весьма важное замѣчаніе, что въ нихъ Исторія не связана съ вымысломъ. Не смотря однако на сіе, мы уже могли сказать, что имѣемъ свои собственные Романы; но безпристрастные любители Словесности пріятно изумлены явленіемъ двухъ новыхъ произведеній: *Послѣдній Новикъ* — *Лажечникова*, и *Клятва при гробѣ Господнемъ* — Полеваго. Сіи два превосходныя произведенія достойны своего назначенія, достойны своего вѣка! достойны соперничествовать съ *Шпіономъ* — Купера, и Ивангоемъ — Вальтеръ-Скотта. Что же касается до повѣстей, то мы имѣемъ оныхъ еще болѣе нежели Романовъ; и между ими первое мѣсто занимаютъ повѣсти *Марлинскаго*, котораго мы смѣло можемъ противопоставить, безъ всякаго Патріотическаго предубѣжденія, всѣмъ Геніальнымъ въ семъ родѣ писателямъ Европы.

Дидактической поэмы мы не имѣемъ; Сатириками лучшими можемъ назвать Князя *Вяземскаго*, *Булгарина* и *Сенковскаго*, изъ коихъ двое послѣдніе не утомимо дѣйствуютъ на семъ поприщѣ неблагодарномъ. — *И. А. Крыловъ* довелъ нашу басню до возможнаго совершенства; сія мысль не требуетъ никакихъ доказательствъ.

Дидактическая.

Перомъ сего писателя управляетъ сама Истина, удушевляемая Граціями.

Драма.

Драматическая Поэзія у насъ не такъ обильна оригинальными произведеніями; однако, принявъ въ уваженіе недавность рожденія нашего театра и другія обстоятельства, мы не можемъ жаловаться на совершенную безжизненность оной; и ежели вспомнимъ, что въ столь короткое время существованія у насъ театра появилось нѣсколько превосходныхъ оригинальныхъ комедій; — напримѣръ нѣсколько комедій Шаховскаго, Загоскина, Хмельницкаго, Грибоѣдова — особенно *Горе отъ ума*, и подобная ей Перцева — *Смѣшны мнѣ люди*; — то конечно можемъ успокоиться надеждою на постепенное умноженіе и улучшеніе сего рода Словесности. Въ послѣднее время явилось нѣсколько и важныхъ Драмъ, достойныхъ замѣчанія. Правда, естественный ходъ совершенствованія отстаетъ отъ нетерпѣливаго желанія; но не все послушно нашимъ желаніямъ. Нѣтъ! не на то мы должны жаловаться, что мало у насъ пишутъ, а на то, что нѣкоторые сильные таланты пишутъ, на *авось!*

Хотя не можемъ сказать, чтобъ проза

наша имѣла одинаковую дѣятельность съ Поэзіей; однако и она теперь оживаетъ, — особливо въ описательныхъ и повѣствовательныхъ родахъ; ибо теперь довольно часто являются статьи нравоописательныя, очень хорошія путевыя и дневныя записки, описанія путешествій, компаній, частныя Историческія изслѣдованія, отдѣльныя Исторіи и Біографіи Государей и Государственныхъ лицъ; даже Ораторство принимаетъ другое новое направленіе. Но вотъ о чемъ мы должны пожалѣть, — что доселѣ не имѣемъ еще полной Исторіи ни общей, ни Россійской; доселѣ еще наставникъ не можетъ юному любознательному питомцу указать ни на одну полную Исторію, достойную вѣроятія и довѣрчиваго прочтенія. Не менѣе того достойно сожалѣнія и то, что у насъ почти со всѣмъ нѣтъ словесно-учебныхъ сочиненій. Кромѣ Грамматикъ Греча и Востокова не на чемъ остановиться. Сей недостатокъ столь ощутителенъ, что слѣдствія онаго оскорбительно-изумительны; ибо большая часть людей образованныхъ — и къ удивленію, — нерѣдко учители Словесности не знаютъ объема и содержанія Словесныхъ наукъ. Это зависитъ

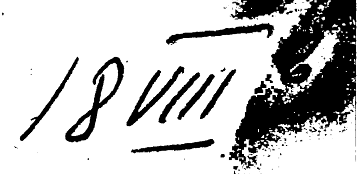
отъ того, что большая часть руководствъ по сей отрасли знаній не имѣютъ никакихъ началъ, не обнимаютъ и половину своего предмета, и напротивъ говорятъ часто о томъ, что не можетъ имѣть, кромѣ худыхъ, никакихъ слѣдствій для Словесности. И наконецъ, ежели подъ словомъ: *Критика*, разумѣть тѣ безотчетныя хвалы или ругательства, которыя ежедневно появляются въ Журналахъ; то сей родъ сочиненій надобно почитать совершенно лишнимъ; если же критика есть судъ, который долженъ карать Литературныя преступленія, оцѣнивать достоинства, останавливать и вразумлять бездарность, ободрять и вести къ совершенствованію истинный талантъ, утверждать общее мнѣніе, образовать чувство изящнаго, очищать общій вкусъ и исправлять истину и знанія отъ предубѣжденій и предразсудковъ; то надобно пока надѣяться на счастливѣйшее направленіе сего столь важнаго рода Словесности!

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Сочинитель проситъ прежде чтенія исправить опечатки замѣченныя:.

Страница.	*строка.*	*напечатано.*	*читай.*
Въ пр. IX.	6 —	Мотомъ	.. потомъ
2	13 —	выковыя	.. вѣковыя
15	1 —	Самуила	.. Саула
39	3 —	производило	.. производила
41 снизу	2 —	Исполненнымъ	.. Исполинамъ
45 сверху	14 —	Страшнымъ	.. Страшнымъ
57 ——	12 —	Миѳологіею	.. съ Миѳологіею
87	послѣдняя —	Овиня	.. Овсеня
88 внизу	5 —	руками	.. рунами
101 сверху	11 —	пускало	.. пускала
119 ——	14 —	въ простодушіе	.. въ простодушіи
120 снизу	2 —	брашкомъ	.. брашномъ
133 сверху	12 —	пѣшь	.. пѣснь
196 ——	17 —	непоняпины	.. непо́няпы
252 —	11, 19 и 24 —	Вереона	.. Версона
261 ——	7 —	Вѣпра	.. Вѣпрана
275 ——	7 —	способсшвовала	.. способсшвовали
285 ——	11 —	Теапру	.. къ шеапру.

18 VIIII

